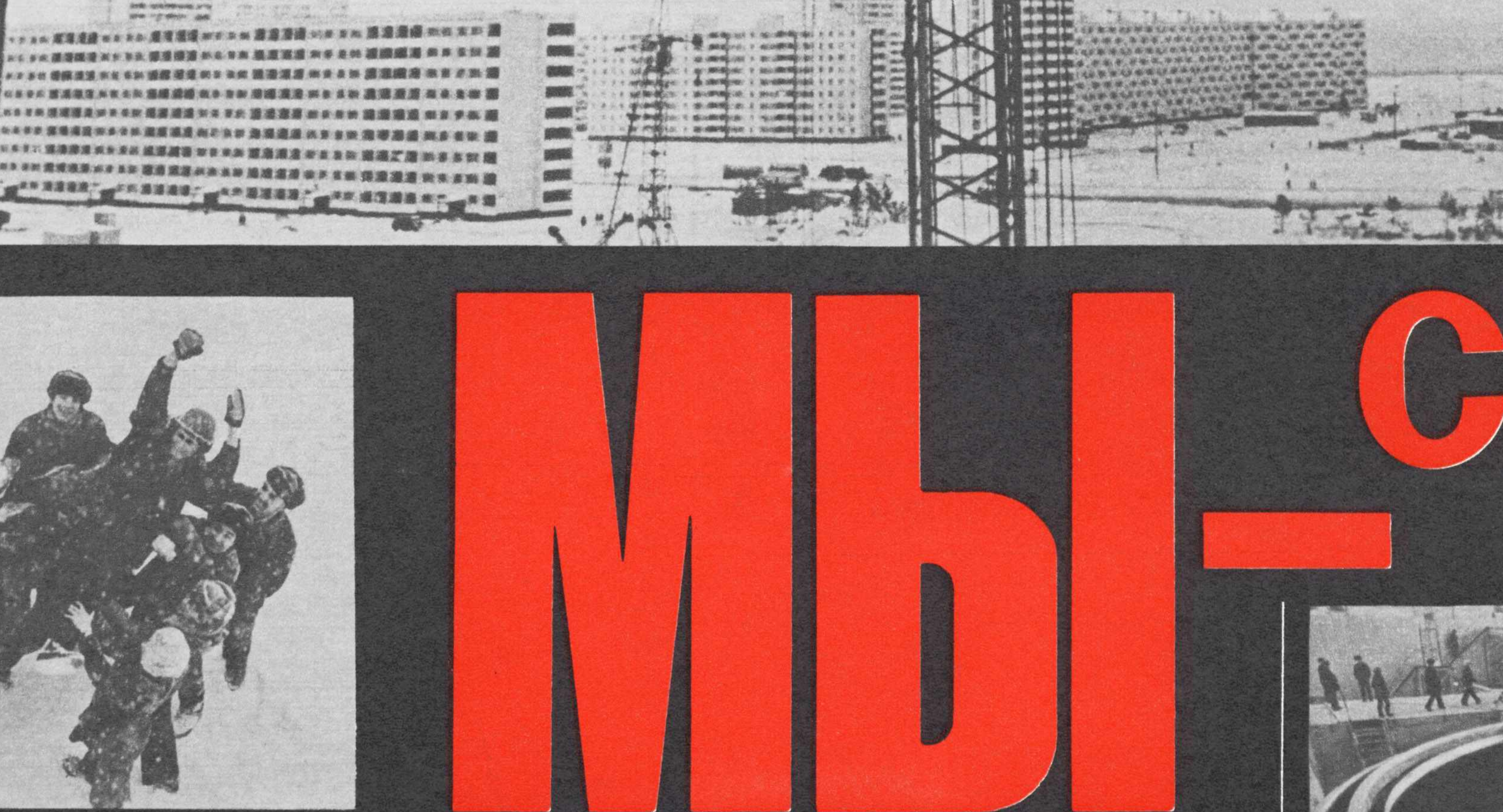

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 8 ФЕВРАЛЬ 1977

МЫ — СТ

У нашего ветерана, Никифора Павловича Бурашникова, день рождения...

Вот за эти резервуары мы и получили приз «Огонька».

«Огонек» на КамАЗе

Строим и строим...

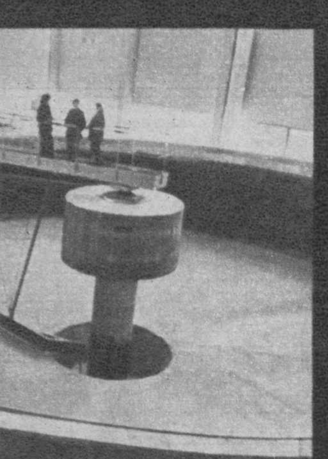
Это я сам...

РОИТЕЛИ...

Константин АЛЬЧИКОВ, бригадир комплексной имени XXV съезда КПСС бригады, депутат Верховного Совета ТАССР

Фото Г. КОПОСОВА

Нигде не видел столько детей, как в Челнах!

Мы строим КамАЗ, а точнее его прессоворамный завод, одну шестую часть автогиганта. Первый кубометр бетона наша бригада уложила без малого шесть лет назад, 8 мая 1971 года. Никто из нас не забудет тот день — он был солнечный, с ветерком, с хрустящим песком на зубах. И не потому, что потом не было у нас других памятных дней, нет, просто тот стал первым днем большого бетона на всей промышленной площадке автомобильного комплекса. Затем подошла очередь стотысячного кубометра бетона, и мы тоже завоевали право его

ВСТРЕЧА В ЦК КПСС

Во время встречи.

Фото В. Кошевого (ТАСС)

9 февраля в ЦК КПСС состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС А. П. Кириленко и кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева с делегацией партий Народного единства Чили в составе исполнительного секретаря Народного единства К. Алмейда, Генерального секретаря Коммунистической партии Чили Л. Корвалана, Генерального секретаря Социалистической партии Чили К. Альтамирано и Генерального секретаря Рабоче-крестьянской партии МАПУ Чили Х. Гасмури.

В ходе беседы делегация партий Народного единства рассказала о борьбе чилийских демократов и патриотов против военно-фашистской диктатуры, укреплении сплоченности партий Народного единства и всех антифашистских сил Чили.

Делегация КПСС информировала о деятельности Коммунистической партии Советского Союза по претворению в жизнь решений XXV съезда.

Делегация партий Народного единства выразила глубокую признательность Центральному Комитету КПСС, всем коммунистам и трудящимся Советского Союза за последовательную поддержку борьбы чилийского народа. Обе стороны приветствовали освобождение из тюремных застенков Генерального секретаря Коммунистической партии Чили Л. Корвалана, других видных чилийских демократов и патриотов, что явилось яркой демонстрацией действенности пролетарского интернационализма, победой международного движения солидарности, прогрессивных сил мира.

Представители КПСС заявили, что Коммунистическая партия Советского Союза будет и впредь оказывать неизменную поддержку чилийским патриотам в их борьбе за восстановление в Чили свободы и демократии.

Встреча прошла в сердечной обстановке.

уложить; не так давно — девятисоттысячного, и его снова доверили нам. А теперь оспариваем право укладки последнего кубометра.

Мы, бетонщики, как кроты, копаемся в самом низу, в земле, и работа у нас невидная. Ковыряем, ворочаем слои грунта, ставим опалубку, заливаем бетоном, затем все снова будет закрыто землей, положат плиты, и ничего снаружи «нашего» не останется. Словом, работа без внешнего эффекта, а требования предъявляются к ней по самому большому счету.

Сначала, откровенно говоря, не все у нас в бригаде это понимали. Получалось где вкривь, где вкось, где с брачком и не плотно. Я такую работу не принимал. Возмущались: «Что же, рубить прикажешь? Заставишь бесплатно переделывать?» Заставлял. И расплачивались из своего кармана, не за счет же государства! Зато о качестве у нас разговоры давно уже не ведутся, полное, так сказать, согласие и порядок: не только проценты, не только план, но и высокий класс работы. А как каждому из нас приятно было слышать оценки заводских специалистов, когда мы сдавали площади под монтаж технологического оборудования: «Молодцы, ребята, точно и чисто работаете!»

Может быть, именно потому, что мы жестко и рьяно боролись за качество, начальник «Автозаводстроя» В. Н. Гостев поручил нам сделать резервуары на станции нейтрализации. Эта станция была бедовым, «горящим» объектом, о ней трубили на всех оперативках и штабах, писали во всех газетах. Станция должна очищать отработанную воду, и без нее нельзя было пускать завод. До того мы никогда не бетонировали подобных сооружений. Это громадные емкости, с перегородками, соединенные друг с другом и с колодцами. Одна из них, круглая, побольше цирковой арены, настоящий бассейн, из которого не должна просочиться ни одна капелька. Посмотрел я на синьки — сложнейшие системы, допуск плюс минус десять миллиметров — и задумался: это же не металл, а бетон, и такая точность! Стал советоваться с нашими ветеранами — Никифором Бурашниковым, участником Великой Отечественной войны, Ильясом Султановым, профгрупоргом Дмитрием Слесаревым, групкомсоргом Анатолием Абакумовым... «Попалась нам работенка, справимся ли?» — спросил я.— Повышенные требования к бетону, иная технология, двойной спрос с нас...» «Раз надо, так надо! Сделаем!» — отвечали наши ветераны. Их у нас тринадцать человек, и называю я так уважительно, потому что идем вместе все эти годы, с самого начала. Кое-кто из них пришел в бригаду парнишкой, а теперь уже все сами отцы.

На календаре были последние дни 1975 года. Времени отпущено не так уж много. Но какого времени! Стройка, как и вся страна, напряглась, готовила подарки к XXV съезду КПСС. На заводах в процессе пусконаладки изготавливались детали и узлы автомобиля, решено было 16 февраля, в честь предстоящего съезда партии, пустить главный конвейер и начать сборку первых машин КамАЗа.

Жарко и на нашей станции нейтрализации. Если сказать, что мы эти самые резервуары одолели, значит, ничего не сказать. Работали в три смены, по ночам было светло, как днем, от слепящих вспышек сварки. Мы решили не ждать, пока доделают кровлю, нас поливали дожди и оттаявшие снега, и смена начиналась с того, что вывозили прежде всего грязь. На час пораньше в такие дни приходили на смену. Отказывал бетононасос, нельзя было подобраться крану,— и тогда мы бетон перекидывали лопатами. Тонны бетона руками! Но он должен был подаваться беспрерывно, иначе бы образовывалась течь. Мы сами фиксировали опасные места и тут же производили ремонт... За результаты, достигнутые в предсъездовском соревновании, нашей бригаде было присвоено особо почетное звание коллектива имени XXV съезда КПСС.

После станции нейтрализации мы строили пешеходные тоннели, а потом вернулись в корпус прессоворамного завода. Но те резервуары нам особенно дороги еще потому, что за них получили мы недавно приз журнала «Огонек». К слову сказать, та наша работа вся на виду, как в павильоне ВДНХ. Круглый голубой бассейн получился на загляденье, хоть плавай в нем. Другие резервуары, как аквариумы, только что не из стекла, а из бетона...

На бригадном подряде мы с 1974 года, когда только был объявлен конкурс «Огонька» на лучший коллектив, работающий по новой системе хозрасчета. Но главный приз все обходил нас стороной, далеко был от нас. А когда первое место завоевал механизированный комплекс Наурбиева, а второе место — бригада плотников — бетонщиков Харитонова из нашего строительно-монтажного управления № 3, мы заволновались, почувствовали: «Вот теперь настает и наш час. Победа совсем уже близко. Надо поднапечь, не упустить!»

И не упустили! Старался каждый, а итог получился общий: вырвались вперед. А заодно и убедились: любая работа нам по плечу, любая задача. В том числе и такая, которую мы, бетонщики, сами себе поставили: годовой план — к 60-летию Великого Октября!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

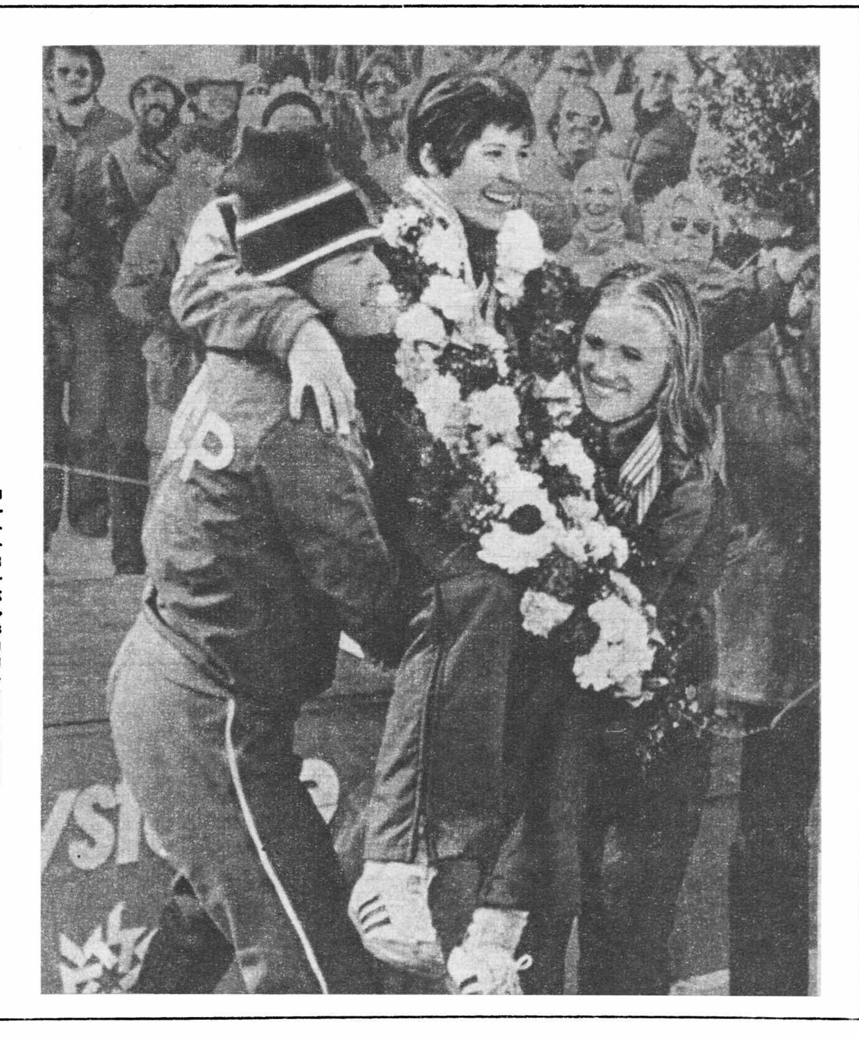
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 8 (2589)

19 ФЕВРАЛЯ 1977

БЫСТРЫЕ КОНЬКИ СОВЕТСКИХ СПОРТСМЕНОК

В Соединенных Штатах, на высокогорном озере Кистоун в горах Колорадо, триумфом наших спортсменок закончился чемпионат мира по скоростному бегу на коньках среди женщин. В трудной борьбе наши девушки завоевали право занять все три места на пьедестале почета. Абсолютной чемпионкой стала киевлянка Вера Брындзей с отличной суммой многоборья — 177,085 очка. Ленинградка Галина Степанская получила большую серебряную медаль, горьковчанка Галина Никитина — бронзовую. Столь убедительной победы мы не видели уже давно, и тем отраднее она для всех поклонников скоростного бега на коньках.

Гораздо скромнее результаты наших конькобежцев, достигнутые на проходившем в голландском городе Херенвене первенстве мира по конькам среди мужчин. Чемпионом стал 18-летний американский студент Эрик Хейден, сумевший опередить своих опытных соперников из Норвегии Я.-Э. Стурхолта и С. Стенсена. Москвич Сергей Марчук был четвертым, но необходимо отметить, что при этом он превысил сразу три всесоюзных рекорда для равнинных катков: на дистанциях 5000 и 10 000 тысяч метров и в сумме многоборья — 168,759 очка.

●

Галина Степанская (слева) и Галина Никитина поздравляют чемпионку мира Веру Брындзей.

Телефото ЮПИ — ТАСС.

СТУПЕНИ ПОДРЯДА

Москва — Набережные Челны, Набережные Челны — Москва. На встречи со строителями и рабочими КамАЗа два раза в год, в январе и июле, выезжают творческие группы «Огонька», а в Москве редакция журнала радушно принимает гостей из Челнов. Такая добрая традиция сложилась с тех пор, когда производственное объединение «Камгэсэнергострой» и журнал «Огонек» объявили конкурс на лучший коллектив, работающий по новой системе хозрасчета.

Недавно итоги соревнования были подведены в пятый раз. Во Дворце культуры «Энергетик» состоялся торжественный вечер. Большой зал переполнен. В президиуме партийные и профсоюзные работники, руководители стройки, знатные бригадиры, огоньковцы.

Открывая вечер, секретарь ГК КПСС Л. В. Шилова обратила внимание на то, что пятый тур конкурса совпал с важным рубежом — сдана в эксплуатацию первая очередь Камского автомобильного комплекса. Председатель жюри конкурса главный инженер «Камгэсэнергостроя» В. А. Альфиш в своем докладе подчеркнул, что, развивая взятые темпы, многотысячный коллектив строителей создает и осваивает мощности второй очереди комплекса. Если в первом году десятой пятилетки на всех объектах КамАЗа, Нижнекамской ГЭС, города и пригородной зоны было освоено четыреста три миллиона рублей, то во втором году объем работ предстоит еще больший.

— Мне с удовлетворением хочется отметить,— сказал докладчик,— что в успешном выполнении поставленных перед коллективом объединения задач наряду с внедрением новой техники, применением новых конструкций и материалов сыграло большую роль максимальное использование резервов по организации труда, и в первую очередь широкое внедрение на всех строительных площадках новой формы хозяйственного расчета — бригадного подряда. Если проследить динамику роста бригадного подряда по годам, то она такова: в 1971 году на подряде работала только 1 бригада, в 1972 году — 14 бригад, в 1973 году — 20 бригад. В 1974 году насчитывалось 33 бригады, а всего через год стало 124 таких бригады. Сегодня на подряде работает свыше 5,5 тысячи человек, 204 коллектива — третья часть бригад, имеющихся на стройке. Ими только за один 1976 год был выполнен объем строительно-монтажных работ на сумму 45,4 миллиона рублей — пятая часть сделанного собственными силами всего объединения. При этом плановорасчетная стоимость работ такими бригадами сокращена на 808,2 миллиона рублей, а фактически трудоемкость снижена против нормативной на 205 тысяч человеко-дней — вклад солидный и весомый! Поэтому в социалистических обязательствах, взятых к 60-летию Октября, «Камгэсэнергострой» записал: «Перевести на подряд 250 бригад».

Сегодня мы будем вручать приз одной из лучших бригад стройки, работающих на промышленных объектах,— бригаде Константина Альчикова, которая уже добивалась переходящего Красного знамени Татарского обкома КПСС, Совета Министров Татарской АССР и областного совета профсоюзов. Сам Альчиков в прошлом году был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Вторую премию жюри конкурса присудило бригаде Александра Захарова. Эта бригада отличилась на строительстве комплекса крупного рогатого скота в совхозе «Ильбухтинский», школы и детского сада в совхозе «Челнинский». В настоящее время бригада на подряде строит здание правления совхоза.

Под звуки духового оркестра и аплодисменты всего зала на сцену поднимаются бригады К. Альчикова и А. Захарова в полном составе. И. о. ответственного секретаря журнала «Огонек» Д. К. Иванов вручает победителям переходящий приз — хрустальную вазу и вымпел. С ответным словом выступили бригадиры.

М. Р. Назыров, секретарь Комсомольского райкома партии, призвал крепить дружбу строителей и журналистов. Секретарь ГК КПСС Л. В. Шилова вручила группе огоньковцев значки и удостоверения «Ударник строительства КамАЗа».

* * *

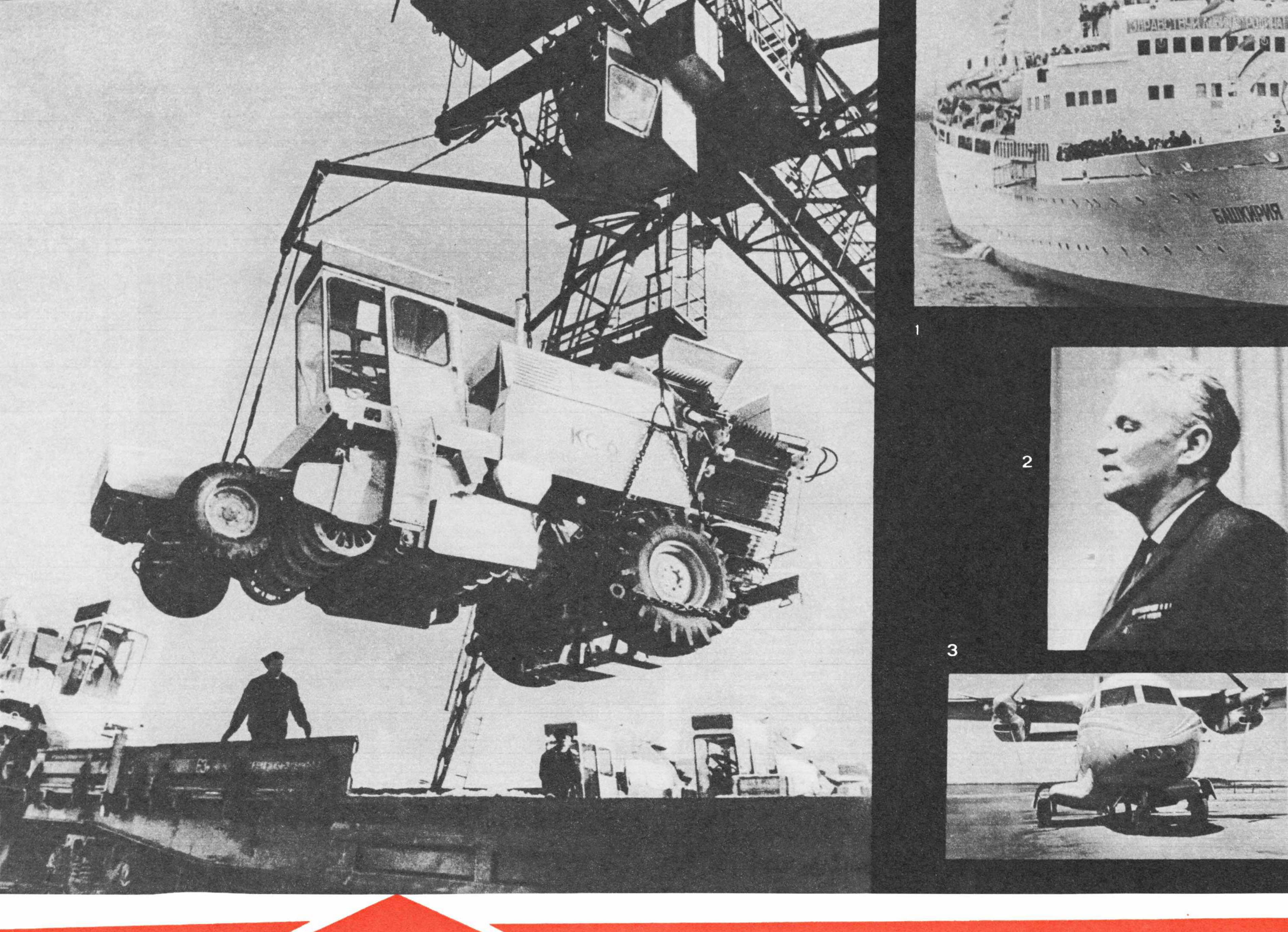
Большой вечер дружбы состоялся также в другом районе города — Автозаводском. Здесь во Дворце культуры «Автозаводец» творческая группа «Огонька» встретилась с рабочими и инженерно-техническими работниками КамАЗа. На вечере выступили секретарь райкома партии Д. Б. Свирская, заместитель секретаря парткома автомобильного комплекса Н. Ф. Галиуллин, заместитель секретаря комсомольской организации литейного завода Людмила Табакова.

Огоньковцы встретились также с коллективами ремонтно-инструментального завода КамАЗа, управления «Автозаводстрой», провели читательскую конференцию. Тепло были приняты выступления поэта Александра Говорова и артистов Московской городской и областной филармонии Лидии Неведомской, Эммы Гореловой, Виктора Персика и Виктора Горелова, приехавших в Набережные Челны в составе бригады «Огонька» и давших несколько шефских концертов.

Приз «Огонька» в бригаде Константина Альчикова.

Фото Г. Копосова

ТЕРНОПОЛЬ

ПОЧТИ НА ТРЕТЬ ВОЗРАСТЕТ в 1977 году выпуск свеклоуборочных машин на Тернопольском свеклокомбайновом заводе. Это стало возможным благодаря вводу в эксплуатацию 30 тысяч квадратных метров новых производственных площадей. Коллектив решил в нынешнем году отправить свекловодам на 750 самоходных комбайнов КС-6 больше, чем в предыдущем. Увеличится выпуск ботвоуборочных машин БМ-6. Организуется также производство редукторов. Тем самым будут удовлетворены потребности не только самого завода, но и других предприятий страны.

А. АФАНАСЬЕВ
Фото автора

На снимке:
погрузка комбайнов для отправки заказчикам.

ОДЕССА

21-я АНТАРКТИЧЕСКАЯ ЗАВЕРШЕНА!

I

За кормой 22 тысячи миль. Это больше, чем рейс вокруг земли по экватору. Такое расстояние преодолел черноморский теплоход «Башкирия», прежде чем бросил якорь у причала Одесского морского вокзала.

Южный город встречал полярников и экипаж привычной для них «ледовой обстановкой», редким для Одессы безветрием, радостными лицами родных и друзей, цветами и оркестром.

Все ближе и ближе к причальной стенке подталкивают судно буксиры. Люди на причале и на палубе уже узнают друг друга. Радостное волнение нарастает с каждой минутой: моряки не были дома 90 суток, а почетные пассажиры-зимовщики — пятнадцать месяцев, пятнадцать месяцев трудились они на шестом континенте, раскрывая тайны Антарктики.

Геофизики, аэрометеорологи, магнитологи, строители, механики, радиоспециалисты вписали «метельные странички» в свои биографии. Многие не новички в Антарктиде. Из второй экспедиции возвращается почетный полярник, начальник обсерватории «Мирный» Георгий Иосифович Кизино. По две антарктические вахты «отстояли» начальник радиоотряда обсерватории «Мирный» Николай Дворак и инженер-метеоролог Александр Попов. А начальник станции «Восток» Николай Филиппов — старожил Антарктики: участвовал в пяти экспедициях!

Маршрут «Башкирии» проходил в стороне от обычных морских дорог, в сложных погодных условиях. Остались позади швартовки на острове Кергелен и прием питьевой воды из водопадов, плавание среди айсбергов и преодоление перемычек антарктических льдов. За этот рейс многие впервые почувствовали, что мужество человеческое не имеет границ.

На снимке:
«Башкирия» подходит к родному причалу.

Я. ЛЕВИТ

Фото автора

ПО СТРАНЕ СОВЕТ

ЯКУТСК

ВОЗДУШНЫЙ МИКРОАВТОБУС

3

Пятнадцатиместный микролайнер Л-410 чехословацкого производства пополнил парк «малой авиации» Аэрофлота. Почти два года проходил этот самолет контрольные и эксплуатационные испытания в Якутии и Узбекистане. На Севере он больше пришелся ко двору и уже внесен в расписание местных линий.

У Якутска два аэропорта: Центральный и Маган. Первый оборудован бетонной полосой, на которую садится ТУ-154, а второй представляет собой раскинувшееся в окружении березовых и сосновых рощ уютное поле. Ландшафт почти идиллический. «Похоже на нашу Моравию»,— говорит Милан Мацела, техник из Куновице,— это родина Л-410. Он и его коллега Владимир Коутны — постоянные представители чехословацкого завода — много месяцев прожили в Якутске.

Мы стоим на кромке поля и смотрим, как заходит на посадку Л-410. Издали он напомнил АН-24, но когда подкатил к стоянке, сходство улетучилось: и размерами куда меньше и очертания другие.

Пока техники готовят машину к следующему рейсу, командир эскадрильи Л-410 Анатолий Федорович Крючков приглашает в салон. По комфорту он не уступит салону ЯК-40.

— Скорость этого воздушного микроавтобуса — триста восемьдесят километров в час,— рассказывает Анатолий Федорович,— дальность полета — шестьсот километров. Самолет в управлении несложен и рассчитан на пилотов средней квалификации.

В. КАДЖАЯ

Фото автора

ЭСТОНИЯ

РЫЫМ — ЗНАЧИТ РАДОСТЬ

4

Случилась беда: у Эрики Рыым, известной в Эстонии тем, что она первой из женщин получила звание заслуженного механизатора и четыре раза была чемпионом республики на соревновании механизаторов, у трудолюбивой и ловкой Эрики в одно какое-то неловкое мгновение на работе оторвало безымянный палец. Врачи зашили рану и прописали трехмесячный покой. Но в одно прекрасное утро, за полтора месяца до окончания больничного листа, Эрика встала на заре и ушла. А вечером, смеясь, рассказывала: «Можете считать меня сумасшедшей, но я так скучала по трактору. Сегодня целый день работала, а рука не болит нисколечки».

Словно наверстывая упущенное, Эрика работала как одержимая, почти за четверых. И ее бригада стремилась не отстать от вожака. Коммунисты избрали Эрику делегатом XXV съезда КПСС. «Я, если бы сидел за баранкой, никогда бы за тобой не угнался», — признался, поздравляя Эрику, ее муж Вольдемар Рыым, тракторный механик. «Твоя фамилия соответствует твоему характеру»,— просияла немногословная Эрика. Поистине это так: «рыым» по-русски значит «радость».

...Они женаты уже четверть века. Дом их богат, и дети похожи на родителей: Иоханнес и Майре любят поля и музыку. Иоханнес и его молодая жена Вийви — агрономы, Майре училась сразу в трех школах — в общеобразовательной, музыкальной и спортивной. Сейчас она в одиннадцатом классе, но уже минувшим летом стала тракористной — в маминой бригаде, конечно.

Что же касается музыки, то это — самое любимое семейное занятие. Чтобы пальцы не теряли гибкости, после ужина хоть на несколько минут все садятся за инструменты: Вольдемар, Эрика и Вийви играют на каннеле, Майре — на аккордеоне, Иоханнес — на контрабасе. В этом составе Рыымы выступают на колхозных, районных и республиканских вечерах.

Н. ТОЛБАСТ

Фото О. Виханда (ЭТА)

ВЕТЕРАНЫ

2

Летчик-штурмовик Сергей Иванович Колыбин в боях за Чернигов повторил подвиг Гастелло: он направил свой подбитый самолет в голову вражеской танковой колонны на мосту через Днепр. Грянул взрыв. Переправа гитлеровской техники задержалась на три дня...

С клубной сцены читают письмо соратников Колыбина, отправленное его жене, исполняется сложенная в его честь песня, звучат строфы поэмы В. Гудовича, а потом на сцену... выходит сам Колыбин. Чудом — бывает же такое! — он остался жив, попал в госпиталь и долго не мог подать о себе вести.

...Так проходил один из многих вечеров-встреч, устраиваемых клубом ветеранов Великой Отечественной войны при Измайловском парке культуры и отдыха столицы. Отмечающий в этом году свое десятилетие клуб завоевал широкую популярность большой работой по военно-патриотическому воспитанию населения, особенно молодежи и детей. За время своего существования члены клуба провели до 15 тысяч выступлений перед более чем трехмиллионной зрительской аудиторией в парках, клубах, на предприятиях, в колхозах, школах и учебных заведениях не только Москвы и Московской области, но и ряда других городов страны.

На сцене клуба ветеранов проходят тематические вечера: «У партизанского костра», «Никто не забыт», «Подвиг 33-й армии», «Праздник призывника», «Дочери нашей Родины»,— всех не перечесть, их более ста пятидесяти. Бессменный режиссер их и автор сценариев — участник войны, бывший политрук Серафим Иванович Китаев.

Есть в парке особо дорогое для всех место — памятник комсомольцам 85-го минометного гвардейского полка «катюш», который формировался в Москве в 1942 году. Здесь члены клуба вручают комсомольские билеты, проводят посвящение молодежи в рабочие, устраивают митинги, торжественные собрания. В День Победы возле монумента загораются огни факельного шествия.

П. РОГОЗИНСКИЙ

На снимке: С. И. Колыбин.

МОСКВА

НАЧАЛО БОЛЬШОГО ПУТИ

5

В Москве, в Центральном выставочном зале, открыта ретроспективная выставка дипломных работ художественных вузов страны. Ее устроители — Министерство культуры СССР, Академия художеств СССР, Союз художников СССР. Экспозиция свидетельствует о значительных успехах советской художественной школы за три минувших десятилетия. Зрители имеют возможность познакомиться с произведениями живописцев, скульпторов, графиков, мастеров монументального, декоративно-прикладного и театрально-декорационного искусства, проследить истоки их творчества и развитие таланта.

На снимке: в одном из залов выставки.

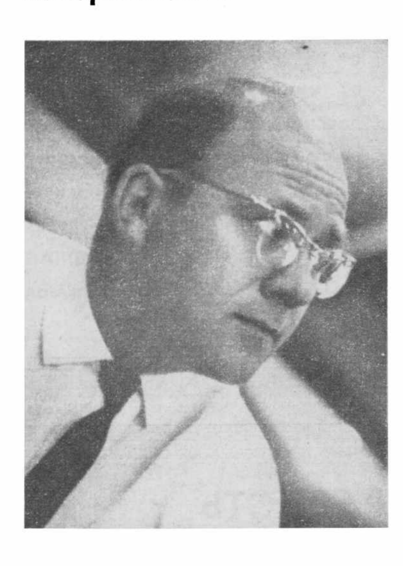
Фото А. Конькова (ТАСС)

«Развивать научные работы, направленные на совершенствование и эффективное применение в народном хозяйстве электронной вычислительной техники».

Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

Вице-президент Академии наук Латвийской ССР Э. А. ЯКУБАЙТИС отвечает на вопросы нашего корреспондента А. Харьковского

— Я слышал, что на последнем съезде Коммунистической партии Латвии делегатам была продемонстрирована ЭВМ. И что делегаты съезда даже вели с ней беседы. Не могли бы вы как директор Института электроники и вычислительной техники рассказать об этом?

— Действительно, такой случай был. Стояла эта машина в вестибюле Дворца съездов в Риге и беседовала с его делегатами, отвечала на их вопросы, сообщала различные данные об успехах хозяйства, поражая огромной памятью. К тому же ЭВМ могла одновременно беседовать со многими делегатами съезда — все зависело от количества экранных пультов.

Умение вести беседу и способность общаться одновременно со многими собеседниками — новые, важные свойства электронного мозга. Как раз сейчас мы ведем подготовку к запуску ЭВМ в президиуме Академии наук Латвийской ССР. Точнее, не ЭВМ, а экранных пультов, выходов вычислительной системы.

— То есть с машиной смогут одновременно общаться специалисты самых различных областей знания?

— Вот именно. Давайте представим, как работает современный ученый при помощи электронно-вычислительной техники. Конечно, задача задаче рознь. Известно, что много считать, и довольно быстро, машины умеют. Однако научная проблема напоминает слоеный пирог: здесь нужно посчитать, там остановиться и подумать. А ЭВМ ждать не может: машинное время дорого. Тебе, как говорится, коллеги дышат в затылок: хочешь думать — уступи место у пульта другому. Вот почему нередко проще и дешевле, чем прибегать к помощи ЭВМ, посадить, скажем, десять техников и вести расчеты вручную.

— А нельзя ли обеспечить каждого ученого своей ЭВМ?

— Это все равно что каждому потребителю дать по электростанции.

А вот если дать электронному мозгу по сто пар глаз, по сто пар ушей, по сто говорящих или пишущих устройств — это позволит машине вести своеобразный сеанс одновременной игры с физиками и филологами, астрономами и археологами, математиками, искусствоведами и так далее.

Машина одновременно решает дифференциальные уравнения, составляет химические формулы, проводит физические эксперименты, а уж если говорить о памяти наших ЭВМ, то стоит привести только один пример. На магнитных дисках с головками на воздушной подушке умещается информация, равная по объему всем книгам, находящимся в фондах библиотеки имени В. И. Ленина.

Через несколько лет, я уверен, всю информацию такого диска можно будет уместить в небольших кристаллах, а считывать ее, возможно, будет луч лазера.

В последние три года в жизнь вошло новое поколение электронно-вычислительных машин — на кристаллах и микромодулях; такие машины едва ли не умещаются в ящике стола. Для устранения неполадок в ЭВМ у нас в институте создан «электронный доктор» — система «Логикон». Она как бы опрашивает отдельные узлы и блоки машины, ставит перед ними задачи и контролирует ответы. Совсем как врач, расспрашивающий больного о его самочувствии. «Логикон» ставит диагноз болезни ЭВМ, после чего можно приступить к лечению.

— Прямо «кибернетический Айболит»!

— Но наши ЭВМ не только специалисты, они еще и универсалы — все зависит от вкладываемой в них программы. Поэтому та же машина может легко сменить профессию, например, вылечить себя, или по фотоснимкам гор предсказать время схода лавин. Все это входит в практику.

— Итак, мы установили, что электронный мозг может «думать» с огромной скоростью, способен сотрудничать одновременно со многими учеными, что он обладает колоссальной памятью и имеет явную склонность к миниатюризации. Теперь остается выяснить, каким же образом стыкуются такие явления, как научное творчество и математически-абстрактная деятельность ЭВМ?

— Здесь нет никакого антагонизма. Разберем условную схему, по которой, как правило, работает ученый. Обычно все начинается с того, что он созывает помощников и говорит: «Мне пришла в голову идея. Вы сделаете расчеты, а вы подготовите эксперимент». Потом ученый следит за этой работой, ждет ее результатов, иногда очень долго, занимаясь подчас другим делом...

— Но в чем здесь может помочь новая система? Ведь машина не в состоянии поставить эксперимент?

— Поставить—нет. Выполнить—да. Например, химику нужно получить новое вещество с заданными свойствами. Число химических соединений уже настолько велико, что подчас легче синтезировать соединение, чем узнать, не проделал ли кто-либо эту работу, нет ли о ней сведений в литературе.

Как поступает химик? Он ставит эксперименты, продвигаясь вперед, как правило, почти наугад. А как ту же задачу решает машина? Прежде всего она с огромной скоростью переработает всю информацию об этом соединении и, лишь убедившись, что его еще никто не синтезировал, укажет ту, единственную реакцию, которая ведет к успеху.

— А что же остается на долю ученого?

— Не накручивать экспериментальные данные, а ставить узловые, решающие проблемы, осмысливать полученные результаты. Мы вот, в частности, занимаемся созданием новых ЭВМ, синтезом автоматов. Стоит кому-то из нас только выдвинуть идею, как ЭВМ выдает ответ. Такое впечатление, словно тебе дали тысячи очень сообразительных и умелых помощников, которые воплощают в «металл» любую твою идею. Поработал с ними час-другой, а получается, что за день ты успел сделать больше, чем раньше успевал за месяц. Представляете, насколько повышается коэффициент полезного действия ученого!

— А не изгоняет ли ЭВМ такие понятия из работы ученого, как, скажем, вдохновение, творчество?

— Есть такая старая сказка о шоколадной стране, дойти до которой можно, лишь проев стену из ржаного хлеба. Мы привыкли считать, что в науке тоже так: сладость творчества познаешь после долгого, подчас рутинного труда. Тем же химикам, прежде чем изучить сложную молекулу, приходится строить ее натурную модель — навешивать шарики атомов на каркасы, порою по многу раз. А ЭВМ освобождает их от этого, она сразу способна создать модель на экране, поворачивать ее под любым углом, изменять, стоит лишь дать ей соответствующую команду.

Что же получается? Что творческий труд ученого состоит из двух основных частей. Из тончайшей вязи интеллектуальной деятельности, в которой действуют такие понятия, как интуиция, вдохновение, не побоимся сказать—озарение, прозрение... И из кропотливого рутинного труда, связанного с обработкой разнообразной информации, подготовкой и проведением экспериментов, ведением расчетов.

Вся вторая часть этого труда может быть с большой эффективностью поручена машине.

— По-видимому, такое деление несколько условно?

— Разумеется! Раньше, например, считали, что решение дифференциальных уравнений тоже творческая задача. А сегодня это под силу любой самой слабосильной ЭВМ.

— А где же все-таки пройдет граница между возможностями гомо сапиенс и «кибер сапиенс»?

— Мне думается, не следует быть формалистом и излишне упорно искать эту границу. В чем цель? В том, чтобы возможно больше «черновой» работы поручать машине, оставив себе время, силы для высокого полета интеллекта. Одна из задач общения «ученый — машина» в том и состоит, чтобы сложные проблемы превращать в простые, доступные для «понимания» машины. Таким образом, явления из «вещи в себе» превращаются в «вещь для людей». Превращать сложные задачи в простые, формализованные — в этом, если хотите, и цель и логика бесконечного развития науки. И, отдав машинам «машиново», человек освобождает и руки свои, и время, и мозг для настоящего творчества.

— Не возникает ли здесь призрак столь любимой фантастами коллизии: машины против людей? Очеловечивание машин, бунт ЭВМ?

— Не надо фантастики. Действительность опережает любые прогнозы, а многое перечеркивает. Бунт машин — нелепость, возникшая оттого, что воображение тоже имеет пределы, и кое-кто считал, что компьютеры и их системы будут слепо копировать человеческое общество с его антагонизмами, бунтами.

— Но, Эдуард Александрович, ведь самые первые автоматы строились если не по образу, то по подобию людей или домашних животных, ведь так?

— Только внешне. Это были не автоматы, а всего лишь невинные игрушки. Так, еще в XIII веке у Альберта Великого был робот, механическая кукла, которая открывала гостям дверь и кланялась. А в 1939 году на выставке в Нью-Йорке показывали меха-

ническую собаку, которая могла двигаться на свет. Она даже погибла под колесами автомобиля, привлеченная светом его фар. Но разве эти автоматы имеют что-то общее с ЭВМ?

— А можем ли мы говорить как о решенной проблеме о симбиозе человеческого мозга и электронно-вычислительной машины, о неких киборгах?

— Не знаю, решена ли проблема, но киборги уже существуют Они собирают лунные камни, орудуют в адском жару и в радиации атомного реактора. Но самое удивительное не это. Сотрудник нашего института, не выходя из здания, может обращаться в «хранилища мудростей», библиотеки аналогичных институтов в Киеве, Тбилиси или Новосибирске. Мы создаем Экспериментальную вычислительную систему коллективного пользования АН ЛССР. Аналогичные системы строятся в Москве, Дубне, в Киеве и в Новосибирске. Все это как бы кибернетические острова — контуры будущего континента кибернетики. Более того, можно сказать, что этот континент уже есть. Ведь строящиеся системы уже работают, обмениваются информацией, продолжают расти.

А теперь представьте себе научного сотрудника, который может одновременно ставить и анализировать сотни экспериментов, участвовать в работе коллег, находящихся от него за тысячи километров; подключившись к луноходу, совершать прогулки по Луне, не выходя из своей лаборатории. Не покажется ли вам гипотетический киборг по сравнению с ним таким же незначительным, как Пегас рядом со сверхзвуковым самолетом? Так действительность оказывается смелей самых дерзких фантазий.

— В результате нашей беседы вы, Эдуард Александрович, нарисовали картину творческого труда ученого на принципиально новом, более высоком уровне по сравнению с сегодняшним.

— Так и есть. Вспомните, как в своей речи на 250-летнем юбилее Академии наук СССР Л. И. Брежнев указал на огромную роль для технического прогресса страны фундаментальных исследований и как эта мысль была отражена в Основных направлениях развития народного хозяйства СССР.

Ведь для реализации этих решений партии и требуется как раз принципиально новый уровень научной работы.

Кибернетика — фундаментальная наука. И хотя ей всего лишь тридцать лет, она прошла долгий и нелегкий путь. При ее рождении она встречалась и со скептиками, которые уверяли, что «машина мыслить не может». Конечно, если считать, что мыслит только человек, то уже по самому определению мышление для ЭВМ недоступно.

Я считаю, что ЭВМ работают, мыслят, творят, но не так, как человек, и сравнения здесь просто неуместны, нельзя сравнить способности бегуна и автомобиля, птицы и самолета.

Кибернетика совершила новый виток спирали в своем развитии. Теперь мы четко представляем, что может машина и как вырастет интеллектуальная мощь людей, человечества, если гармонично объединить в одно целое способности человеческого мозга и электронно-вычислительных машин. Над этой проблемой работают сегодня ученые.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

РЕАЛЬНОСТЬ И МИФЫ

Мэлор СТУРУА

В докладе Леонида Ильича Брежнева на XXV съезде КПСС было подчеркнуто решающее значение поворота к лучшему в советско-американских отношениях для ослабления угрозы новой мировой войны и укрепления мира. Задаче дальнейшего улучшения отношений с США Советский Союз уделяет самое большое внимание. Новым ярким и убедительным свидетельством тому явилась речь товарища Л. И. Брежнева в Туле, получившая поистине всемирный резонанс. Джордж Кеннан, в прошлом известный американский дипломат, а ныне профессор Принстонского университета, касаясь советских инициатив в области обуздания гонки вооружений, прямо заявил: «Мы должны радоваться». Заявление тем более показательное, что оно исходит от человека, который в прошлом был одним из авторов пресловутой «теории сдерживания», одним из вдохновителей «холодной войны» против Советского Союза.

Как известно, самые высокопоставленные представители новой администрации в Вашингтоне, включая президента Дж. Картера, выступили в последнее время с заявлениями, подтверждающими готовность искать пути к дальнейшему развитию процесса разрядки и добиваться совместно с Советским Союзом прекращения гонки вооружений. В конце марта состоится поездка в Москву государственного секретаря США С. Вэнса, который обсудит круг вопросов, касающихся сокращения ядерных вооружений Советским Союзом и Соединенными Штатами. Все это, безусловно, явления позитивного порядка, и они получают соответственную оценку в широких кругах мировой общественности.

Однако, к сожалению, спектр международной жизни состоит не только из ярких тонов. Сейчас наблюдается особая активизация милитаристских сил и их пропагандистских оруженосцев. Момент, выбранный ими для контратаки, отнюдь не произвольный. Он далеко рассчитан и преследует несколько целей. Главные из них: сорвать переговоры об ограничении стратегических вооружений, которые ведутся на основе владивостокской договоренности 1974 года; протащить в конгрессе новый рекордный бюджет Пентагона; связать с первых же шагов путами реанимированной политики с «позиции силы» администрацию Картера, не дать ей укрепиться на рельсах разрядки. Цели эти взаимосвязаны. Лелеющие их военно-промышленный комплекс США и агрессивные круги НАТО держат курс на раскручивание нового, еще более опасного витка гонки вооружений.

Средства, к которым прибегают «торговцы смертью», вполне под стать их целям. Состоят они в нагнетании клеветнической кампании о мнимой «советской угрозе», о том, что якобы Советский Союз готовит Западу «ядерный Пирл-Харбор», стремится к превосходству в вооружениях с целью нанесения «первого удара» по США, захвата методом блицкрига Западной Европы и т. д. и т. п. В эту клеветническую кампанию включились «ястребы» из Капитолия и Пентагона, пропагандистские и научные центры, подкармливаемые военно-промышленным комплексом, реакционные профбоссы и сионистские круги. Колеблющихся законодателей обрабатывают подтасованными данными, состряпанными в недрах ЦРУ, общественность — фантастическими измышлениями специалистов по ведению психологической войны.

По признанию газеты «Крисчен сайенс монитор», «каждый год, когда поступает на рассмотрение военный бюджет, имеют место попытки некоторых вызвать страх общества перед «советской угрозой». Газета считает, что «поистине есть необходимость в гораздо более трезвой национальной дискуссии по вопросам обороны, чем мы видели до сих пор». Совет ценный и своевременный! На заседаниях сенатской комиссии по делам вооруженных сил миф о «советской угрозе» используется для усиления военной мощи НАТО и против попыток новой администрации несколько урезать гигантский — в 123 миллиарда долларов — военный бюджет, запрошенный на нужды Пентагона правительством Дж. Форда. А в сенатской комиссии по иностраным делам обсуждение кандидатуры П. Уорнке, назначенного на пост директора агентства по разоружению и контролю над вооружением и специальным представителем на советско-американских переговорах по ограничению стратегических вооружений, вылилось в безудержную клевету в адрес Советского Союза, причем особенно старались такие сенаторы-«ястребы», как Джексон, Нанн, Мойнихэн. Подобные маневры, пишет газета «Ньюсдей», направлены на то, чтобы помешать советско-американским переговорам об ограничении стратегических вооружений с помощью любых методов, включая грубое искажение фактов.

Выступая в Туле, товарищ Л. И. Брежнев охарактеризовал как вздорные и совершенно необоснованные утверждения, будто Советский Союз идет дальше того, что достаточно для его обороны. «От имени партии и всего народа, — сказал Леонид Ильич, — я заявляю: наша страна никогда не станет на путь агрессии, никогда не поднимет меч против других народов». Всеми своими делами — и мирным созидательным трудом и неустанной борьбой за дальнейшую разрядку международной напряженности советские люди подтверждают каждое слово этого торжественного заявления. Любая ложь, включая большую, в конце концов разобьется о неколебимую истину. А сочинители и распространители этой лжи окажутся у позорного столба истории.

ПО СЛЕДАМ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ

В газете «Известия Николаевского Совета рабочих и военных депутатов» за декабрь 1917 года было опубликовано письмо, в котором крестьяне села Киселевки, Вавиловской волости, благодарили Николаевский Совет за то, что он делегировал к ним депутатов И. Колинко и И. Павлюка для улаживания конфликтов, которые явно были спровоцированы контрреволюционерами.

Этот документ меня заинтересовал. Я узнал, что один из депутатов здравствует поныне и живет в городе Николаеве. Мы встретились.

«Мой отец Федор Павлюк, крестьянин села Воссиятское, рано умер, оставив мать одну с пятью детьми,— начал свой рассказ Иван Федорович.— Пришлось отдать старших детей внаймы. Я тоже пас скот у кулаков, зимой нянчил детей. Шестнадцатилетним парнишкой по совету двоюродного брата-потемкинца подался в город, научился столярному делу. В царскую армию ушел из мастеровых. Меня зачислили в пулеметную команду».

В окопах первой мировой войны И. Павлюк был ранен, попал в Александрийский госпиталь. Когда екатеринославские рабочие распространили среди раненых политические брошюры, пулеметчик Павлюк стал активным пропагандистом этих документов.

Позже, уже в Одессе, он возглавлял солдатский комитет, первым откликнулся на призыв большевиков и добровольцем пошел в революционный полк для участия в разгроме корниловщины. Долгое время Иван Федорович работал в крестьянской комиссии исполнительного бюро, разъезжал по селам.

Когда Николаевский Совет полностью стал большевистским, Павлюк попросился помочь землякам села Воссиятского в установлении Советской власти. Товарищи из городского Совета снабдили его брошюрами, однополчане дали две винтовки и патроны.

В первый же базарный день Павлюк вместе с фронтовиками собрал митинг. Крестьяне распустили земельную управу и передали власть волостному ревкому. Председателем избрали И. Ф. Павлюка. Ревкомовцы начали распределять земли, но на горизонте появились деникинцы. Часто приходилось уходить в подполье.

Окончательно Воссиятское было освобождено только в январе 1920 года. Трудностей в те годы было много. Организовывали комитеты помощи голодающим, но не забывали и о других проблемах. Взялись за ликвидацию неграмотности, открыли три школы, начал работать сельский клуб. Все это сплачивало крестьян, привлекало к новой жизни.

В 1925 году Павлюк вернулся на свой Черноморский судостроительный завод. Думал, что займется строительством кораблей, но партия снова и снова посылала Ивана Федоровича на отстающие участки. Перелистываешь личное дело коммуниста Павлюка и удивляешься, где только не приходилось ему работать: в сельском хозяйстве, заведовать гортопом, создавать колхозы, директорствовать на маслозаводе. Он умел сплачивать коллективы и не щадил себя.

И все-таки каждый раз Иван Федорович возвращался на свой судостроительный. И на пенсию ушел с родного завода.

Больше полувека состоит в партии коммунист Павлюк. На его груди — орден «Знак Почета», которым он награжден в 50-ю годовщину Великого Октября, медаль в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина.

Прощаясь, я спросил Ивана Федоровича, что же произошло тогда в Киселевке.

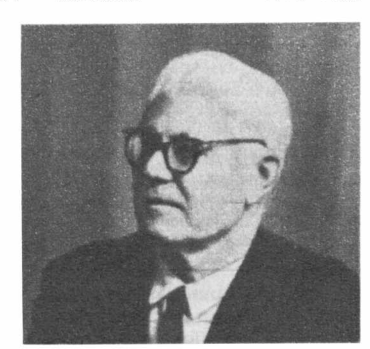
— Большинство крестьян села являлись сезонными работниками местных богатеев,— объяснил он.— Когда подошел срок расчета, то хозяева попытались заплатить обесцененными деньгами, но мы заставили их рассчитаться натурой. Помогли создать в селе местный ревком, разъяснили правду о земельном декрете, о мире. Арестовали припрятавшегося в селе урядника. В нашем лице крестьяне увидели Советскую власть. Это была лучшая агитация за ее утверждение.

И. ФОМИН,
майор в отставке

Николаев.

1916 год. Иван Федорович Павлюк. 1976 год.

КОМАНДИР «ОРЕЛИКОВ»

На десятки километров раскинулась западнее Минска Налибокская пуща. Здесь во время войны действовали партизанские отряды Барановичского соединения. От Ивенца через вековую чащобу лесов тянется большак. В стороне от него невдалеке от речушки Ислочь стоит обелиск из красновато-бурого камня, на котором высечено:

«Здесь похоронен командир партизанского отряда дважды орденоносец А. П. Шестаков, погибший 12/VI—1944 года».

Да, именно здесь похоронен легендарный герой партизанской борьбы Анатолий Петрович Шестаков. Его именем грозили немецким захватчикам местные жители: «Вот придет Шестак и свернет вам головы!»

Строки отрядного партизанского списка под порядковым номером 1 гласят: Шестаков Анатолий Петрович, 1915 года рождения, русский, член ВКП(б), командир отряда.

А. П. Шестаков (в центре, с трубкой) среди партизан. 1943 год.

Осенью 1941 года Анатолий Петрович участвует в боях под Москвой в составе отдельной мотострелковой бригады особого назначения, сформированной в первые дни Отечественной войны из добровольцев Москвы, в основном из комсомольцев и спортсменов. Много дерзких, отчаянно смелых налетов совершают шестаковцы.

9 февраля 1942 года соединенные силы партизан разбили немцев на станциях Белынковичи, Жудилово, Рассуха. Уничтожили подвижной состав, живую силу, технику, сооружения противника, прервав движение на этой важнейшей фронтовой магистрали на несколько дней.

Вскоре по приказу из Москвы отряд Шестакова перебрасывается в Белоруссию.

Немало подвигов совершили партизаны на земле белорусской. Были и печальные события. В деревне Каменка-Рысковская похоронили бесстрашного партизана — семикратного чемпиона СССР по гребле Александра Долгушина. Майор Шестаков произнес краткую речь, закончившуюся призывом: «Орелики, отомстим! Уничтожим фашистскую нечисть!»

И они мстили врагу, мстили беспощадно. Среди населения и местных партизан, как быстрокрылая птица, неслась слава об отряде майора Шестакова. Легендарными стали имена его бойцов Кости Модэя, Михаила Ипатьевича Каменщикова и Семена Хамилянского, Семенова и Плетнева. Душой и участником всех боевых дел был Шестаков. В отряде в то время было уже до 600 партизан.

А 1 апреля 1944 года снова марш на запад — в Налибокскую пущу.

Имя Шестакова и его товарищей вызывало трепет у врагов, любовь и доверие у народа. Где бы ни проходили партизаны, на всем пути они оказывали населению помощь в проведении сева и уборке урожая, делились оружием и боеприпасами, продуктами и медикаментами с другими партизанскими отрядами.

Неожиданно здоровье командира резко ухудшилось. Товарищи требовали до выздоровления не участвовать в боях. Но Анатолий Петрович отвечал: «Командир отряда не может болеть, только тяжкая рана или смерть могут лишить его права на бой».

Но болезнь не отступила, и 12 июня Шестаков скончался. Так оборвалась славная жизнь партизанского командира. Его посмертно наградили орденом Ленина.

Имя его увековечено в названиях улиц, музеев, школ и парков.

Пионерские отряды и дружины Москвы, Брянщины и Белоруссии поют боевой партизанский марш:

И друзья говорят,
И враги говорят,
Да недаром
и в песнях поется:
«Наш отважный отряд,
Шестаковский отряд
По-геройски
за Родину бьется».

М. ОБОРОТОВ,
бывший начальник штаба отряда майора Шестакова

Брест.

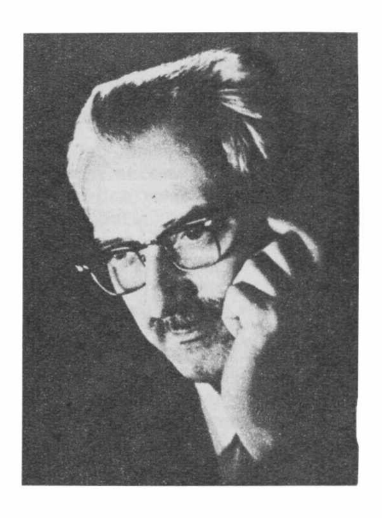
М. Греков. 1882—1934. ЗНАМЕНЩИК И ТРУБАЧ. 1934.

К. Китайка. 1914—1962. ПОРТРЕТ ГЕРОЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В. И. ЧАПАЕВА. 1955.

Михаил АНДРОНОВ

Поле боя

●

Было поле полем боя,
То гремело, то стихало,
То горящею травою
В знойный полдень полыхало.

Перешли не все то поле,
Полегли на середине,
Знать, у них такая доля:
Встретить смерть в седой полыни.

Поле горе понимало,
По ночам стонало глухо.
Поле павших принимало,
И была земля им пухом.

Было поле полем боя,
А теперь в цветах весенних...
С обнаженной головою
Здесь стою я на коленях.

ПОДВИГ

Лежит у моря, под скалой,
Гранитная плита.
Вокруг нее — осколков слой,
Тропинка к ней крута.
И волны бьются об утес,
Они ведут рассказ
О том, как здесь погиб матрос
За Родину, за нас.

Умолк разбитый равелин
Под каменной грядой.
Он насмерть бился здесь один —
Защитник молодой.
В бою геройски отстоял
Родной земли клочок,
Отбил врага девятый вал
И рухнул на песок.

Под грузом сумрачной плиты
Спит вечным сном матрос,
И на плите лежат цветы,
На них глядит утес.
А подвиги живут всегда,
Нам дороги они.
И если ты придешь сюда,
То голову склони!

НОВОРОССИЙСКИЙ ДЕСАНТ

Студеное море играло волной,
Гудела упругая ванта.
Шли в бой под прикрытьем завесы ночной
Ударные силы десанта.

Разорваны тучи огнем батарей.
Как смерч из тумана и дыма,
Рванулись на сушу с родных кораблей
Герои Кавказа и Крыма.

Опомнился враг лишь под утро. А днем
От танков земля задрожала.
Цемесская бухта прицельным огнем
Отряд моряков поддержала.

Гремело сраженье... И сотни атак
Матросы в порту отбивали.
Светил им немеркнущей славы маяк,
Нахимова звезды сияли!

ГОРЕ

Горе имеет свой запах,
Горем пропахла земля.
Вот на обугленных лапах
Стонут в золе тополя.
Тучи спускаются низко.
В поле не видно грачей.
Белые, как обелиски,
Высятся трубы печей.
Черные вороны кружат,
Над пепелищем крича.
В саже кровавые лужи.
В копоти пыль кирпича.
Пажити в слезных накрапах,
Хмурится дымный рассвет.
Горе имеет свой запах,
Горе имеет свой цвет.

СТАРУШКА

Она взяла к себе чужих детей,
Их было десять исхудавших крошек.
Как десять беззащитных голубей,
Они сидели стайкой у окошек.

Сидели и смотрели на снега.
Стучался в ставни зимний ветер шалый.
И заметала белая пурга
До самой крыши домик обветшалый.

Из Ленинграда поезд их довез
Сюда, почти на край страны огромной...
Старушка, вытирая капли слез,
Их приютив, согрела лаской скромной.

Детишки спали на полу рядком,
Из общей миски дружно ели кашу,
Обед свой запивали молоком
И бережно хранили хлеб вчерашний.

Вот так семья сиротская жила.
Старушка шила, стряпала, стирала.
Закончив все домашние дела,
Им часто сказки Пушкина читала.

Дрова кончались. Крепли холода.
У Веры корь, ангина у Володи.
И что ни день, то новая беда:
Уже крупа в чулане на исходе.

Тогда старушка, спозаранку встав,
Украдкою детей перекрестила,
Что было в доме ценного забрав,
С мешком в руке порог переступила.

Она ушла... А вьюга, как назло,
Стучалась в дверь... Прошли шестые сутки.
И льдом в окне подернулось стекло,
И не слышны давно ребячьи шутки.

В глазах детей — страданье и тоска,
Они почти в скелеты превратились.
Ни хлеба, ни крупы, ни молока.
Мороз и голод в доме поселились.

— Бабуся! — крикнул мальчик у окна.
И детская ватага встрепенулась
И бросилась к окну: — Так где ж она?
— Она идет! Она домой вернулась!

Она вошла с обветренным лицом,
Смахнула снег озябшею рукою.
На деревенских санках, под крыльцом,
Лежал мешок с пшеничною мукою.

— Заждались! — И росинки слез из глаз,
И растирала ножки их босые...
Как хорошо, что где-то среди нас
Живут такие женщины в России!

СОЛДАТЫ СПЯТ

За дверью дождь.
Землянка в три наката.
Дежурит в полудреме старшина.
Вповалку спят уставшие солдаты.
Коптит фитиль.
Тревожна тишина.
Солдаты спят.
Одним приснились танки,
Другим — родная сельская земля...
На мокрой стенке маленькой землянки
Мигает бледный отблеск фитиля.
Чадит огонь из гильзы поржавевшей,
Что послужила честно нам в бою,
И над листком тетрадки обгоревшей
Поэт склоняет голову свою.

НАГРАЖДЕНИЕ ГЕРОЕВ

Туман клубится над болотом.
Поляна. Стынет тишина.
Вновь отличившимся пилотам
Комдив вручает ордена.

Стол генерала. Рядом — знамя.
Вдали маячит часовой.
И орденов багряных пламя
Искрится славой фронтовой.

За поиск, мужество таранов,
За перехваты в облаках
Здесь награждают ветеранов,
Что служат в авиаполках.

Они в боях кончали вузы
И кровь пролили на войне.
— Служу Советскому Союзу! —
Звучит в застывшей тишине.

Борис ГУСЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. ПЧЕЛКО

СЕРЕЖ

Завтрак, обед и ужин раздавали в небольшой холодной комнате, примыкавшей к казарме. Голода, такого, как в прошлую зиму, уже не было, но все же многим еще не хватало солдатского рациона. Царил негласный закон: что положено, то отдай. С молчаливым достоинством, без реплик наблюдали бойцы за раздачей ужина.

Сережа вбежал в раздаточную, когда уже все почти разобрали миски с ячневой кашей. И он взял свою и пошел в казарму. Григорий Иванович и Ловейко уже сидели у своих тумбочек. Иван Сергеевич нагнулся, роясь в тумбочке. Масло достал.

— Ну вот, немножко, по-братски.—Ловейко подошел к Григорию Ивановичу и положил ему в миску маленький кусочек масла.— И тебе, Сереженька... Лиза вчера была.

— Эх, Иван, Иван, объедаешь ты свою женку да и нас в грех вводишь,— улыбнулся Быков и стал аккуратно размешивать кашу.

— Ничего... мы взаимно... А я ей сахар.

— А у тебя красивая женка,— продолжал Быков.— И как она пошла за тебя, за такого старого хрена? А, Иван?

Ловейко ел кашу с удовольствием и добродушно поглядывал на товарища. На Быкова он не обижался. Вот если б лейтенант такое сказал, Ловейко бы не стерпел.

— Ну, гляди какая любопытная штука!.. Маслишка-то с гулькин нос, а совсем другой вкус. Бог ты мой, как мы этого до войны не ценили,— говорил Быков.

— Много чего мы до войны не ценили, Гриша,— вздохнул Ловейко.

— Давай, давай, расскажи, как ты начальником был, кабинет имел,— смеется Быков.

— А что? Верно, имел, Гриша.

— Большой кабинет?

— Ну... Приличный, метров тридцать. Два телефона. Секретарша...

— Ну-ну, дальше ври! — добродушно бросает Быков, подмигивая Сереже.

— Так твою так! Я сейчас докажу,— взрывается Ловейко и снова роется в тумбочке, и пыхтя и отдуваясь, достает фотографию.

— Смотрите!

Фотография в профиль. Молодой, красивый Ловейко сидит за письменным столом в кабинете. Все верно, и даже два телефона.

Входит Степан Иванович, сапожник части, довольный. Только поел. И, видно, тоже хочется поболтать. Сейчас начнут довоенную жизнь вспоминать. Как хорошо жилось. Правильно, хорошо. Но иной раз так расхвастаются, что уже заврутся без всякой меры. Степан Иванович свое знает: «Я, говорит, до войны тысячу рублей получал, как зав. мастерской. Чего еще не жить?» «Ну, Степан, загнул»,— усмехается Григорий Иванович. Начнут спорить, кто сколько получал. И выйдет так, что все много получали, даже денег некуда было девать.

...Иван Сергеевич ставит чистую миску на тумбочку. И миска блестит, а уж лицо-то его прямо сияет. В карауле он отстоял, ужином подкрепился. Теперь можно приятно поговорить, покурить и спать. Нет, еще обязательно сводку послушать надо! Как там под Сталинградом? В сентябре, бывало, сидит и лицо такое сморщенное, кряхтит, чешет затылок. Быков спросит: «Что, худо, Иван?» «Плохо, Гришенька... Бои в городе... То есть практически, значит...» «Одним словом, хана»,— мрачно скажет Быков. «Нет, держимся пока, судя по сводкам». Комиссар на политинформации тоже говорил: «Товарищи, положение под Сталинградом тяжелое». А теперь, как наши взяли их в котел, все повеселели. Теперь уже слушать сводку — удовольствие. Наденет наушники, поднимет палец ко рту: тише, мол. И все замолкнет... Потом он вдруг быстрым шепотом начинает передавать названия населенных пунктов, освобожденных Красной Армией. Тут и Быков молчит, оставив свои шуточки. А зашумишь хотя бы нечаянно, так обложат, что не обрадуешься.

V

...Капитан о чем-то тихо переговаривался с майором Эренбургом. В щелку двери, ведущей в кабинет командира части, виднелся свет. Значит, все здесь. Мальчик сел у полевого телефона.

В этот момент послышался свист снаряда и близкий разрыв. За драпировкой дрогнули стекла. Песочинский наклонил голову:

— Подгадали, сволочи... К самому подходу летучки.

— А что вы думали! Я так и предполагал,— отвечал Эренбург, нервно поправляя очки и прислушиваясь.— Вы не считаете, Михаил Сергеевич, что это не случайно?

— Просто они не дураки и тоже имеют разведку. И без разведки известно, что вслед за боем начнется эвакуация раненых.

Майор не отвечал, продолжая напряженно вслушиваться.

Свист. Разрыв. Но уже чуть подальше.

— Вот это уже в районе станции,— сказал капитан.

— Михаил Сергеевич! — раздался голос полковника из-за двери.

Капитан мгновенно подтянулся, оправил гимнастерку и прошел к командиру. Майор с минуту размышлял, потом осторожно приотворил дверь и тоже скрылся за нею. Еще разрыв. Немцы били методично, каждые четыре минуты. Сережа отсел от окна подальше. Неприятно на улице одному, а здесь, в штабе, совсем не страшно.

Из кабинета полковника вышел Эренбург. Он прошелся по комнате, сосредоточенно думая. Потом вдруг как бы по наитию остановился, ткнул пальцем в Сережу и сказал:

— Вы!

Мальчик встал.

— Сейчас! — Эренбург наклонился и сделал шаг.— Идите (еще шаг) — к шоферам! Да... И скажите Куренцову... Или нет. Лучше Щербакову.— Майор сосредоточенно подумал и махнул рукой.— А впрочем, все равно... Пусть кто-нибудь из них срочно ведет автобус на станцию. Все равно кто — Куренцов или Щербаков. Машины у них однотипные. Вы поняли меня?

— Понял, товарищ майор.

— Значит, так: на станцию и там ожидать прибытия раненых или... дальнейших указаний. В связи с обстрелом санпоезд могли задержать где-то на подходе. Но пока мы ничего не знаем. Идите!

Сережа побежал в казарму. Он уже готовился передать так: «Майор приказал Куренцову срочно ехать на станцию. И там ожидать». Послать именно Куренцова Сережа решил потому, что Щербаков был ему симпатичен. «Пусть отдохнет лишний раз»,— рассудил мальчик. Майор же сказал: безразлично кто. Значит, решать, кто именно, должен он, Сережа, дежурный связной. Все правильно.

Но по пути он услышал еще два сильных разрыва в районе станции и вдруг понял, почему майор сомневался, кого послать: машина шла к объекту, который подвергался обстрелу. И, как видно, майор, не желая выказывать ни к тому, ни к другому шоферу пристрастия, решил поручить это дело судьбе. И этой судьбой должен стать он, Сережа.

...Куренцов и Щербаков лежали одетые на своих койках, прикрывшись полушубками.

— Майор приказал,— запыхавшись, сказал он, вбегая,— пусть кто-нибудь из вас, все равно кто — Щербаков или Куренцов,— ведет автобус на станцию и ждет подхода летучки.

Пауза. Оба неподвижно лежат под тулупами.

— Кто поедет, Паша? — спросил Куренцов.

— Все равно. Хоть я, хоть ты...— отвечал Щербаков, не открывая глаз.

— Ну так кто? — повторил Куренцов, приподнимаясь.

— Коля, мне все равно.

— Мне тоже все равно! Чего тянуть? Или ты лежи, я поеду,— сказал Куренцов.

— Коля...— Щербаков вздохнул, как бы удивляясь непонятливости своего друга.— Я же честно говорю: мне все равно. Хоть... хоть ты поезжай. Поезжай! Мне все равно.

Куренцов молча встал, резким движением надел полушубок, потом взглянул на лежавшего под полушубком друга. И в этом взгляде скользнула обида. Но не на то, что выпало ехать ему, а на то, что Паша Щербаков не сказал по-честному: «Езжай ты, Коля»,— юлил, вроде ему все равно: идти под обстрел или лежать под тремя накатами, накрывшись шубой. Но вслед за обидой в лице Куренцова мелькнуло и другое, лукавое выражение: мол, ладно, Паша, поспи себе, а мы в другой раз свое возьмем, отыграемся. Уж дружить — так по-честному. А хитрить и мы можем.

И Сереже навсегда запомнилось это выражение лица шофера.

— Ушел уже...— выждав, пока шаги Куренцова смолкли, сказал Щербаков.— Ну, что же, ладно.

«Притворяется. Видел же, как тот встает»,— подумал Сережа. И все его симпатии к мягкому, добродушному Щербакову вдруг улетучились. Раза два шарахнуло совсем близко. В части объявили боевую тревогу. Но Сереже было не до этого. Надрывая голос, он передавал по полевому в «хозяйства» приказ полковника срочно развернуть дополнительно кому двадцать, кому тридцать мест.

— Всем передал? — спросил Песочинский.

— Всем. Кроме Кузнецовского. Там молчат.

— Верти, пока не ответят!

— Товарищ капитан, бесполезно. Связь прервана.

Но Песочинский сам подошел к аппарату, взял у мальчика трубку. Убедился. Стукнул по ящику.

Из кабинета вышел полковник в полушубке и сказал:

— Я еду на станцию. Летучка пришла. Вы указали в телефонограмме срочность задания?

— Так точно, товарищ полковник...

— Всем передали?

— За исключением Кузнецовского. Видимо, обрыв, связь не работает.

— Тут рядом, километра два, пошлите связного с моим приказом,— распорядился полковник и вдруг заметил Сережу, которого закрывал Песочинский.

— А... вот кто сегодня связной...— с сомне-

Продолжение. См. «Огонек» № 7.

нием остановился и взял трубку полевого аппарата. Покрутил ручку.

— Молчат. Могло осколком разрезать, связь-то наземная.

Вдруг ухнуло так, что черная драпировка сорвалась с окна вместе с вылетевшими стеклами. Вбежал бледный Быков:

— Товарищ полковник, часового на посту ранило...

— Вызовите Эренбурга... Михаил Сергеевич, распоряжайтесь, а мы срочно на станцию,— и вышел.

...Сережа сбежал на берег и пошел вдоль озера. Снаряды ложились в районе станции. Один разрыв был очень близкий. Но Сережа даже не мог определить, в какой стороне,— засвистело, сверкнуло, ухнуло, он пригнулся к земле, испуганно озираясь по сторонам. Вдали за озером темнело спасительное здание госпиталя, но до него было порядочно. Он побежал дальше. Мимо горки с соснами, где — и он знал это — была спрятана наша радиостанция, мимо старой каменной дачи с колоннами, в которой тоже стояла часть. Наконец он вышел на шоссе. Здесь уже было вроде спокойно. Шли машины с затемненными фарами. Стоял патруль, но дежурили знакомые ребята и махнули ему: «Давай проходи». Он подошел к проходной и отворил дверь.

— Кого вам? — раздался из-за барьера старческий женский голос. Сережа вгляделся в темноту. Топилась буржуйка, дверца ее была растворена, у печурки сидела женщина с кружкой в руках. Отблески пламени ходили по ее темному морщинистому лицу. На печке стоял чайник.

— Я связной от Песочинского, принес срочный пакет капитану Кузнецовскому.

— Пакет? Ай ты не с автобусом? Ну, верно, а то б тоже... Парня-то вашего на носилках пронесли, шофера-то. Живой ай нет...

— Куренцова?! Он уже здесь, его ранили? — вскричал мальчик.

— Фамилии не знаю... Ваш, из-за озера. Знаю, понесли. Слава богу, не с ранеными. Их уж разгрузили. Пустой автобус. Только собрался ехать второй рейс, а тут и попало.

— А автобус?

— Что ему, автобусу? Стекла побило... Иди! Может, узнаешь... Они все в подвал сошли. И раненые, которые ходячие.

когда знаешь, как надо поступить. Так ведь? — говорю я как бы в свое оправдание.

— Так...

— И ты всегда знал, как следует поступать? Он задумывается, потом отвечает:

— Да! Как нужно поступить — это я всегда знаю. Но не всегда хочется... Например, в ночной наряд с ноля до четырех — самое трудное время. Вообще меня редко ставят в этот наряд, если уж только некому...

— Понятно. Служба есть служба. Тут мы с тобой, пожалуй, равны. Хочется удрать на рыбалку, но нельзя. Работа... Веди дальше,— вздыхаю я.

...Иногда он просыпается раньше, чем прокричат подъем,— в шесть, в половине седьмого. Григорий Быков и Ловейко еще спят. Иван Сергеевич храпит тяжело и временами чуть стонет во сне, тонко, как мальчик. Быков дышит легко. В казарме темно. Стекла окна снизу заиндевели, а сверху чистые. Виден кусочек неба и звезды. Одна яркая, большая, наверное, Полярная, вокруг нее млечная россыпь. И он думает, что сулит ему нынешний день.

Секрет Лобанова уже известен Сереже, хотя разгадан не им, а капитаном Песочинским. Однажды, войдя в штаб, Сережа увидел поникшего Лобанова. Капитан сердито говорил ему: «Ты, Костя, лазейку нашел удобную, но срочные пакеты, изволь мне, развозить лично адресатам. В этой шарашкиной артели они сутками лежат, а меня греет начальство». Лобанов оправдывался: «Михаил Сергеевич, Михаил Сергеич, ты погоди!.. Я ведь тоже разбираюсь... не всякий несу туда».

Вышло, что и с поезда он не скакал на ходу и ходил не спеша, а спокойненько отдавал всю почту в армейский пункт сбора донесений. И молчал... Впрочем, Сережу не огорчило, а обрадовало это открытие. Он-то ругал себя за неуклюжесть, медлительность, тут же дело совсем в другом. Эх, Лобанов!.. А еще хвастал: «Уметь надо». Вот ты теперь-ка сумей... Уж Лобанов ублажал-ублажал капитана, таская ему сухие полешки для лучинок. А Песочинский все равно всадил ему три ночных — с ноля до четырех — вне очереди. Все правильно. Не хитри.

Хорошо, когда все правильно. Провинишься — накажут; отличишься — похвалят. А как еще?

шесть уже встать и идти в булочную. Придешь — на дверях замок, а у стенки жмется очередь, все закутанные, кто платки накрутил, кто одеяло. В семь гремит замок и все спешат зайти в помещение, здесь хоть ветра нет. Продавщица при свете коптилки ножницами вырезает из карточек талоны на завтрашний день (вперед давали только на сутки) и затем отвешивает кусок совсем черного, тяжелого, непохожего на хлеб хлеба. И все смотрят, как колеблются чаши весов. Сошлись «уточки» друг против друга. Все точно. Тут не обманешь, если, конечно, весы правильные. Продавщица снимает хлеб с довесочком — и из рук в руки. И все следят. И снова — в холод и темень. Да хлеб покрепче держи, особенно у подворотен. Одна тетка плакала в очереди: авоську с пайкой вырвали. А может, врала, чтоб продавщица на два дня вперед выдала. Случалось, и Сережа вперед забирал. Но надо прийти не к открытию, а позже, когда никого нет. Продавщица одна. Сидит и талончики на лист клеит. Ткнет в кучку одним пальцем, талончик пристанет к нему — и на лист с клеем. Для отчета. Молча подашь карточку... Потянется к ножницам — значит, повезло... Или обратно вернет карточку: «Чего суешь? Не слепая». А просить бесполезно. С них тоже спрашивают — число в число. И ругают, если вперед выдают.

Осенью сорок первого почти каждый налет спускались в бомбоубежище. Потом перестали. Нина Ивановна сказала: «Убьеть и так убьеть. Чегось ходить, калорию тратить». Пронцла сирена, замолкла. Теперь жди. Сережа лежит в кровати укутавшись. Холодно. Печурка остыла. Он прислушивается. Вот забили зенитки. Да и по гулу мотора слышно — не наш: с завыванием идет. Уже будто над самым домом. Старушка из разбомбленного шепчет чего-то, молится, должно. Гул самолета то ближе, то дальше, вокруг да около. Понятно: вблизи завод. Вот он и кружит. Знают! В начале войны сколько шпионов выловили, даже в газетах писали. Но, бывало, задерживали и своих. В июле, наверное, Сережа увидел толпу на улице, окружившую военного. Полковник. Четыре шпалы. Волнуется: «В чем дело, товарищи? Вот мои документы». А ему кто-то из толпы: «Какие документы? Полковники так не ходят, им машина положена». Подошел милиционер, проверил документы и приказал всем разойтись.

ИН КРУГ

Сережа нашел начальника госпиталя и отдал ему пакет. Сережа узнал о Куренцове. Его чуть задело осколком в шею, сперва не обратили внимания — царапнуло,— весь персонал был занят вновь поступившими ранеными. Куренцов сидел в приемном покое, ожидая перевязки, и вдруг повалился навзничь. Бросились, а гимнастерка его полная крови, артерию задело. Не успели...

— Сережа... Пожалуй, ты был смелей меня.

— Нет, я боялся. Я, правда, боялся, когда бежал вдоль берега.

— Что ж... Бояться летящих снарядов вроде и не грешно.

(Да, жизнь его прямее, куда прямее моей. Перед ним одна ясная цель: доставить срочный пакет; одно желание — увидеть маму; одна большая мечта — чтоб скорее окончилась война.)

— У тебя до войны были друзья?

— Конечно! Витька, Толька, Ванька и Вовка. Это самые закадычные.

— Ты назвал первым Витьку.

— Ну да... Хотя он оказался плохим другом... В декабре сорок первого Витька украл хлебные карточки. Хорошо, что я догадался, пошел к нему и силой отобрал: обыскал и нашел...

— Вот видишь, ты был решительный. Мне бы твою решимость.

Снова молчание.

— Да... Но решительным можно быть тогда,

Внезапно Сережа вспоминает, что скоро новый год — 1943-й. Как он встретит его? Последний новый год, который встречали дома все вместе, был год 1941-й. Папа привез высокую, пушистую елку, ее установили в большой комнате. Сережа со своими друзьями — Ваней, Вовой, Витей и Толей — украсили ее. Мама сделала ребятам стол — какао с пирожными. Мама сказала: «Ну, мальчики, следующий год вы, наверное, будете встречать уже с барышнями».

Но 1942 год встречали не дома. Папы уже не было. Все комнаты большой квартиры были закрыты — их не натопишь,— Сережа жил в кухне, там же ютилась Нина Ивановна, которая когда-то была у них домработницей. Потом стала членом семьи. И еще в кухне жила старушка из разбомбленного дома, дальняя знакомая. Но в самые голодные блокадные месяцы — декабрь, январь, февраль—Сережа, случалось, неделями находился в офицерском общежитии госпиталя, где его мама была начальником хирургического отделения. Когда в госпиталь поступала новая партия раненых и врачи сутками не уходили из отделения, мальчик отправлялся домой. Трамваев уже не было. Путь лежал по бесконечному Старопарголовскому проспекту, начинавшемуся у Поклонной горы и выходившему почти к самому Политехническому институту — в нем тогда помещался госпиталь.

До́ма, на Поклонной, ложились рано, чтоб в

Внезапно кухня озаряется светом, а взрыва нет. Это он осветительную сбросил. «Чок-чок» — доносится сверху: осколки от зенитных снарядов на крышу падают. Потом слышится взрыв, второй, третий... Но не близко. Стекла слегка позванивают.

— На рождество мороз вдарит, казали, за тридцать градусов. И де дрова брати? — вздыхает Нина Ивановна. Старушка из разбомбленного все что-то шепчет.

В госпиталь к маме он обычно ходил под вечер: днем они оперируют или перевязывают. Улица пустынна. Она и до войны малолюдной была: слева — сосновый парк, справа — редкие дома. Улица-то широкая, а по ней узенькая тропка. Кругом сугробы, кому расчищать? Сережа идет, оглядывается. Тут смотреть надо. В школьном портфельчике пайка хлеба, а подумают, буханку несешь... В очереди всего наслышишься.

...Впереди что-то чернеет. Сережа замедляет шаги. А чего? Все равно не обойдешь, в сугробе завязнешь. Мальчик приближается к лежащему поперек дороги трупу. Женщина, лицо опухшее. Мертвая, сразу видно. Стылая вся... Он осторожно, ступив одной ногой в сугроб, обходит труп. На обратном пути, наверное, уже заметет снегом.

На перекрестке у Спасской людней. Все закутаны, идут медленно. На подходе к госпи-

талю Сережа видит еще одного покойника: женщина везет на саночках в сторону Пискаревки, в простыне. Теперь всех туда возят.

Часовые в проходной знали Сережу и пропускали. А если и попадался вредный, может, и не вредный, а начальник караула близко, мальчик просил кого-нибудь из идущих вызвать маму. Она выбегала в халате. Иногда шинель на плечи накинута, в петлицах — шпала. Скажет: «Пропустите. Это ко мне». Слушались.

— Сереженька, какое счастье, что ты пришел... Я так боялась за тебя. Обстрел идет... Как ты?

— Мама, это же далеко. Он по «Светлане» бьет...

— Ну все, ты пришел, теперь я спокойна.

Посадит в ординаторской, а сама в палаты, к раненым. Когда начинали близко бомбить, мама говорила: «Только, ради бога, не отходи от меня... Уж гибнуть — так вместе»,— и брала его с собой в палату или операционную.

В конце сорок первого, как открыли ладожскую дорогу, была первая эвакуация раненых — тех, кто скоро в армию не вернется или вообще на демобилизацию.

Прибытия автобусов ждали в низких сводчатых подвалах при свете фонарей «летучая мышь». Первую партию готовили костыльных и ходячих. Выдали им шинели. Для Сережи тоже нашлась работа — раздавать мазь от обмораживания и запечатанный конверт: историю болезни. Старшая сестра Анна Ивановна выкликала фамилию:

— Румянцев!

— Здесь я,— неслось из темноты. И Сережа быстро шел туда и вручал костыльному Румянцеву мазь и пакет. Опираясь на костыль, солдат дрожащими руками принимал и то и другое.

— Чего это, малый? — спрашивал.

— Если мороз сильный, вас же, может, на открытой машине повезут,— мажьте щеки, нос... А это не вскрывать, держать при себе... Привезут в госпиталь на Большую землю, там и отдадите,— объяснял Сережа. Он был в возбуждении. Главное, не перепутать конверты с историями болезни. И мальчик устремлялся в разные концы бомбоубежища, пробираясь среди раненых туда, откуда доносилось: «Здесь!»

— Вы Лантатидзе? Это мазь...

— Зачэм, дорогой? Мазать нэчэго... Сестричкам отдай...

В темноте Сережа не разглядел, что все лицо Лантатидзе забинтовано, виднелись только глаза.

В одном из подвальных отсеков вдруг возник шум.

— Не поеду! — кричал заросший щетиной боец. И даже при слабом свете «летучей мыши» было видно, как сверкали его глаза.— Не поеду! Здесь родился, здесь и помру...

К нему тотчас подошли мама и политрук отделения Валя Ковалева.

— Товарищ боец! В этот ответственный час, когда над нашей Родиной нависла смертельная угроза фашизма,— начала Валя. Но мама перебила ее:

— Горкин, ну чего шумишь? Зачем помирать? Еще повоюешь. Подлечишься там и... вернешься.

— Я здесь воевать хочу!.. Умру за Ленинград...

Подошел комиссар госпиталя, отвел маму в сторону. Сережа услышал, как мама тихо ответила: «Надо увозить, пока транспортабелен. В строй он уже не вернется».

Вдруг Сережу за рукав кто-то схватил. Вглядевшись в улыбающееся лицо, мальчик узнал лейтенанта Евсеева из третьей палаты.

— Серега, прощай, уезжаю!

И так он это сказал с тоской, что мальчика вдруг охватило волнение. И, не желая, чтоб Евсеев видел его слезы, он отвернулся и сделал попытку уйти:

— До свидания... Вы извините, я должен мазь раздавать...

— Погоди, Серега!.. Вот письмо. Отдашь. Знаешь, кому?

— Знаю.

— Ну, кому?

— Тамаре из буфетной...

— Правильно. Все понимаешь... Не нашел я ее, а уже отправляют. И еще матери своей спасибо скажи! Понял? Скажи, от лейтенанта Евсеева... Она мне ногу спасла, в медсанбате ампутировать хотели... Ну, обнимемся!..

Где он теперь, красивый лейтенант Евсеев, неистовый Горкин, Румянцев с дрожащими руками? Где все?

Тот 1942 год встречали в офицерском общежитии, рядом с госпиталем. С мамой в комнате жили Валя Ковалева и старшая сестра Анна Ивановна. Мама и Анна Ивановна взяли из столовой домой скудный ужин. Сидели и вспоминали довоенное время.

— Наша Валька где-то задымилась,— сказала Анна Ивановна.

— Господи, а что ей? Двадцать три года... Девчонка! — ответила мама.

В половине десятого легли спать голодные. Ужин лишь раздразнил. Не спалось. Все-таки Новый год. Каждый думал о своем. Вдруг Анна Ивановна говорит:

— Товарищ начальник, ты спишь?

— Не сплю, Анна,— ответила мама.

— А он уснул?

Но Сережа тоже не спал.

— Слушайте, я такая стерва,— продолжала Анна Ивановна,— утаила целый сухарь... Помнишь, третьего дня нам вместо хлеба сухари выдали? И я запрятала под матрас... Давайте его съедим.

Она зажгла коптилку и разделила сухарь на три части. Сухарь был крепкий и вкусный, еще из довоенного хлеба.

— Вальке не оставили, но я уверена, она сегодня сыта, у начпрода компания собирается...— сообщила Анна Ивановна.

— Я знаю, он и меня уговаривает,— рассмеялась мама.

— Так чего ж не пошла? Еще миндальничать... И нам бы с Сережей притащила чего-нибудь. Меня, старуху, не пригласили.

Вдруг, около одиннадцати, стук в дверь.

— Кого еще несет? Для Вальки рано...— Анна Ивановна вышла в переднюю. Хлопнула дверь, послышались крики, поцелуи, потом вбежала радостная Анна Ивановна: — Это Алеха мой! Вот угодил-то... Вставайте! Пировать будем...

Приезда Алексея Яковлевича Попова, мужа Анны Ивановны, ждали месяца два. Комиссар фронтового батальона балтийцев, он уже превратился в легендарную личность. «Вот Алеха приедет...» — повторяла изо дня в день жена его. И уж казалось, что как он приедет, все тотчас перевернется.

Теперь она, счастливая, металась, разводила буржуйку, чтоб согреть кипяток, а Алексей Яковлевич в морском кителе сидел за столом и рассказывал...

Сев наконец, Анна Ивановна оглядела стол и всплеснула руками:

— Алеха! А мы думали, что ты нам с передовой мешок с продуктами привезешь!

— Где ж, Анюта... У нас тоже паек...

— А что твой начпрод, не ворует?

— Одного начпрода я отправил под трибунал... Нынешний как будто честный.

— Вот и у нас на отделении сестра-хозяйка Степанида тоже такая же сумасшедшая... Сама дуреха голодная ходит и нас с Аидочкой голодом морит,— рассмеялась Анна Ивановна.— Ну, правда, мальчишке она раза два совала сахар. Было, Сережа?

Комиссар вдруг с беспокойством стал что-то искать на столе, потом взял свою командирскую сумку и там порылся. И озабоченно сказал:

— Анюта, а куда я дел шоколад? По-моему, я тебе отдал... Нам вместо сахара выдали...

И навсегда запомнил Сережа выражение лица жены комиссара. Спокойной гордостью засветилось оно вдруг:

— Вот он такой, мой Леха... По письмам знал о Сереже, сунул плитку мне. «Это мальчику». Да не бойся, Леха, не съем сама... Припрятала. Сегодня вон всего на столе, а завтра что? Ой, Алеха, ты меня даже в краску вогнал... Неужели ты мог подумать, что я сама сожру?

Однако она достала шоколад и заставила Сережу при всех съесть, несмотря на протесты мамы.

VI

Шаги в коридоре. Дверь распахивается.

— Па-адъем! — звучно кричит старшина и скрывается. «Па-адъем!» — несется из коридора.

Все. День начался. Григорий Иванович сидит на койке хмурый и с утра злой, вернее, строгий, и обертывает правую ногу теплой бумазейной портянкой. Делает он это тщательно, аккуратно. Чтоб ни одной складки не было. Не то что Ловейко. Тот всегда торопится, поглядывает на дверь, кряхтит, натягивая сапог за лямки. Натянет. Попробует встать. Не то. Снова кряхтит, стаскивает сапог... Григорий Иванович глянет и скажет:

— Эх, Иван! Худой из тебя солдат, не зря тебя наш лейтенант гоняет...

— Ладно, помолчи,— огрызается Ловейко.

— Да уж чего «помолчи»! Пыхтит, пыхтит, как паровоз, а все без толку. Портянки не научился наматывать. А еще под Дубровкой был...

— А мы там, Гриша, вовсе сапог не снимали...

Вот Быков обернул одну ногу, чуть поднатужился и ловко всунул ее в кирзовый сапог. Притопнул. Опробовал на пятку, носок — не жмет ли. Все норма. Принялся за другую ногу. Обул и ее. Все у него размечено по минутам. Теперь он достает из тумбочки кисет, вынимает пачечку курительной бумаги, отрывает листок. Насыпал табак из кисета, но свертывать не стал, положил на тумбочку. Свернуть сигаретку — дело приятное, и он оставляет его напоследок, когда уже наденет гимнастерку и затянет ремень. Тогда свернет. Утрясет табак. И кончит красиво, закрутит, чтоб табак не высыпался. Уже скрученную цигарку снова положит на тумбочку и примется заправлять койку. А уже курить-то будет потом... ну там... в скворечнике. А Ловейко, тот все суетится да поглядывает на Быкова, насколько, мол, тот опередил его. Хочет подкусить, а не знает как. Скажет:

— У тебя, Гриша, все как по конвейеру.

— Ладно, пыхти-пыхти...

Но Ловейко не успокаивается и, подмигивая Сереже, говорит:

— Что, Гриша, поджимает?

— Ух ты, Иван! Слепой, битый, а все заметит. Ты уж, поди, в пять утра отливать бегал...

— А ты видел?

— Не видел — слышал, как ты возишься, пыхтишь... Пошел, чую.

— Ну, бегал,— кивает Ловейко.— У меня же осколок, Гриша, сидит, жмет...

— Не знаю, чего у тебя там жмет, в брюхе твоем... Нальется на ночь воды — понятно, жать будет.

— Давай, давай, Гришенька... Спеши, а то займут скворечник. Попрыгаешь,— в свою очередь, подковыривает Ловейко.

Быков на мгновение останавливается, наверное, ищет, чем бы сразить Ивана. Но не до этого, и, уже пританцовывая, выбегает из комнаты, на ходу надевая ватник.

Вот они ругаются, а когда Иван Сергеевич достал где-то пачку довоенного «Беломора», точно поделил. Вернее, так: себе взял десять, Быкову десять дал. Две Степану Ивановичу и три — старшине.

Сережа встает легко. В шестнадцать лет привычки приходят просто. Из коридора слышится голос комвзвода: «Где дневальный? Почему в бачках воды нет? Бойцы уже умываться идут...» И затихло. Прошел куда-то. Потом снова: «Старшина! Выводите взвод на построение во двор. Быстро!»

Холодно. Градусов двадцать. Бойцы в шинелях, а кто в полушубках, выбегают по одному строиться. Старшина поднимает руку: «В две шеренги... становись!» Появляется Радов.

— Взвод... Равняйсь! Сми-ирно! Товарищ лейтенант, автовзвод и отделение связи построены...

— Вольно,— говорит Радов.

Проходит перед строем, осматривает бойцов. Внешний вид. Заправка. И все такое. Тут он прав. С него же спросят, а не с кого-нибудь.

— ...Взвод! Слушай мою команду!..

И выводит бойцов за расположение части. Там площадка. Гоняет до завтрака. В восемь часов утра завтрак. Григорий Иванович поест, встанет, улыбнется. «Ну,— скажет,— теперь можно и воевать идти».

Но Сереже не избежать насмешливого взгляда Ловейко. Хороший он человек, но порядком уж надоел со своим «Аникой-воином». Конечно, сказать это невежливо, но сам-то он Аника-воин.

Сережа вызывающе смотрит на Ловейко.

— Ох, Гриша, ты глянь, какой у него взгляд! Молнии. Отелло! Испепеляет. Поплачут девки из-за этого парня...

— Девкам не взгляд нужен,— хмыкнет Быков.

— Нет, ты напрасно, Гриша. Взгляд тоже играет роль. С него-то и начинается все. Ты вспомни, Гришенька, как сам-то... И робел, наверное, и дух захватывало.

— Все было, Иван. А теперь... Знаешь, что мне нужно?

— Могу догадываться...

— Вот. А покойницы мне все равно никто не заменит.

Жена Быкова умерла в блокаду от голода.

Входит старшина.

— Вы подавали рапорт об увольнительной на сегодня? — спрашивает Сережу.

— Подавал.

— С обеда можете идти. К отбою чтоб был.

— Есть.

Старшина не уходит, что-то прикидывает. Бросил на мальчика снисходительный взгляд, вздохнул. И по-свойски:

— А вообще-то можешь мотать и сейчас... В наряд не записан?

— Нет.

— И гони. Только Песочинского спроси, нет ли чего. Доложись: так, мол, и так... Старшина отпустил.

— А комвзвода? — спрашивает Сережа.

Пауза. Старшина морщится, машет рукой и выходит. Сережа уже понял, что сказал глупость.

— Ну, чего, спрашивается, чего ты сунулся? — гремит Быков.— Умным хочешь быть, наперед батьки... Эк, парень, верно, что сосунок,— кратко и убийственно режет он.

Чего ж обижаться — прав. Если младший начальник отпускает — все. Он несет ответственность перед старшим. И знал ведь. Чего лез? Выслужиться? Себя показать? Вот и получай.

— Да, Сережа, зря ты про лейтенанта вспомнил,— сокрушенно говорит Ловейко.— Твой непосредственный начальник подсказал верный ход к Песочинскому. Действуй!..

Сережа удручен. Когда командир или старшина ругают — это можно стерпеть. Но когда осуждают свои же товарищи — поневоле расстроишься.

— Ладно, век живи — век учись... Аника-воин,— говорит Ловейко и улыбается.

Через минуту Сережа уже в штабе.

— Товарищ капитан, никаких заданий не будет?

— Никаких,— сухо отрезает Песочинский, не поднимая глаз от бумаги.

Но теперь Сережа уже научен: лишних вопросов не задавать. Тихонько выходит он из штаба. Оглядывается. Нет ли комвзвода. Этот что-нибудь да найдет. И — шасть на улицу, мимо ворот, за пределы части. Теперь он свободен до позднего вечера. Убыстрил шаг. Побежал узкой протоптанной дорожкой через озеро по льду. Вот и шоссе. Налево — шлагбаум и КП. Зачем ему КП? Ему совсем в другую сторону — до кольца пешком. А дальше — трамвай, ехать-то всего несколько остановок.

VII

Где-то в городе шел обстрел. Мальчик напряженно прислушался, стараясь определить примерный район падения снарядов. Били по Петроградской, но отдельные снаряды падали ближе, где-то у Ланской. В ту сторону и ехать.

...Ухнуло совсем где-то близко, наверное, у клуба Орлова. Даже треск слышен. Наконец подошел трамвай. Сережа вскочил на площадку. Пассажиров было мало: военный, старший лейтенант, и три женщины, закутанные в платки, так что лиц почти не видать. Кондукторша тоже была закутана. Рядом с ней лежала старая «авоська» с кастрюлями, одна в другую. Она дернула за веревочку, раздался негром-

кий звон. И трамвай медленно пополз по окраине Выборгской стороны. Слева, за Лихачевкой, чернел целый лес печных труб. Раньше здесь стоял стандартный поселок. В тридцать пятом году построили. Быстро. За один год. Дома из деревянных щитов. Доски, а внутри опилки. А крыши толевые. Все их снесли на дрова. Людей там уже не было. Кто эвакуировался, кто помер.

Съехав с Поклонной, трамвай стал. Кондукторша с сумкой медленно поднялась и пошла к вожатой. Переговорили. Вернулась. Села.

— Что не едем, хозяйка? — спросила женщина с бидоном.

— Обстрел. Слышите?.. Метроном ходит быстро. Да и так слышно — рвутся,— отвечала кондукторша.

— Довезла б хоть до рынка...

— Куда?.. Он по «Светлане» и бьет...

Охая, женщины вылезли из вагона. Сережа тоже вышел на улицу. Декабрьское солнце стояло низко. Снег поскрипывал. Деревья были белые от мороза. Идти пешком далековато. И рано еще. В госпитале по утрам всегда обход раненых. Зайти к Вовке? Здесь рядом... Надо зайти.

Сережа подошел к деревянному, двухэтажному, обшитому тесом дому. Ступени крыльца были во льду, как почти во всех домах: воду носили из колонки,— расплескивали. Он отворил наружную дверь, вошел в переднюю. Висят старые поддевки; лопата, ломик, все как раньше. И здесь лед на полу. Еще дверь, обитая войлоком. Все открыто. Теперь все так живут, никто ничего не запирает.

Отворив третью дверь, Сережа остановился на пороге комнаты и не вдруг заметил в глубине, у времянки, самого Вовку, невысокого рыжеватого парня. Он сидел на корточках у печурки. Не спеша оглянулся: кто там, мол. Медленно привстал.

— Вовка, здорово!

— ...Сергей? Заходи...— почти без удивления сказал Вовка.— Что, в армии?

— Ага...

— Хорошо тебе... Постой, а ты же младше нашего Вани.

— Младше.

— Повезло тебе. Меня вот на завод не берут, четырнадцати нет. Но с нового года, мамка сказала, точно возьмут.

Вначале Сереже показалось, что Вовка почти нисколько не изменился. Но, вглядевшись попристальней, заметил, что лицо его как бы обтянуто кожей и местами кожа отвисла. Лицо у него было широкой кости и осталось такое же. В комнатке был тот же порядок, что и до войны. Только времянка появилась и труба от нее в окно выведена. На стене в рамках фотография Вовкиных отца и матери. Молодых. Отец погиб на фронте.

— Мамка в заводе. Поздно приходит. А когда и там остается. Танки ремонтируют, им прямо с передовой гонят. Как пригонят колонну — там и ночуют. Две рабочих карточки зря не дадут...

— И хлебных две?

— Кроме хлебных. Остальное — крупа, сахар, масло — законно. И с хлебом лучше стало. Она четыреста получает, и я двести. Жить можно.

— Володя, а не знаешь, что с Витькой? Эвакуировался?

— Уехал. Ну его к свиньям. И говорить о нем не хочу. Из-за него умер Толя... Он же ходить не мог уже, Витька по его карточке хлеб получал. И половину съедал дорогой. Уж довесок обязательно съест, а довесок бывает порядочный... Мы раз встретились в магазине, в нашем «Башкирове». Стоит, жует... Сперва свой довесок, потом, смотрю, Толькин. А всего-то давали — раз укусить... Я ему: «Что ж ты, Витя, братнину пайку?» «У нас,— отвечает,— уговорено. Один день оба довеска мне, другой день ему». Зашел я к Тольке, спрашиваю, верно ли, был ли такой уговор. «Уговор-то был,— отвечает,— только Витя мне еще ни разу своего довеска не дал. Нет, говорит, довеска. Без довеска точно отвесили». Ну, пусть один раз, ладно. Но не каждый же раз!

— Да, ясно, что он объедал Тольку. Он же у меня в декабре карточки украл.

— Я знаю. Мало мы его до войны били,— вздохнул Вовка.

Окончание следует.

На ферму...

В. ХОХЛОВ

й друг! Как в устье Мезы проехать?

Парень, к которому обращались, даже ухом не повел. Как стоял в растерянной позе — черный полушубок распахнут, шапка сдвинута на затылок,— так и остался стоять не то с удивлением, не то с испугом вглядываясь в даль.

По ноздреватому осевшему снегу протянулся след от тракторных гусениц и широких полозьев волокуши. След уходил к далекому, словно растворившемуся в туманной сырости противоположному берегу водоема. Шофер «газика», не дождавшись ответа, чертыхнулся, вылез из машины и, проваливаясь в рыхлом снегу, подошел поближе.

— Ты что, ворон ловишь? Кричим, кричим...— сказал он с обидой.— Оглох, что ль?

— Погоди,— отмахнулся парень, не удостоив незнакомца взгляда.

— Тьфу! — Шофер даже плюнул с досады.— Тебя спрашивают, к устью Мезы как ехать: прямо или направо?

— Погоди, говорю... Сейчас... Есть! Прошел! — Парень облегченно вздохнул, поправил шапку и, обернувшись наконец к шоферу, на вопрос ответил вопросом:

— На рыбалочку, да? Дело! Значит, так. Сейчас валяйте прямо по тракторному следу, никуда не сворачивайте, а потом направо. Там увидите — дорожку рыбаки накатали. В прошлый выходной только из Ярославля машин сто приезжало, а из Костромы — и считать собьешься.

— Рыба-то есть?

— Да кто ж ее знает. Есть, наверно, чего ей не быть. Нам, отец, не до рыбы. Сено из-за моря возим. Понял?

— А ты тут, должно, за милиционера? — съехидничал шофер, доставая из кармана папиросы.— Нако, закури, регулировщик...

— Я не регулировщик, я тракторист,— не принял шутки паренек и почему-то вздохнул.— А за регулировщика у нас сам председатель колхоза — Леонид Михайлович Малков. Во-он там, возле того берега, трактор. Так это мой... А ведет его собственноручно Леонид Михайлович. Понял?

— Нет.

— Сейчас объясню.— Глаза у парня загорелись.— Подъехали мы, значит, сюда. Только бы на лед двинуть, а Леонид Михайлович мне и говорит: «Погоди, сынок, дальше я сам поведу. Лед не больно надежный, рисковать нельзя, прежде проверить надо. А ты, говорит, здесь дожидайся остальных. Если все будет хорошо, поезжайте по моему следу». Вот я и переживаю. Неровен час что стрясется...

— Нда-а,— протянул шофер.— Давно слышал о Малкове, а не знал, что такой он отчаянный.

В это время из-за лесочка донесся гул моторов, и показались три трактора с волокушами.

— Вот и наши едут,— весело сказал тракторист,— сейчас будем председателя догонять... Ну, хорошего вам улова!

...Когда рыхлый, набухший после оттепели лед наконец остался позади и трактор вскарабкался на замерзшую твердь, Леонид Михайлович облегченно вздохнул, вытер ладонью вспотевший лоб. И тотчас вспомнил растерянное лицо тракториста, которого турнул из кабины. «Чудак! Небось, решил, что я из ухарства впереди всех по ненадежному льду пошел. А лед-то чуть не метровый, никакой опасности нет».

Леонид Михайлович в этом разговоре с самим собой, конечно, немного хитрил. Разумеется, лед крепок, но день на день не приходится. Никто не скажет точно, что вот, мол, вчера еще было опасно, а сегодня можно ехать, не оглядываясь. Нужно проверить. А

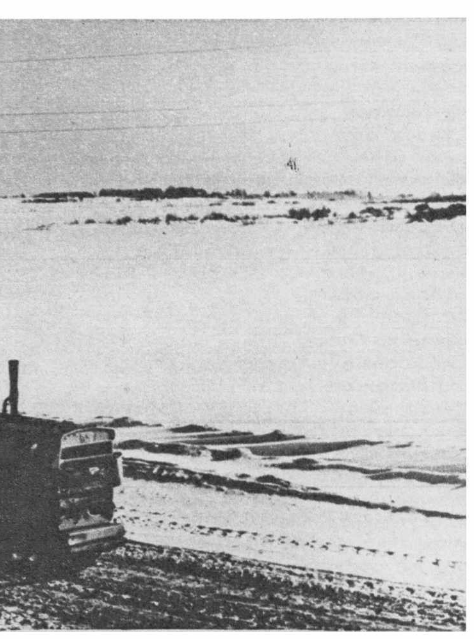

Фото В. Смолякова

кто это сделает лучше него, Малкова? Ему тут знакомы все мели и глубины, каждый поворот старого русла реки.

«Так зачем же рисковать молодому, неопытному парню, — продолжал рассуждать Малков.— Если и случится беда, успею выскочить, не в таких переделках бывал». На случай непредвиденной опасности дверку кабины он не запер, а сам сосредоточен, собран, как спортсмен на ответственных соревнованиях, и сидит так, чтобы в любой момент можно было выпрыгнуть.

Море, море... И невелико вроде, и морем-то называют условно — кроме костромичей да ярославских рыбаков, никто, пожалуй, и не знает, что существует такое на свете. А вот существует — раздольное, красивое, может, красоты такой и не сыщешь нигде. И коварное, особенно в непогоду.

Двадцати лет не прошло с тех пор, как создали его люди, а сколько уже с этим морем связано и радостей, и горя, и добрых дел, и всяких хозяйственных забот. Теперь их у него много. А тогда, когда колхоз принимал, была одна, главная — как можно быстрее и по-настоящему поднять общественное животноводство. Нелепым и обидным казалось: вот тут, совсем рядом всемирно знаменитый учхоз «Караваево», прославленные на всю страну фермы колхоза «12-й Октябрь», а сущевские коровы дают всего лишь по полторы тысячи литров молока в год. С чего начинать: то ли с племенной работы, то ли со строительства новых скотных дворов? Но ясно было одно: без хорошей кормовой базы дело с мертвой точки не сдвинешь. Тогда-то Леонид Михайлович и обратил свой взор к «заморским» заливным лугам. Сколько помнил себя, буйно росли в тех лугах густые, сочные травы, и не было окрест лучших сенокосов. Что могло быть дешевле тех кормов, которые дарила сама природа?

В прежние годы, это еще когда Горьковскую ГЭС строить не начинали и Костромского моря не было, ездили в те луга запросто — на тракторах да на телегах. И увозили оттуда сено в любое время года. Теперь же все по-иному. Как организовать дело, на чем доставлять косарей в луга? А может, поселить их там на весь сезон? Тогда временное жилье строить нужно и по части быта заботу проявить... А может, своим флотом обзавестись? Флот! Звучит-то как, усмехался председатель. А речь шла всего лишь о моторном катере и барже. Но в повестке дня заседания правления колхоза вопрос был сформулирован многозначительно: «О колхозном флоте».

Необычной сначала представилась сама постановка вопроса, да и денег в колхозной кассе не густо, однако Леонид Михайлович настоял на своем.

Подготовка к сенокосу началась загодя и необычно: с оборудования причала. Потом осматривали и приводили в боевую готовность палатки, подбирали кухонное снаряжение. А затем несколько дней над деревнями висел малиновый звон: отбивали косы.

И вот пришла она, сенокосная страда. Леонид Михайлович не поэт, однако всякий раз, когда приезжал на заморские пожни, в душе его рождалось нечто возвышенное. Может, потому, что дни стояли безоблачные, все вокруг буйно зеленело, трава выше пояса, и прибрежный луг — с косарями, с женщинами в разноцветных платочках, с палаточным городком — задумчиво смотрелся в голубой воде, и опьяняюще пахло свежим сеном.

Но на поэтической орбите Леонид Михайлович оставался не долго. Вдоволь налюбовавшись идиллической картиной сенокоса, председатель погружался в хозяйственные расчеты и в уме прикидывал, сколько примерно запасут здесь сена и во что это обойдется колхозу. Цифры радовали, но закрадывалась и беспокойная мысль. Флот — это, конечно, хорошо. Но вести дело дедовским способом за морем не годится. Да и невыгодно. Надо покупать технику.

Тогда это были только мечты.

Теперь в сенокосную пору на «заморских» лугах работают и машины: пресс-подборщики, волокуши, стогометатель. И в колхозной бухгалтерии точно зафиксировано, какая получилась экономия в рабочей силе, сколь резко снизилась себестоимость сена. А Малков, обозревая заморские владения, продолжает вести свои подсчеты: нельзя ли еще какой выгоды извлечь из этих земель? Почему бы, скажем, в тех местах, куда с косилкой не сунешься, не пасти телят? Травы тут отличные; заросли кустарника укроют молодняк от жары, спасут от слепней.

И вот уже подобрали место поживописнее, с красавицами ветлами на берегу, поставили в тени вагончик для пастуха и переправили на пароме более сотни телят. Опекать их вызвался Александр Федорович Пантелеев. Соорудил он стол, скамеечки под ветлами, сделал изгородь, привел в порядок рыболовные снасти и поселился тут на все лето. Время от времени навещала жена, привозила продукты, наводила порядок в неприхотливом жилище.

Опыт удался. К октябрю телята нагуляли хороший вес, и откорм их обошелся колхозу намного дешевле, чем ожидалось.

С той поры каждый год, едва зазеленеет трава, собирает Александр Федорович новый гурт, грузит шарахающихся от воды «пассажиров» на паромы и отправляется с ними в плавание. Гурты теперь достигают четырехсот голов.

Как-то заглянул Леонид Михайлович на выгульный двор к Пантелееву. Пастух предложил свежую уху и стал расспрашивать о колхозных новостях: как, мол, там, на Большой земле? Новостей особых не было, а вот заботы новые появились.

— Строиться хотим, Александр Федорович, а материалов нехватка. Откуда взять их? Что скажешь?

— Что я тебе скажу, Михайлыч? Я все смотрю вокруг и думаю: сколько леса зря пропадает. И перестоя много и зарослей непригодных. Поставить бы нам тут пилораму, и давай крути, Гаврила! Вот тебе и стройматериалы — свои, некупленные. Конечно, это не выход, но все же кой-какая подмога. Мало ли тесу надобится: для полов, для стропил, для дверей и окон, для переборок разных...

И снова идут споры в правлении колхоза: не пустячная ли это затея и тем ли, чем нужно, занимается колхоз? Но когда в колхозную «гавань» прибыли первые паромы, груженные свеженьким тесом, сомнения развеялись. Тут же и выгоду подсчитали: если раньше тес покупали по пятьдесят рублей за кубометр, то теперь он доставался колхозу в семь-восемь раз дешевле и к тому же без всяких хлопот.

...Все это и вспомнилось Малкову сейчас, когда он в ожидании тракторов осматривал высокие, укутанные влажным, подтаявшим снегом стога сена.

Тракторы вскоре прибыли, они тянули за собой громоздкие волокуши, оставляя на снегу широкие лоснящиеся колеи. Леонид Михайлович кивнул трактористам и махнул рукой в сторону ближайшего стога:

— Вот с этого начнем.

Тяжелые трезубцы с хрустом врубались в утрамбованный стог, увесистые охапки одна за другой ладно укладывались на волокуши.

— Летом запахло,— мечтательно сказал молодой паренек, тот самый, которого оставил на берегу председатель. Леонид Михайлович воткнул вилы в снег, смахнул с шапки сенную труху и сказал:

— Нынешним летом купим пресс-подборщик. Все сено будем прессовать и сразу вывозить на понтонах. Так что, может, последний раз вилами работаем.

— Да мы, если нужно, и зимой съездим,— отозвался один из трактористов. Он заметил, что председатель чем-то обеспокоен, и решил отвлечь его от невеселых раздумий.— Может, закурим, а то уже и руки гудят. Давай-ко закуривай... Смотрю я на тебя, Михайлыч,— продолжал он, сделав первую затяжку,— и гадаю: чего это председатель наш задумчивый такой стал? Не иначе, соображает, какую еще выгоду получить от заморских угодий.

— Верно,— рассмеялся Малков,— угадал. Будущей осенью, как только с уборкой управимся, пошлю сюда трактор. Раскорчуем и распашем участок, а на следующий год посадим гектаров десять огурцов.

Тракторист от столь неожиданного ответа даже присвистнул:

— Ты это всерьез?

— Всерьез. Наши старики совет такой дали. Жители здешних сел, как известно, испокон веков занимались хмелеводством. Это значит, что земли тут наилучшие и по крайней мере лет шестьсот ежегодно хорошо удобрялись. Вот вам и весь расчет. Посадим огурцы и в первый же год получим не менее ста тонн. Это и есть наши резервы — пусть маленькие, но ведь из малого большое складывается.

...Маленькие резервы! Конечно же, не огурцы с «заморского огорода» принесли известность колхозу имени 50-летия СССР,— прославился он в Нечерноземной зоне России отменными урожаями зерновых и картофеля. Не только заморский тес дал возможность по-настоящему развернуть строительство — два животноводческих комплекса, четыре крупных зернохранилища, лучший в области машинный двор... Не только заморские косари обеспечивают кормами колхозный скот — в любую погоду работают механизированные кормоцеха, на полную мощность используется вся сеноуборочная техника, которой располагает колхоз.

Но от скольких дополнительных забот избавились колхозные строители, располагая собственным тесом. Каким добрым подспорьем для ферм стали вот эти стога... Колхоз выполнил план минувшей пятилетки по всем показателям. И почти в каждом показателе есть «заморская» доля.

В эту пору всякий раз, отправляясь за море, проезжая по тряской болотистой равнине, думает Малков о том, что со временем будет здесь обширное пастбище. На пятилетку запланировали ввести в эксплуатацию шестьсот гектаров новых земель. Мелиораторам дела хватит.

...Неудобные земли, «неудобья» — их много в здешних низменных краях. Таково оно, Нечерноземье. Заболоченные, закочкаренные, заросшие мелколесьем, разрезанные на мелкие участки быстротечной водой. Не сразу подступишься к этим «неудобьям», и кое-где сотни гектаров таких земель пребывают в полном забвении. Красиво, а пользы нет. И не всегда в их бесполезности природа виновата. В этом твердо убежден депутат Верховного Совета РСФСР Леонид Михайлович Малков...

Колхоз имени 50-летия СССР,
Костромская область.

Председатель колхоза имени 50-летия СССР Герой Социалистического Труда Л. М. Малков.

23 ФЕВРАЛЯ — ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

«Выстрел»

А. ГОЛИКОВ, фото И. ТУНКЕЛЯ,

специальные корреспонденты «Огонька»

На берегу широкого озера среди заснеженных сосен сияют зеркальными стеклами учебные корпуса. Дороги отсюда ведут на полигоны, стрельбища, танкодромы... Это высшие офицерские ордена Ленина краснознаменные курсы «Выстрел» имени Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова. Они предназначены для переподготовки командного и политического состава сухопутных войск, а также преподавателей военных училищ. Курсы созданы во время гражданской войны по указанию Владимира Ильича Ленина на базе Ораниенбаумской офицерской стрелковой школы, основанной почти полтора века назад. На первом выпуске краскомов, которые отправлялись на фронт, присутствовал Председатель ВЦИК Михаил Иванович Калинин.

...Жесткий ветер гонит по белому полю поземку. Струйки сыпучего снега добегают до густого ельника, возле которого замаскировалась бронированная машина командного пункта, и ложатся пологой волной. Мороз кусается. Хорошо, что нас предусмотрительно переодели в солдатские полушубки и валенки. Учение продлится несколько часов.

Учением слушателей курсов «Выстрел» руководит преподаватель тактики полковник Владимир Савельевич Кудинов. У него за плечами немалый боевой опыт. В Великую Отечественную командовал разведротой, не раз сам ходил за «языком». После войны окончил академию и уже девятнадцать лет преподает на курсах.

— Батальон при поддержке танков прорвал оборону «противника» и продолжает наступление,— кратко объясняет он нам происходящее.— Батальоном по очереди командуют слушатели. Первым — капитан Леонид Александрович Иванов. Я проверяю его действия и даю дополнительные вводные. А теперь, как говорится, следите за событиями.

События развивались быстро. Гудя моторами, по снежной целине двинулись танки, за ними цепи мотострелков, за стрелками бронированные машины пехоты. Управлять всем подразделения в современных условиях далеко не просто. Батальон располагает весьма эффективными средствами для поражения танков и авиации, а преподаватель еще усилил его условно артиллерией и инженерными средствами. Бой идет динамично, обстановка быстро меняется, и командир должен своевременно и эффективно использовать все имеющиеся у него средства воздействия на противника.

Танки с ходу открывают огонь. Из стволов их длинных пушек вырываются желтые языки пламени. В промежутки между танками, через головы мотострелков, стреляют боевые машины пехоты. От такой канонады с веток мохнатых елей сыплется снег. Но и «враг» не дремлет: перед батальоном вырастают огненные кусты разрывов — начинается контрнаступление...

Неожиданно раздался душераздирающий вой падающей прямо нам на головы бомбы. И тут оказалось, что рефлексы, обретенные на фронте, еще сохранились. Видимо, где-то в глубинах памяти навечно запечатлелись самолеты с черными крестами на крыльях, которые в сорок первом от зари до зари, сменяя друг друга, сыпали на нас бомбы. И сейчас мышцы мгновенно напряглись для стремительного броска на землю, чтобы распластаться, стать незаметным, менее уязвимым... Но мы понимаем, что звуки воздушного налета воспроизводят мощные репродукторы, установленные на специальной машине.

— Это один из элементов морально-психологической подготовки слушателей,— объяснил нам после «боя» начальник курсов генерал-полковник, дважды Герой Советского Союза Давид Абрамович Драгунский.— Сейчас у нас обучаются офицеры, которые родились уже после Великой Отечественной войны и в боевых действиях не участвовали.

Наше учебное заведение порой называют «Полевой академией», и это действительно так. Львиную долю учебного времени мы отводим занятиям в поле, на полигонах, на танкодромах. Основу методики преподавания составляют: рассказ, показ, действие. Это не значит, что на учебу в классах обращается мало внимания. Ее проводим с учетом последних достижений военной педагогики, учебной практики войск. Широко применяем технические средства обучения: кино, радио, телевидение, видеомагнитофонные записи.

«Полевая академия» пользовалась доброй славой и на фронтах Великой Отечественной войны. В ту пору мне пришлось командовать и стрелковыми частями, и танковым корпусом, и армией. Не раз встречался с воспитанниками «Выстрела», и всегда это оказывались офицеры, умеющие хорошо организовать бой, знающие оружие, технику других родов войск. Недаром более двухсот выпускников наших курсов удостоены звания Героя Советского Союза, а семеро из них — дважды. В свое время «полевую академию» закончили многие маршалы Советского Союза и другие видные советские военачальники.

«Полевая академия» учит также офицеров армий социалистических государств, и за это она получила высокие награды.— Генерал-полковник показывает нам орден «Знамя труда» II степени Польской Народной Республики и «Боевой орден за заслуги перед народом и Отечеством» I степени ГДР и продолжает:

— Интернационализм всегда был присущ «Выстрелу». В двадцатые годы перед слушателями не раз выступали такие видные деятели международного рабочего и коммунистического движения, как Георгий Димитров, Васил Коларов, Марсель Кашен, Бела Кун, Пальмиро Тольятти... Вождь немецких коммунистов Эрнст Тельман стал почетным солдатом курсов.

— А нам с иностранными слушателями побеседовать можно? — спрашиваем мы.

— Конечно! Отправляйтесь в классы, на стрельбище...

...В морозном воздухе далеко разносятся короткие пулеметные очереди. Стреляют польские и кубинские офицеры.

— Живут они очень дружно,— рассказывает преподаватель полковник Иван Сергеевич Чекмарев,— соревнуются друг с другом упорно и азартно. Да вот смотрите сами.

Подпоручник Мариуж Вайсен отлично стреляет из всех видов оружия и за упражнение получает высший балл. Он весело улыбается и лукаво посматривает на капитана Родригеса, который ложится за пулемет. Тот в ответ грозит пальцем: подожди, мол, радоваться... Родригес снимает рукавицы, прицеливается, но снова вскакивает, и, несмотря на мороз, сбрасывает полушубок, чтобы не стеснял движений. Тщательно целится и дает очередь. Результат хороший, но хуже, чем у Мариужа.

— В следующий раз буду стрелять, как ты,— упрямо говорит Родригес.

— Конечно,— отвечает Мариуж.— Сегодня ты просто шапку еще позабыл снять...

Все весело смеются.

...Вечером в просторном холле офицерского общежития слушатели из братских армий коротают часы досуга. Под звон гитары поляки разучивают кубинские песни. Дирижирует капитан Родригес. Не обращая на них внимания, склонились над шахматной доской чехословацкий старший лейтенант Ян Прохира и подполковник из ГДР Энгельберт Бролл.

У буфета, за чашкой кофе, мы беседуем с поручником Эугениушем Герником. Он вспоминает о совместных учениях армий стран Варшавского договора «Одра — Ниса», в которых принимал участие.

— Там все было, как в настоящем бою,— говорит он,— и трудности немалые и «противник» сильный, умный. А главное, все воочию увидели, сколь могуче наше социалистическое содружество и нерушимо наше товарищество по оружию. Солдаты братских армий всегда готовы были прийти на выручку друг другу. Надо сказать, что и здесь, на курсах, мы это постоянно чувствуем. Преподаватели очень опытные, занимаются с нами прямо-таки самоотверженно. Слушатели получают значительную нагрузку. Это хорошо, полезно. Труднее приходится кубинцам.

— Да,— соглашается подошедший к нам капитан Родригес.— Приходилось, например, привыкать к русским морозам. Поначалу на занятиях в поле за нами внимательно следили и преподаватель и польские товарищи: чтобы не обморозились. Ведь что это такое, мы представления не имели. Как мороз уши щиплет, только здесь узнали. Но теперь акклиматизировались и в лыжных соревнованиях участвуем на равных со всеми и на коньках ходим не хуже других. В общем, большое спасибо курсам «Выстрел».

●

Генерал-полковник дважды Герой Советского Союза Д. А. Драгунский (второй слева) и преподаватель тактики полковник В. С. Кудинов (третий слева) на командном пункте.

Через пламя.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

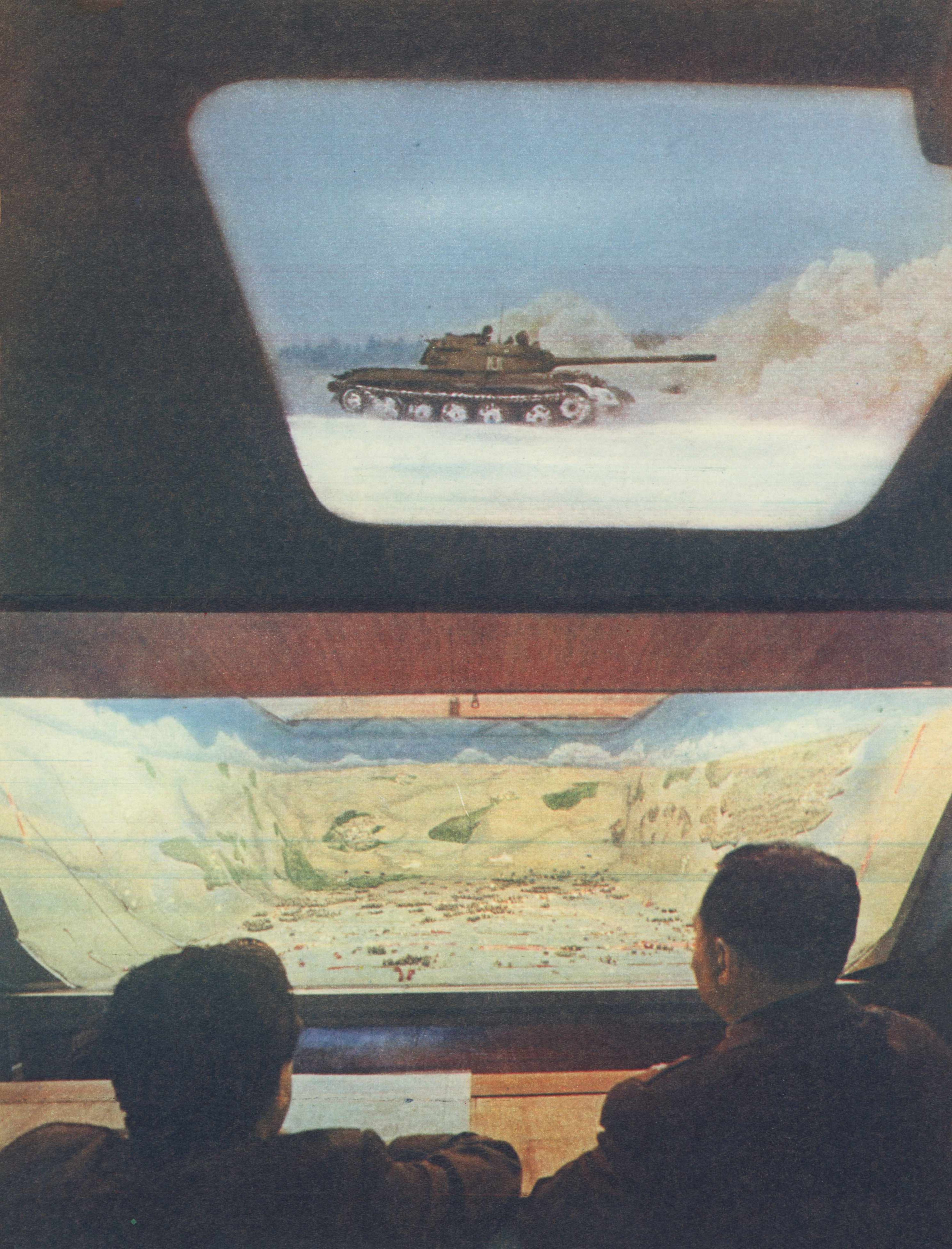
На занятиях в классе.

Атака.

Михаил БОРИСОВ

ТОПОЛЬ

Автострада на Симферополь —
Перегон
Вдоль судьбы солдатской.
У обочины старый тополь
Над могилой склонился
Братской.
Он с ней узами тоже связан
С той поры,
Как рассветом ранним
Был
Рванувшим вблизи фугасом
Снизу доверху сам изранен.
Может, так и лежать ему бы,
Если б рядом с его увалом
Не запели прощально трубы.

И тогда
Хоть с трудом, да встал он
И тогда же,
Собравшись с силой,
Подыграл трубачам листвою.
Словно разом
Из бездны стылой
Вырвал сердце свое живое!

Автострада на Симферополь
Убегает назад с опаской,
Но стоит там
Знакомый тополь
Часовым у могилы братской.

●

К тебе прихожу я лишь гостем
захожим,
И все же
Мы жить друг без друга
не можем.
Хоть вкралась в сердца,
как назло,
Обезличка,
На пост
часовым
заступила привычка.
Но пусть не в ладу я
С любовью живою,
Иная любовь неразлучна со мною.
Весь век мой она торжествующей
песней
В багровых сполохах взмывает
Над Пресней,
На волжской земле,
Крутолобой и вязкой,
Ложится под танки гранатною
связкой,
Потом, оседлав приграничный
большак,
Последний
в бессмертие
делает шаг...
С тобою все проще и легче.
Так что же
К тебе прихожу я лишь гостем
захожим?
А может быть, ты еще песней
неспетой
Вернешь в сорок третьем убитое
лето,
Заросшие тропки в алтайском
бору,
И веру в себя,
и стремленье к добру?
Любовь бы воскресла как вещая
сила,
Но ты даже сердце мое
не спросила.
Вот годы прошли, и осталась
привычка —
Простая земного с земным
перекличка.

●

Ни кровиночки, знать,
Не осталось в лице,
Бьется сердце опять
В самом тесном кольце

Я к потере друзей
До сих пор не привык,
В каждой строчке моей
Явный слышится вскрик.

А над крышами хат,
Не смолкая вдали,
Все тревожней трубят
Обо мне журавли,
Все пытливее бор
На меня в этот раз
По-чалдонски в упор
Щурит тысячи глаз.

Только зря это.
Зря.
Над моей головой
Еще рдеет заря,
Словно стяг полковой.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПЬЕСЫ

Юрий ЗУБКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Вечерняя московская улица... Короткая перестрелка. Атакуют юнкера. И вот женщина и красногвардеец-рабочий выносят из-под огня тяжело раненного командира и скрываются с ним в одном из домов... Кадры сменяются, и уже возникает занесенная снегом железнодорожная станция. Под натиском красногвардейцев отступают петлюровцы, отступает сводный отряд беляков. Красногвардейцы захватывают в плен офицера. И та самая женщина, которую видели мы на одной из московских улиц, ведет сейчас допрос и узнает в пленном поручике своего брата... Проходят годы... Завод готовится к пуску в день десятой годовщины Октября... А тот самый белогвардейский поручик, убежавший тогда из-под стражи, пробравшись на завод под видом инженера, пытается организовать диверсию... Сестра поручика — одна из тех, кто помогает его задержать и обезвредить... Познавшая за эти годы сомнения и утраты, она говорит в финале: «Что бы там ни было, теперь я знаю: унынию, усталости не может быть места. Мы прошли трудный путь, но впереди еще много станций... О, как я теперь смело смотрю в будущее!»

Это кадры из нового телевизионного спектакля «Огненный мост», созданного творческим объединением «Экран» (режиссер Б. Ниренбург). Уже самый факт обращения Центрального телевидения к пьесе одного из зачинателей советской драматургии, Бориса Сергеевича Ромашова, заслуживает горячей поддержки. «Огненный мост», несомненно, относится к произведениям советской драматургической классики. Это первая пьеса, связавшая воедино события революции и гражданской войны с буднями социалистической стройки. Населенная полнокровными реалистическими характерами, пьеса пронизана мыслью о том, что революция продолжается и в мирные дни — в созидательном труде миллионов, строящих новую жизнь.

Роль большевика Хомутова, сначала командира красногвардейцев, а в дни мирного труда директора вновь строящегося завода, играет Ю. Каюров. Играет мужественно, сдержанно, глубоко.

Рушится «огненный мост» между Ириной Дубравиной (А. Чернова) и ее братом Геннадием (А. Кайдановский) — выходцами из адвокатской семьи, оказавшимися по разные стороны баррикад. Оба актера играют также и глубоко и правдиво. Хотя Ирину хотелось бы видеть менее рафинированной, ибо характер ее в пьесе более народный.

В спектакле много актерских удач. Интересны работы и художника-постановщика И. Тартынского и операторов Ю. Журавлева и Е. Русакова. К недостаткам следует отнести известную иллюстративность второй серии: слишком много места занимают в ней праздничные выступления «Синей блузы», тормозящие действие. Вероятно, в спектакле можно отыскать и некоторые другие слабости. Но не о них хочется говорить, а о том, что зрителям возвращена в год 60-летия Великого Октября одна из лучших советских пьес. С огромным успехом шедшая в свое время в Малом театре и других театрах страны, она в последние годы исчезла с афиш. Исчезла неправомерно и несправедливо. Телевизионный спектакль наглядно подтвердил: пьеса эта жива и со жгучим интересом смотрится сегодня. Теперь дело за театрами!..

ИНТЕРЕСНАЯ ПРОФЕССИЯ

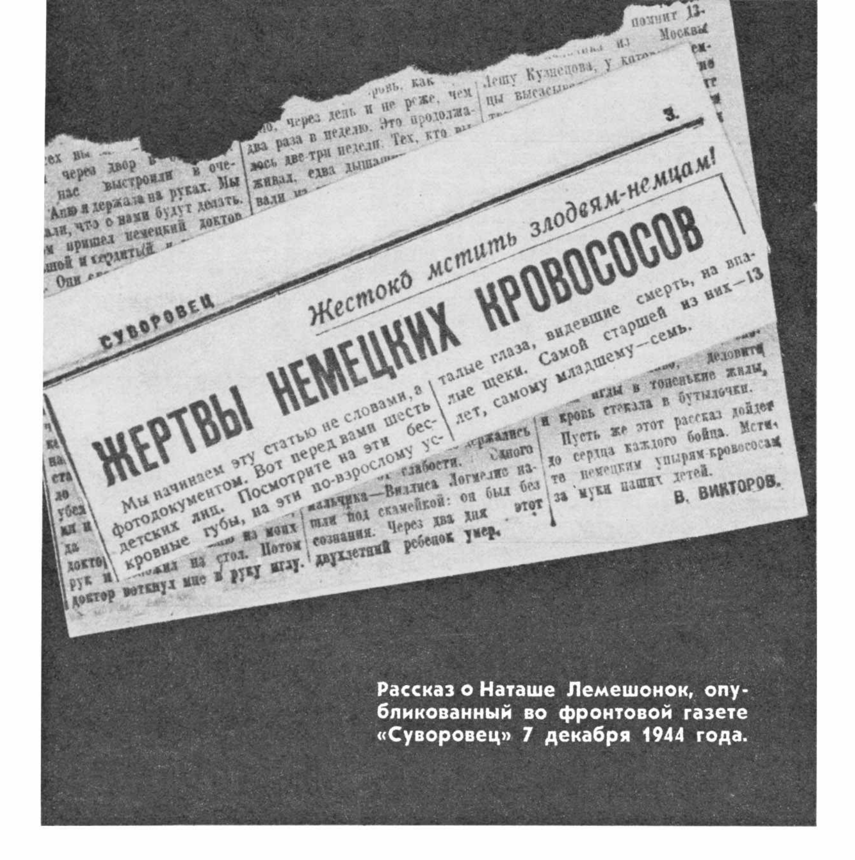
С нынешнего учебного года по инициативе Ленинградского государственного института культуры имени Н. К. Крупской начата подготовка методистов-организаторов культурно-просветительной и воспитательной работы для ПТУ и молодежных рабочих общежитий.

На первый курс дневного и заочного отделений зачислено 70 студентов из лучших представителей ленинградской рабочей молодежи, комсомольских работников и активистов, молодых коммунистов, замполитов ПТУ и воспитателей общежитий. Они направлены на учебу в институт по рекомендациям комитетов ВЛКСМ города и Главного управления профтехобразования.

Опытные профессора и преподаватели старейшего в стране института культуры за 4 года учебы помогут нынешним первокурсникам освоить трудную, но интересную профессию воспитателя рабочей смены. Уже в конце нынешней, десятой пятилетки институт выпустит новых специалистов, высококвалифицированных педагогов досуга и воспитателей молодой смены рабочего класса.

В. ШИШКОВ,
аспирант Ленинградского института культуры имени Н. К. Крупской

◀ Танки наступают... ● Артиллерийский полигон в классе.

СУВОРОВЕЦ

Жестоко мстить злодеям-немцам!

ЖЕРТВЫ НЕМЕЦКИХ КРОВОСОСОВ

Мы начинаем эту статью не словами, а фотодокументом. Вот перед вами шесть детских лиц. Посмотрите на эти бескровные губы, на эти по-взрослому ус-талые глаза, видевшие смерть, на впалые щеки. Самой старшей из них — 13 лет, самому младшему — семь.

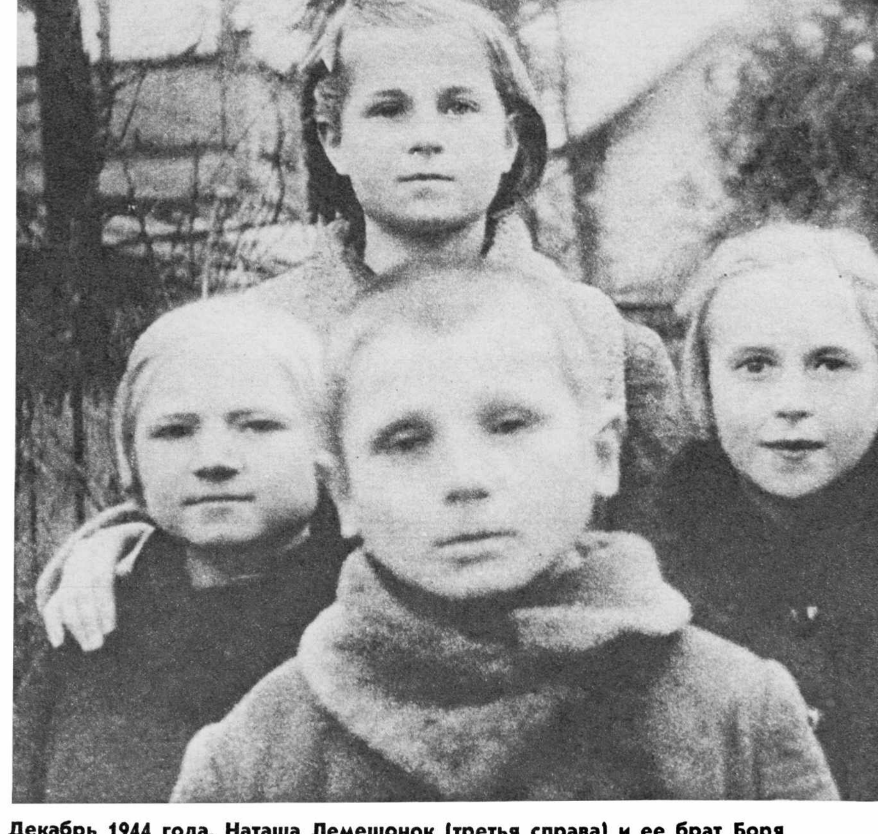
...мальчика — Видлиса Логмелис на... под скамейкой: он был без сознания. Через два дня этот двухлетний ребенок умер.

...иглы в тоненькие жилы, и кровь стекала в бутылочки.

Пусть же этот рассказ дойдет до сердца каждого бойца. Мсти-те немецким упырям-кровососам за муки наших детей.

В. ВИКТОРОВ.

Рассказ о Наташе Лемешонок, опубликованный во фронтовой газете «Суворовец» 7 декабря 1944 года.

Декабрь 1944 года. Наташа Лемешонок (третья справа) и ее брат Боря в детском приюте на Рижском взморье.

В. ВИКТОРОВ

Наташа Лемешонок! Почему это имя прозвучало для меня военным набатом? О чем оно напоминало мне? Вот на какие вопросы я пытался найти ответ, читая очерк Э. Максимовой «Старая тетрадь», опубликованный 19 августа 1976 года в «Известиях». В этом очерке рассказывалось о благородном труде работников Министерства внутренних дел Латвии, посвятивших свою жизнь соединению людей, потерявших друг друга в годы войны, и вот упоминавшаяся в этом очерке девочка из Белоруссии, искавшая и нашедшая свою мать, своих сестер и братьев, упорно рвалась из далеких закоулков моей памяти в сегодняшний день. Но какое отношение могла иметь ко мне Наташа Лемешонок? В годы войны я встречался и беседовал не с детьми, а с теми, кто их защищал,— солдатами Красной Армии. Сколько их за четыре года прошло передо мной, о скольких написано во фронтовой газете, в которой я служил! И вот в их строй стала десятилетняя девочка, и мне даже казалось, что я вижу ее обескровленное лицо, прямые бесцветные волосы, потухшие глаза, слышу ее монотонный голос, рассказывающий мне совершенно спокойно, абсолютно невозмутимо о чем-то вопиющем, непереносимом, страшном даже для тех кровавых лет.

О чем же рассказывала мне Наташа Лемешонок?.. И я, конечно, вспомнил, что осенью 1944 года после освобождения Риги встретил девочку по имени Наташа Лемешонок на заброшенном тогда Рижском взморье, в Булдури, в детском приюте, где были собраны детишки из лагеря смерти Саласпилс. Вспомнил я и о том, что ее рассказ был опубликован во фронтовой газете, и я нашел номер газеты «Суворовец» за 7 декабря 1944 года, где был напечатан этот рассказ, иллюстрированный фотографией маленьких страдальцев, среди которых была десятилетняя девочка из Белоруссии Наташа Лемешонок.

Вот он, этот рассказ:

«Немцы пригнали маму и всех нас в лагерь прошлой весной. Папа еще до этого умер в тюрьме. Нас всех посадили в большой барак: Шуру, Женю, Галю, Борю, меня и Аню, ей был только годик. Вместе с нами было много других мам с детьми. Ночью мы спали. Вошли немцы. Увели нашу маму. Мы остались одни. Было темно, страшно. Мы плакали. Я сперва не заметила, что маленькая Аня тоже осталась с нами. Потом я услышала ее плач и в темноте нашла ее.

Больше мы маму не видели. Мы, все дети, жили одни в бараке. Нас никуда не выпускали. Мы были все время голодные. Маленькая Аня все время кричала. Тогда я сказала об этом немцу. Но он ничего не сделал. Я поила ее горьким кофе, который нам приносили.

Через несколько дней солдаты нас всех вывели из барака и повели через двор в больницу. Там нас выстроили в очередь. Аню я держала на руках. Мы не знали, что с нами будут делать. Потом пришел немецкий доктор, большой и сердитый, и другой немец. Они сказали, что будут нас осматривать. Я не видела, что они делали впереди. Но какая-то девочка вдруг стала плакать и очень сильно кричать, а доктор топал ногами. Когда я подошла к нему ближе, то увидела, что он втыкает в руку девочкам и мальчикам длинную иглу и по трубочке в подставленную бутылочку набирает кровь. Тогда я тоже стала кричать и плакать. Мне было очень страшно. Но я боялась убежать. Так мы стояли в очереди, все плакали и кричали. Когда подошла моя очередь, доктор вырвал Аню из моих рук и положил на стол. Потом доктор воткнул мне в руку иглу. А когда он меня отпустил, то стал брать кровь у моей сестрички. Я снова стала кричать и плакать. А Женя, Шура и Боря тоже. Нам было жалко сестричку. Немец посмотрел на нас и что-то сказал по-своему. Мы не поняли. Солдат, который стоял рядом, засмеялся и сказал по-русски:

— Господин врач говорит, чтобы вы не плакали. Девочка все равно умрет, а так от нее хоть какая-нибудь будет польза.

Через день нас снова повели к врачу и опять брали кровь в бутылочки. И скоро Аня умерла в бараке. Нас часто вызывали к врачу. Все руки у нас были в уколах. Мы все болели. Кружилась голова. Каждый день кто-нибудь из мальчиков или девочек умирал».

Вот о чем мне рассказала более тридцати лет тому назад маленькая девочка из лагеря смерти. Теперь я узнал, что эта девочка, на чьих исколотых иглами руках умерла ее годовалая сестренка, живет в тех же местах, где я ее некогда встретил, окончила медицинский институт и работает врачом в одной из рижских поликлиник.

Кем угодно мог я представить себе маленькую «клиентку» герра доктора, но не врачом. Ведь эта профессия должна была ей каждодневно напоминать о том времени, когда у нее отбирали последнее, что еще оставалось в ее крошечном тельце. А может быть, Наташа совершенно осознанно, именно так решила противостоять неизгладимым воспоминаниям того времени, когда она на правах старшей защищала своих младших сестер и братьев. Ведь клин всегда клином вышибают!

Кто мог мне ответить на эти вопросы, кроме самой Наташи Лемешонок? И чем больше я думал о ее судьбе, тем все явственней возникал в моей памяти холодный пасмурный день на пустынном Рижском взморье и тихие, вялые, больше похожие на старичков дети, отдававшие своим тюремщикам последнее, что у них оставалось,— кровь.

Она очень ценилась, детская кровь, и применялась для лечения тяжелораненых. Может быть, тяжелораненые солдаты вермахта и поправлялись, не знаю, но я знаю, что маленькие доноры через две-три недели после регулярных встреч с герром доктором погибали. А тех немногих, что оставались живы, гитлеровцы отдавали на попечение монахиням, которые, в свою очередь, раздавали полумертвых детишек в семьи на поправку.

БЕТОННЫЙ

Н. Г. Зубкова — участковый врач.

Только с приходом Советской Армии в Ригу удалось отправить маленьких лагерников из приюта на Рижском взморье на лечение в больницы. И вот теперь из очерка, опубликованного в «Известиях», в котором цитировался рассказ Наташи Лемешонок, я понял, что, судя по всему, этот рассказ перекочевал из фронтовой газеты в материалы чрезвычайной комиссии по расследованию зверств оккупантов на территории Латвии. Материалы чрезвычайной комиссии не будут забыты никогда, они хранятся вечно, но разве не должен я продлить рассказ Наташи Лемешонок?

Надо ли описывать мое нетерпение, когда я ждал справки рижского адресного стола, а потом звонил Наташе Лемешонок — Наталье Георгиевне Зубковой домой. Я надеялся на то, что смогу сразу же встретиться с ней, но, увы, она оказалась на работе в поликлинике, и мне сказали, что прием больных закончится только к восьми часам вечера. Что же делать? Начинать разговор с ней прямо во врачебном кабинете? Но она же ведет прием, ее наверняка ждут больные. Ждать вечера? Сам заболеешь. И тогда я решил не терять времени и ехать в Саласпилс, чтобы до встречи с Натальей Георгиевной Зубковой встретиться еще раз с Наташей Лемешонок!

Уже через час вместе с экскурсионной группой я шагал по асфальтированной дорожке, проложенной в лесу, к месту, которое известно сейчас всему миру как Саласпилсский мемориал.

В восемнадцати километрах от Риги, невдалеке от шоссе на Даугавпилс, очень удобно было построить лагерь, пусть не самый большой и не самый оборудованный, даже без крематория, но который можно было быстро загружать. За 1078 дней его существования в нем было уничтожено 100 тысяч человек. По фашистским меркам не так уж много. Разве это масштабы! Наверное, засидевшиеся в этом латышском захолустье палачи мечтали о переводе в лагеря смерти высшего класса. Но как, должно быть, опасались такого перевода заключенные Саласпилса! И вот одной из них, Анне Ивановне Лемешонок, даже не дали попрощаться с шестью ее детьми и однажды ночью увезли вместе со старшей дочерью Ниной в Майданек.

В годы войны Саласпилс был лагерным захолустьем, а теперь силой таланта, боли, гнева архитекторов и скульпторов Советской Латвии это место стало широко известно в ряду других подобных мест, превратившись в памятник человеческого мужества и страдания. Еще издалека меня поразил повисший в воздухе огромный стометровый монолит из бетона, похожий на приподнятый шлагбаум. На его шероховатой поверхности были прочерчены 1078 черточек — такими черточками заключенные обычно отмечают на стенах тюремных камер число прожитых в заточении дней. На бетонном шлагбауме были выбиты не только черточки, но и слова: «За этими воротами стонет земля»,— но земля Саласпилса была еще закрыта от нас, и только когда мы приблизились к шлагбауму почти вплотную, то увидели за ним огромное пространство бывшего плаца, обрамленное соснами.

Эти деревья, сейчас уже тридцатипятилетние, были посажены заключенными, которые строили этот лагерь. Только сосны и сохранились от того, что было здесь когда-то, потому что 12 октября 1944 года при подходе к лагерю частей Второго Прибалтийского фронта охрана Саласпилса подожгла бараки и все другие лагерные сооружения, включая и тот больничный барак, где когда-то стояла в очереди к господину доктору Наташа Лемешонок с годовалой сестричкой на руках.

И все же и бараки для заключенных и больничный блок не удалось гитлеровцам стереть с лица земли. Их контуры очерчены теперь кустами шиповника. И детский блок найти совсем не трудно: перед ним врыт в землю камень, на котором я увидел несколько шоколадок и конфет. А рядом с этим камнем, куда по установившейся традиции посетители кладут не цветы, а конфетки для тех семи тысяч маленьких мучеников, которые погибли в Саласпилсе, высится огромная фигура матери, прижимающей к себе двух детей, третий ребенок прячется за ее спиной... Нет, не удалось спрятаться за спиной матери Наташе Лемешонок. Ей самой пришлось прикрывать своим маленьким телом сестер и братишек, оставшихся на ее попечении. И она прикрывала их своим телом, стоя в очереди к лагерному кровососу, прикрывала и в тот осенний день 1943 года, когда саласпилсские каты грузили в машину полумертвых ребятишек, укладывая их слой на слой, чтобы перевезти в монастырь к монахиням. (Монахиням передавались только те дети, которые уже не могли стоять, потому что те, что могли, привозились в Ригу на старинную площадь перед Домским собором и там продавались желающим.)

...А на следующее утро я встретился с Натальей Георгиевной Зубковой у нее дома, в небольшой, тихой квартире в центре Риги.

Передо мной была спокойная или, точнее, невозмутимая сорокадвухлетняя женщина, которая с явной неохотой вспоминала о своем страшном детстве и вместе с тем была похожа на ту десятилетнюю девочку с групповой фотографии, каким-то чудом сохранившейся у меня. Те же спокойные глаза, та же мимолетная полуулыбка. Наталья Георгиевна, конечно, не помнила о нашей встрече в детском приюте 32 года тому назад и не стала при мне читать статью из фронтовой газеты, которую я ей привез. Мне кажется, она была даже немного раздосадована тем, что прошлое так внезапно врывается в ее нынешнюю жизнь.

— Знаете, я долго сыну ничего не рассказывала о своем детстве,— сказала она мне,— и только когда Ростику было десять лет и он удивился тому, что у меня сразу две мамы, я ему все объяснила.

Я и сама долго не знала, что жива моя первая мать. Я и сама не чувствовала себя живой, даже когда попала в детский приют. В то время я была уже опасно больна, у меня начинался туберкулезный процесс, и в ту же осень, когда мы с вами встретились на Рижском взморье, меня увезли в больницу, в Ригу. Кстати, именно в этой рижской больнице я теперь и работаю. А из больницы я попала в семью Игоря Яновича и Евгении Степановны Аболиньш.

Никогда не забуду, как однажды, когда я стала немного поправляться, инспектор детских домов Егорова привела ко мне в палату двух чем-то смущенных пожилых людей и сказала: «Вот они хотят иметь дочку, которую зовут Наташа. Хочешь быть их дочкой?» А незнакомые люди смотрели на меня, старались улыбаться и ждали моего ответа. Но я молчала и смотрела на них. И тогда женщина сама меня спросила: «Хочешь жить с нами?» И я, сама не знаю почему, ответила: «Хочу». И тогда мужчина сказал: «Ну вот и хорошо, Наташа. Но не будем торопиться. Придешь к нам, посмотришь. Если понравится, останешься». Я только потом узнала, как они были подавлены моим видом. Саласпилс и ТБЦ не красят и взрослого человека, а мне ведь было всего десять лет. Но это их не остановило, и в апреле сорок пятого года я приехала сюда, в

ШЛАГБАУМ

ЖЕМЧУЖИНЫ МЫСЛИ

Михаил
АЛЕКСЕЕВ

Едва научившись ценить прекрасное, человек стал пристально вглядываться в породившую его Землю, отыскивая в недрах ее, в темных ущельях гор и в загадочных морских глубинах разные сокровища: изумруды, жемчуга, сапфиры, алмазы и прочее из того же ласкающего и тревожащего наш взор и наше воображение ряда. Так было сотни, тысячи лет назад, так продолжается и теперь, и поиски эти не прекратятся до тех пор, пока будет существовать наша голубая планета и пока будет на ней самое совершенное ее создание, самое драгоценное ее сокровище — сам человек. С его появлением на земле появились и жемчужины, которым нет цены. Это жемчужины мысли, человеческого разума, без которого, между прочим, и помянутые выше драгоценности, указывающие на сказочные богатства земли, не имели бы, попросту говоря, никакого смысла, а стало быть, и цены.

На ослепительные блестки и вспышки разума на протяжении своей жизни мы наталкиваемся множество раз, но почему-то не спешим, не торопимся сейчас же как-то овладеть ими, поймать эту жарптицу и показать ее другим людям, чтобы и они подивились и обогатились от соприкосновения с нею. Нет же, чаще всего, к сожалению, бывает так: подивимся, ахнем раз-другой от поразившей нас неожиданной и глубокой мысли, и идем дальше своею будничной дорогой, забыв при этом, что нам очень повезло, что в руки нам без особых усилий с нашей стороны давалось ни с чем не сравнимое богатство.

Бывало, что при такой встрече кто-то из нас и задумается: вот бы все-таки собрать под единой крышей, под одной, значит, обложкой, эти продукты человеческого мозга, эти непреходящие ценности, рожденные разумом незаурядных людей из нашего всечеловеческого общежития, нередко гениев, на которые даже наша богатая природа не столь уж щедра; вот бы собрать их самые яркие высказывания (скажем уж так, попроще) да систематизировать, разнести по темам — какой славный учебник жизни мог бы получиться, какая бы музыка дивная могла зазвучать при этом!..

Может быть, книга Вл. Воронцова, которая заставила меня сейчас задуматься обо всем этом, и не первая попытка такого рода. Не знаю, но знаю наверное — и совершенно уверен в этом,— что «Симфонии разума», выпущенной им после многолетней и, надо полагать, нелегкой работы, после долгих лет терпеливых, нередко, конечно же, мучительных поисков, изысканий даже, что книге этой уготована долгая и славная жизнь. Не надо быть провидцем, чтобы сказать: завтра она уже, эта книга, окажется библиографической редкостью.

Вл. ВОРОНЦОВ. Симфония разума. М., «Молодая гвардия», 1976, 624 стр.

У книги есть совершенно определенная и притом высокая цель: прочитавший ее станет — не может не стать — и духовно богаче, чище и пусть на чуточку, но непременно мудрее. Взгляните на ее оглавление — здесь все продумано. Самое важное, как тому и быть надлежит, мы видим в начале тома: «О родине, патриотизме и интернационализме», «Быть человеком», «О смысле жизни, стремлении к счастью, радостях и надежде», «О труде»; затем: «О достоинствах человека», «О дружбе», «О любви»...

Заглянем, однако, в саму книгу и выпишем оттуда хотя бы несколько строчек, принадлежащих блестящим умам.

«Русским рабочим выпала на долю честь и счастье первым начать революцию, то есть великую, единственно законную и справедливую, войну угнетенных против угнетателей» (В. И. Ленин).

«Новый человек и новая эпоха берут здесь свое начало. Возникает нравственный мир, не знающий ни прецедентов, ни сравнений» (Т. Манн о Советской России).

«Кто полностью не разделил с народом его горя, непременно будет чувствовать себя отверженным и на празднике его радости» (Л. М. Леонов).

«Самые большие подвиги добродетели были совершены из любви к отечеству» (Ж.-Ж. Руссо).

«Есть преступление, которое не искупается,— это измена родине» (П. Буаст).

Или вот — об интернационализме:

«Народ, порабощающий другой народ, кует свои собственные цепи» (К. Маркс).

«Социалисты не могут достигнуть своей великой цели, не борясь против всякого угнетения наций» (В. И. Ленин).

«Любовь к социалистической родине — ступень к интернационализму» (А. Н. Толстой).

Эти драгоценности, эти жемчужины могучей человеческой мысли взяты лишь из одной главы, а сколько же их содержится во множестве других глав! И какая радость накатывается на тебя от соприкосновения с этими светлыми и глубокими умами! И какое истинное и столь же глубокое чувство благодарности испытываешь к автору, подарившему читателю эту удивительную книгу, которая так нужна моему современнику, испытывающему ныне необоримую и неутоленную далеко еще до конца жажду к духовной, все более интенсивной деятельности.

Вот уж воистину под обложкой этой отлично исполненной издательством «Молодая гвардия» книги найдет читатель изобильную пищу и для своего ума и для своего сердца.

Лариса
КЕРЦЕЛЛИ

■

«...Из Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел и сделал таким образом 200 верст лишних; зато увидел Ермолова». Так начинается знаменитое пушкинское «Путешествие в Арзрум» о поездке поэта весной 1829 года на Кавказ, на театр военных действий русской армии. «...Ермолов принял меня с обыкновенной своей любезностию,— продолжает Пушкин.— С первого взгляда я не нашел в нем ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные, серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на Геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что не естественна. Когда же он задумывается и хмурится, то он становится прекрасен и разительно напоминает поэтический портрет, писанный Довом...»

До сих пор эти широко известные строки были единственным пушкинским портретом Ермолова. Пушкин-литератор, Пушкин — историк и общественный деятель оставил нам следы своего серьезного интереса к исключительно яркой и сложной фигуре Ермолова — прославленного участника войн с Наполеоном, героя Бородина, крупнейшего военного деятеля и одного из самых популярных в русской армии военачальников, которого декабристы в случае успеха восстания прочили в члены временного правительства. Пушкин-художник, познакомивший нас своими рисунками со многими из современников, обошел, как казалось, вниманием Ермолова. Среди множества узнанных, определенных портретов-рисунков, оставленных Пушкиным, Ермолова не было. И это казалось особенно странным, потому что интерес поэта к необыкновенному ермоловскому таланту полководца и государственного деятеля, к его исключительной одаренности, громкой славе и приверженности ему всех, когда-либо с ним или под его началом служивших, его яркой индивидуальности человека огромного личного мужества, редкой честности, разительного остроумия и широкой образованности был устойчивым на

эту квартиру, где мы сейчас сидим и где прошли многие годы моей жизни. Счастливой жизни... Нет, я не сразу стала считать Игоря Яновича и Евгению Степановну своими родителями. Евгению Степановну, правда, стала называть мамой довольно скоро, а вот Игоря Яновича все сторонилась и называла дядей. А он стал мне действительно отцом. И теперь, когда его нет, остался самым мне близким человеком. В его доме я нашла и тепло, и ласку, и понимание.

Игорь Янович, старый коммунист, работал в Министерстве культуры, потом был директором музея истории Риги (этот музей находится рядом с Домским собором, так что я не раз бывала на той старой площади, куда свозили из Саласпилса детишек для продажи). Моя вторая мама заведовала библиотекой, и я с первых же лет жизни с ними не испытывала недостатка в хороших книжках. Особенно исторических, ведь Игорь Янович был историком. Но сколько я себя помню, мне всегда хотелось быть врачом и только врачом. Почему? Трудно сказать. Может быть, потому, что я слишком много видела человеческих страданий и хотела их утолять. Не знаю. Но я хотела быть врачом. А вот сын мой увлекается историей, да и муж историк по образованию, работает инспектором в Министерстве народного образования.

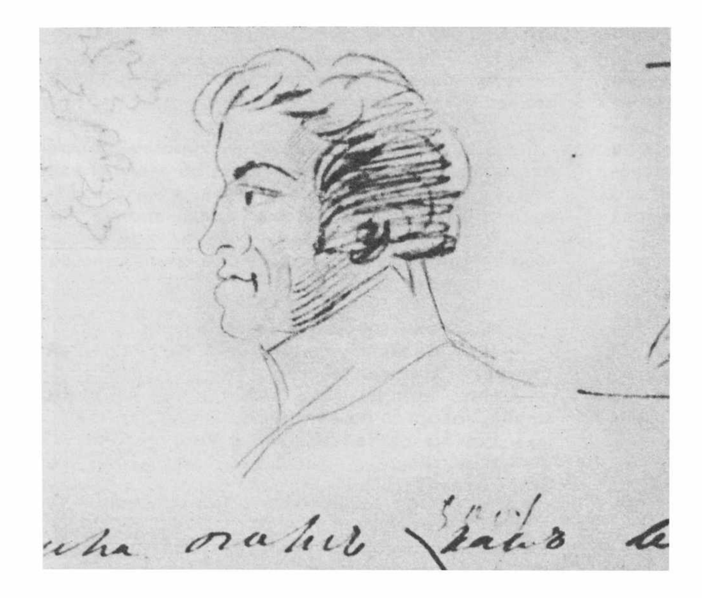
Мой приемный отец еще успел понянчить внука, а вторая мама к тому времени, когда я вышла замуж, уже часто болела. Когда моя первая мать в сорок шестом году с помощью работников Министерства внутренних дел Латвии разыскала меня, и брата Шуру, и сестру Женю (они жили на хуторах — может быть, потому, что были проданы на Домской площади), и брата Борю в детском доме, я уже видела в Игоре Яновиче и Евгении Степановне своих родителей, хотя приезд моей первой матери был для меня огромным счастьем. Как я обнимала ее, как я радовалась, что мы остались живы. Действительно, подумайте только — мы живы! И Боря оказался жив, он шахтер и живет в Караганде, и Галя, которая нашлась последней, работает юристом на Минском тракторном заводе. Но все это стало известно не сразу, а тогда передо мной была моя мать, и она спрашивала, поеду ли я с ней вместе домой, в Освею, дотла сожженную Освею. Фашистские каратели превратили в пепел весь наш район, который считали партизанским, а женщин и детей угнали в лагеря.

Но тогда, в сорок шестом году, моя мать жила еще в землянке, в Освее не было школы, и это определило мою судьбу. Разве могла моя мать решиться на то, чтобы везти меня с моим недавно залеченным туберкулезом в сырую землянку? И как же обрадовались мои приемные родители, когда было решено, что я останусь жить с ними в Риге! Нет, они не убеждали нас, что это будет самым правильным решением. Но я видела, как они хотят, чтобы я осталась вместе с ними, как тяжело им будет снова остаться без дочери. И я им ничего не говорила, мне ведь было только двенадцать лет, и я еще только поправлялась после ужасов Саласпилса и долгих месяцев болезни. Но когда было решено, что я буду жить в Риге, то мы условились, что фамилии я не изменю, так и останусь Лемешонок.

А вскоре моей первой матери стало известно, что отец, которого мы считали погибшим, офицером сражался на фронте и, раненый, зимой сорок пятого года узнал в госпитале о нашей судьбе. И ведь узнал он о том, что мы живы, из журнала «Огонек». Вот как бывает! Об этом маме сообщил товарищ отца. Он лежал с отцом в госпитале, он и рассказал, что после выздоровления, так и не получив ответа на свое письмо, отправленное в Латвию, отец погиб в боях с японцами в Маньчжурии.

(Да, в «Огоньке» действительно была напечатана статья известной латышской писательницы Анны Саксе о Саласпилсском лагере, и в этой статье упоминалась семья Лемешонок. Я разыскал этот номер «Огонька», вышедший 30 марта 1945 года, и нашел в нем статью, которая называлась «Дети обвиняют». — **В. В.**)

Ни на один месяц не прерывалась моя связь с матерью, которая не желала оставлять родную Белоруссию, хотя мои приемные родители предлагали ей переехать в Ригу. И Ростика я свезла к Белоруссию, к его бабушке. Тогда-то

А. П. ЕРМОЛОВ РУКОЮ ПУШКИНА

протяжении всей почти жизни поэта. Вот почему отсутствие в пушкинской графике портрета Ермолова казалось нам временным. Вот почему оставалась надежда когда-нибудь все же найти среди рисунков поэта изображение прославленного генерала, к которому Пушкин специально, знакомства лишь ради поехал в Орел, предприняв поездку, весьма предосудительную в глазах правительства, потому что Ермолов, небезосновательно подозревавшийся царем в связях с декабристским движением, находился в опале. Не случайно, публикуя в 1830 году этот отрывок из «Путешествия в Арзрум» в «Литературной газете», Пушкин снял упоминание о Ермолове и своей поездке к нему.

Ну, а теперь портрет этот найден. Найден там, где в общем-то и следовало искать его,— в рабочей тетради поэта, которой он пользовался совсем незадолго до поездки к Ермолову и к которой впоследствии возвращался в 1829, возможно 1830, и 1833 годах.

Расположен рисунок в верху 23-го листа пушкинской тетради в красном бумажном переплете с черновиками «Полтавы», над двумя стихотворными строками о дочери Кочубея. Ниже этих строк — черновик письма к Бенкендорфу (по-видимому, впоследствии так и не отправленного), написанного по поводу объявленного Пушкину запрещения печататься помимо обычной цензуры и взятия с него соответствующей полицейской подписки.

И строки о дочери Кочубея и письмо к шефу жандармов написаны чернилами; рисунок же сделан карандашом, что может свидетельствовать о разном времени нанесения их на бумагу.

Рисунок представляет собою профильный портрет Ермолова, который так же, как, по свидетельству Пушкина, и оригинал, «разительно напоминает поэтический портрет, писанный Довом». Только «писанный Довом» (английским художником Джорджем Доу, приглашенным в Петербург писать портреты русских генералов — участников героических сражений 1812—1814 годов для Военной галереи Зимнего дворца) портрет Ермолова изображает знаменитого военачальника, командира Отдельного кавказского корпуса, «главноуправляющего» Грузией в романтической позе героя-полководца на фоне снеговых гор, с грозно нахмуренными бровями, а карандашный рисунок Пушкина передает те же волевые, характерные черты воина с напряженным, сосредоточенным выражением умных «огненных» глаз в состоянии более покойном и непарадном.

Замечательный этот пушкинский рисунок в самом деле разительно схож с широко известным «портретом Дова». Мы видим ту же крупную, с беспорядочной, обильной шевелюрой голову, ту же мощную шею, скрытую под высоким воротником мундира, те же скульптурно четкие черты очень значительного, сразу запоминающегося лица: высокий лоб, заметно сгущающиеся к переносице брови, нос с крупно вырезанными ноздрями, твердый, энергический подбородок, характерная складка у плотно сомкнутого, не привыкшего к улыбке рта, придающая суровую мужественность всему облику немолодого уже генерала.

Небезынтересно вспомнить здесь описание внешности Ермолова, оставленное его двоюродным братом, знаменитым поэтом-партизаном Денисом Васильевичем Давыдовым. «Будучи одарен необыкновенною физическою силой и крепким здоровьем, при замечательном росте,— пишет Давыдов,— Ермолов имеет голову, которая, будучи украшена седыми, в беспорядке лежащими волосами и вооружена небольшими, но проницательными и быстрыми глазами, невольно напоминает голову льва».

Сейчас, когда мы имеем возможность сравнить «новый» пушкинский рисунок с профессиональными портретами Ермолова, кажется невозможным не узнать в этом рисунке знаменитого полководца по одному только волевому, всепроницающему, неповторимому взгляду его, так блестяще и непостижимо просто переданному рисовальщиком Пушкиным.

Конечно, одной атрибуцией работа над этим портретом Ермолова ограничена быть не может. Лишь специальное исследование позволит в будущем ответить на некоторые вопросы, связанные с появлением этого рисунка. Но и самый факт обретения еще одного замечательного по художнической точности, достоверности, благородной безыскусственности портрета руки Пушкина преисполняет нас благодарностью к его многогранному гению, дарящему нам и полтора почти века спустя после жизни своей еще что-то новое, что-то нужное нам, то, чего без него мы уже никогда б не узнали.

он и спросил, почему у меня две мамы.

Да, у меня были две мамы и отец, такой добрый, хороший отец! Как хотел он сделать мою жизнь счастливой! «У меня одна только цель,— часто говорил Игорь Янович,— поставить тебя на ноги». Моя вторая мама тоже считала, что мне надо как можно скорее стать на ноги и поэтому идти учиться в техникум: она, видимо, чувствовала, что недолго проживет. Но отец говорил: «Пусть Наташа сама выбирает, что хочет». А я давно уже выбрала свой путь. И вот в пятьдесят четвертом году, когда окончила школу, поступила в Рижский медицинский институт, и даже моя закадычная подруга, с которой я сидела за одной партой с четвертого класса, Таня Вейсберг, не могла меня уговорить идти учиться в другой институт.

Таня не могла понять, почему я хочу быть врачом. А вы понимаете? Вспоминался ли мне другой врач? Из Саласпилса? О Саласпилсе я старалась не вспоминать. Конечно, когда я училась в институте, мне приходилось учиться брать кровь. И мне приходилось лечить плачущих детей. Да мало ли что приходилось делать? Вот я и в больнице работаю в той самой, в которой когда-то лежала после лагеря. И ни минуты не жалею, что избрала для себя такую трудную, я сказала бы, даже суровую профессию. На моих руках умерла моя вторая мать. В той же больнице, где меня лечили и где сейчас я лечу других. Я врач и видела, как быстро после ее смерти старел мой отец. Когда люди живут вместе почти полвека, они редко друг друга надолго переживают.

Игорь Янович ушел на пенсию, когда я была еще на пятом курсе. Жили мы нелегко, и моя стипендия была, как говорится, в строку. Ну, а потом пришел конец учебе, я начала работать ординатором на Рижском взморье, на курорте в Кемери, и на том самом Рижском взморье, куда меня привезли полуживой из Саласпилса, встретила своего будущего мужа — Евгения Никитовича Зубкова... В шестьдесят третьем году у нас родился сын Ростик.

Нынешним летом все мы собрались в Минске у Гали. Вот ведь как получается, наша семья не только выжила, а все нашли свое место в жизни, прочно стоим на ногах. И самое удивительное в том, что в этом нет ничего удивительного. Такова уж наша страна. И разве это благородное свойство советских людей — поддерживать друг друга — не помогло нам в годы войны?

Подумать только, уже пятнадцать лет я работаю врачом. Вы же знаете, что такое участковый врач. С утра до вечера на людях. И все это время на том же самом участке. Под моей опекой две тысячи двести двадцать пять человек. И почти всех я знаю. Они называют меня своим доктором. В каждой семье я свой человек. Сколько уже детишек под моим надзором выросло за пятнадцать лет! Но к одному только, наверное, никогда не смогу привыкнуть: к детскому горю, к детскому страданию. Я стараюсь не вспоминать того, что было. Но забыть это невозможно. Я и в Саласпилс решилась навестить только два года тому назад. Столько слышала о нашем мемориале, а вот поехать туда не могла себя заставить... Нет, с памятью справиться не так-то просто...

* * *

Вот последние слова в рассказе Натальи Георгиевны Зубковой: «С памятью справиться не так-то просто». Да, не так-то просто опустить бетонный шлагбаум, оставить за ним страшные годы. Я ведь тоже, оказывается, за тридцать лет не забыл Наташи Лемешонок, ее рассказ, и мне до сих пор трудно представить себе, что девочка из Саласпилса теперь врач, да еще какой! Завоевала звание лучшего участкового врача города Риги. Трудно поверить, что Наташа Лемешонок и Наталья Георгиевна Зубкова — одно лицо...

В вечер отъезда из Риги у Натальи Георгиевны снова был прием, и я зашел в поликлинику с ней попрощаться. У дверей ее кабинета сидело человек пятнадцать, и я подумал, глядя в спокойные лица людей, что никто из них, наверное, не знает, в какой очереди к врачу с годовалой сестренкой на руках стоял когда-то их уважаемый, любимый доктор. Ведь она об этом никому не рассказывает.

Олег ШМЕЛЕВ,
Владимир ВОСТОКОВ

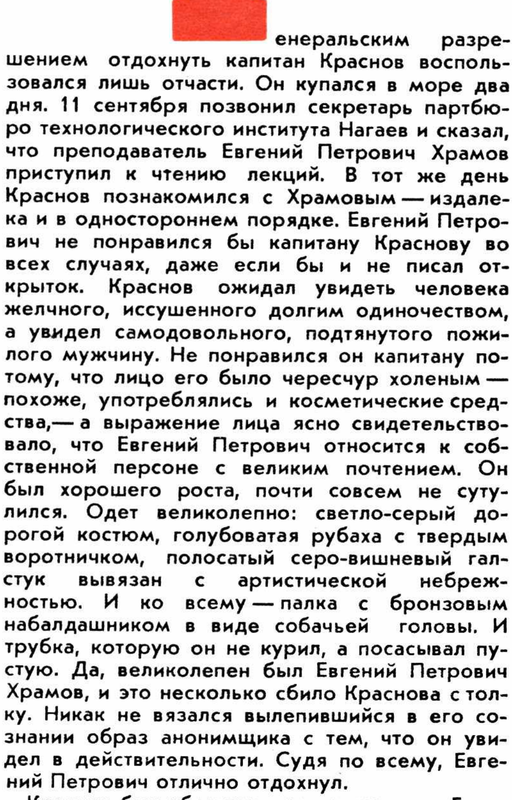
ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ.

Глава VI

НОВОИСПЕЧЕННЫЕ ДРУЗЬЯ И ДЕТСКИЕ ИГРУШКИ

енеральским разрешением отдохнуть капитан Краснов воспользовался лишь отчасти. Он купался в море два дня. 11 сентября позвонил секретарь партбюро технологического института Нагаев и сказал, что преподаватель Евгений Петрович Храмов приступил к чтению лекций. В тот же день Краснов познакомился с Храмовым — издалека и в одностороннем порядке. Евгений Петрович не понравился бы капитану Краснову во всех случаях, даже если бы и не писал открыток. Краснов ожидал увидеть человека желчного, иссушенного долгим одиночеством, а увидел самодовольного, подтянутого пожилого мужчину. Не понравился он капитану потому, что лицо его было чересчур холеным — похоже, употреблялись и косметические средства,— а выражение лица ясно свидетельствовало, что Евгений Петрович относится к собственной персоне с великим почтением. Он был хорошего роста, почти совсем не сутулился. Одет великолепно: светло-серый дорогой костюм, голубоватая рубаха с твердым воротничком, полосатый серо-вишневый галстук вывязан с артистической небрежностью. И ко всему — палка с бронзовым набалдашником в виде собачьей головы. И трубка, которую он не курил, а посасывал пустую. Да, великолепен был Евгений Петрович Храмов, и это несколько сбило Краснова с толку. Никак не вязался вылепившийся в его сознании образ анонимщика с тем, что он увидел в действительности. Судя по всему, Евгений Петрович отлично отдохнул.

Краснов был убежден, что открытки и «Группа содействия» — порождение личной инициативы Евгения Петровича Храмова, что никакой организацией здесь и не пахнет. Этого убеждения не поколебал и сложный для Краснова день 14 сентября. В двенадцать часов ему стало известно, что Храмов сидит в кафе «Астра» с приезжими людьми. Шел теплый дождь. Краснов набросил, не надевая в рукава, плащ и зашагал в «Астру». С Храмовым были красивая молодая женщина и солидный стареющий мужчина в очках, с кустистыми бровями, увешанный кино- и фотоаппаратами. Все трое ели мороженое. Разговаривали мужчины. Женщина молчала. Краснов посидел минут пятнадцать и ушел. Дождь не переставал.

Он пробыл у себя в управлении до шести вечера. В шесть ему стало известно, что Евгений Петрович сидел в кафе с иностранным туристом по фамилии Дей и его гидом Галиной Храмовой, остановившимися в гостинице «Черное море».

Услыхав фамилию гида, Краснов не удивился и не встревожился, напротив, это его успокоило. Если бы иностранец, встретившийся с Храмовым, был один или с гидом под другой фамилией,— это могло бы заставить Краснова глубоко задуматься. Больше того: он наверняка поставил бы над своей версией — что Храмов действует в одиночку — огромный знак вопроса. Но ему к тому времени уже удалось выяснить, что у Евгения Петровича существует единственная племянница, носящая ту же фамилию и работающая гидом-переводчиком в «Интуристе». Так что его версия пока оставалась непоколебленной. Он даже не считал это совпадением, игрой случая: ведь гид Храмова могла и может в любой момент приехать с иностранцем в их город. А то, что она пожелала, приехав, встретиться со своим дядей,— не менее естественно.

Знак вопроса наметился — пока лишь пунктирно — на следующий день, 15 сентября 1974 года. Иностранный турист, которого все в гостинице «Черное море» успели узнать и звали мистером Деем, посетил Евгения Петровича Храмова на дому. Он был без гида Храмовой. Пришел с небольшим плоским чемоданчиком и вышел с ним. Свидание продолжалось два часа. Краснов слегка обеспокоился.

Мистер Дей выдает себя за социолога. Храмов преподает технологию производства твердых сплавов. С точки зрения профессиональной мало общего. Но их объединяет возраст. Чисто формальная деталь: Евгений Петрович гостя не встречал на улице, не провожал...

С этого момента Краснов начал сомневаться в своей первоначальной версии. А впереди его ждал другой, настоящий удар, но он пока этого не подозревал. Его вины тут не было ни капли. Так сложились обстоятельства. Если б он мог слышать разговор Евгения Петровича с мистером Деем... Но Краснов не присутствовал при беседе двух пожилых людей. Он узнал о ее содержании позже.

Посещение мистером Деем холостяцкой квартиры Храмова и разговор с ним были для хозяина пиром души — иначе не назовешь. Евгений Петрович готовился к приему гостя с великим тщанием: протер мебель, пропылесосил ковер и полы, запасся коньяком и шампанским и даже нажарил миндаля.

Наконец гость явился. Сначала, как водится между недавними пожилыми знакомыми, был разговор о погоде, о здоровье, о диете, о прекрасном виде из окон квартиры хозяина и о прочих тому подобных вещах.

Когда они сели друг перед другом за стол — мистер Дей спиной к окну,— гость сказал:

— Позвольте мне, дорогой Евгений Петрович, поблагодарить вас за приглашение.

— Ну, что вы, что вы! — запротестовал хозяин.— Скорее я вас должен благодарить.

Эта учтивость и взаимная симпатия не были наигранными, во всяком случае, со стороны Храмова. Ему нисколько не нужно было притворяться — впервые за долгие-долгие годы,— и потому он чувствовал истинный подъем и испытывал желание распахнуться.

— Но у меня к вам огромная просьба,— сказал Храмов, предупреждая собиравшегося возразить мистера Дея,— давайте говорить по-английски. Очень меня обяжете.

— С удовольствием. Между прочим, ваша племянница тоже просила меня об этом. Я вас понимаю. Когда я ехал в Москву, я мечтал поговорить по-русски. За три недели вполне наговорился, можно сказать, получил компенсацию за тридцать пять лет. А вам сколько надо компенсировать?

— Двадцать семь лет.

Дальше они говорили по-английски.

— Что, вы жили где-нибудь в англоязычной стране? — спросил мистер Дей.

— Нет, просто был человек, с которым можно говорить по-английски.

— Где же он теперь? Что с ним стало?

— Вам знакомо выражение «в местах не столь отдаленных»?

— Конечно.

— Ну, вот, тут был как раз такой случай.

В тоне Евгения Петровича слышалось так много печали, что мистер Дей вздохнул.

— Дорогой Евгений Петрович, хочу вам сделать маленькое признание, да боюсь, не обижу ли.

— Помилуйте, чем вы можете меня обидеть!

— Ну, хорошо, я скажу. Вы ведь знаете, я социолог. Когда вы пригласили меня в гости, я обрадовался: вот еще один объект для кратковременного изучения. И шел к вам именно со своими социологическими целями. Но сейчас мне стыдно признаться в этом.

— Я не похож на подопытного кролика, не правда ли? — Храмов усмехнулся.

— Но то, что я сказал, не задевает вашего самолюбия?

— Нисколько.

— Тогда все в порядке, и камень свалился с моей души.

— Вам этого? — Храмов взял в руку бутылку с коньяком.

— Нет, лучше уж шампанского.

Храмов откупорил не успевшую еще согреться вынутую из холодильника туманно запотевшую бутылку, налил в два узких высоких бокальчика. Пока он все это проделывал, мистер Дей оглядывал комнату, потом сказал:

— Простите за бестактность, других комнат в вашей квартире нет?

— Нет. Но я одинок, мне больше не требуется. Меньше уборки.

Мистер Дей в удивлении поднял брови.

— Не хотите ли вы сказать, что собственноручно убираете квартиру?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 2—7.

— Представьте себе!

— Неужели у вас нет возможности нанять прислугу?

— Если вы имеете в виду деньги, то возможность есть. Нет прислуги. Не найдешь.

— Черт знает что! Я понимаю, когда рабочий обслуживает сам себя, но преподаватель института...

— Это еще не самое печальное, дорогой мистер Дей. Давайте, наконец, пригубим.

Они отпили по глотку, и мистер Дей задумчиво произнес:

— Ваша очаровательная племянница кое-что рассказывала мне о вас, но вот эта деталь — ученый сам убирает свою квартиру — бросает на все особый оттенок.

— У нас этому не придают значения. Я ведь сказал: это далеко не самое печальное в моей жизни. Есть вещи пострашнее. А жить без прислуги — что ж, ко всему привыкаешь.

— Не имею права ожидать исповеди, но слова ваши полны скрытой тоски... и протеста...

— Одиночество, дорогой мистер Дей, одиночество,— поглаживая свой бокал, меланхолически объяснил Евгений Петрович.— Прислугу мне заменяет пылесос, а вот что делать с одиночеством?

Мистер Дей как бы воспрянул от охватившего их чувства подавленности.

— Но послушайте, мой друг, мы с вами уже не молоды, но и не так еще стары, чтобы не рассчитывать больше на внимание женщин.— Он говорил быстро и возбужденно.— Я нахожу у нас с вами много общего. Я тоже холостяк, но поверьте мне...

Евгений Петрович снова усмехнулся и перебил его:

— Я не это одиночество имею в виду. Есть одиночество иного рода. А что касается рассказов моей племянницы, то она обо мне ничего не знает.

Несколько секунд длилось молчание. Мистер Дей как бы старался постичь глубинный смысл сказанного.

— Понимаю,— наконец откликнулся он.— Есть что-то такое важное для вас, в чем вы не имеете единомышленников. Или я ошибаюсь?

Евгений Петрович ответил на вопрос не прямо:

— Человеческий мозг не радиопередатчик и не приемник. Об этом можно и сожалеть, но скорее это к счастью.

— Да, есть мысли, которые нежелательно было бы делать слышимыми.

— Я вас немного поправлю, мистер Дей. Желательно, но при одном условии — чтобы их источник не стал известен нежелательным людям.

Разговор велся обиняками, но даже самые прямолинейные, недвусмысленные слова не сделали бы его более откровенным: с этого момента они поняли друг друга совершенно и повели речь открыто.

— Вам многое не нравится из того, что вас окружает? — спросил мистер Дей.

— Не нравится — в данном случае невинный эвфемизм.

Возможно, мистеру Дею не было известно, что эвфемизм — это мягкая, благозвучная замена более грубого, сильного выражения. Но он понял, что хотел сказать Храмов.

— Чужой в своей стране — это, конечно, тяжело.

— Не считайте меня страдальцем, мистер Дей. Я по ночам не обливаю подушку слезами.

— В нашем возрасте не стыдно проявлять смирение.

— Вы себе противоречите,— с неожиданной запальчивостью возразил Евгений Петрович.— Вы пятью минутами раньше утверждали, что мы еще имеем право на внимание женщин.

— Я говорю о смирении духа.

Евгений Петрович взял свою пустую, холодную трубку, пососал ее, пристально глядя в глаза мистеру Дею. Казалось, он собирался в чем-то уличить своего гостя.

— Можно один вопрос, мистер Дей?

— Ради бога.

— Только вполне откровенно.

— У меня такое ощущение, что мы друг перед другом не притворяемся.

— Я-то безусловно.

— Не обижайте меня. Лучше давайте ваш вопрос.

Евгений Петрович отвел взгляд в сторону, как бы не желая смущать собеседника, и спросил:

— Когда вы сюда ехали, у вас уже был мой адрес?

Снова взглянув на мистера Дея, он увидел, что тот искренне удивлен.

— Уверяю вас, не было у меня адреса! — воскликнул мистер Дей.

— А я почему-то думал, что все это не случайно.— В голосе Храмова звучало легкое разочарование.

— Но почему же?

Евгений Петрович помолчал, отхлебнул из давно переставшего пузыриться бокала.

— Понимаете, я, вероятно, преувеличивал кое-что, но мне казалось... В общем, история простая... Несколько лет назад в Москве, в Сокольниках, проходила международная выставка, и я ее посещал, был в отпуске. У меня завязалось знакомство в одном павильоне... Не знаю точно, кем был этот человек, но он прекрасно разбирался в технологии производства твердых сплавов — это моя специальность... Вообще интересная личность. Короче, мы быстро сошлись. Я бывал у него в гостинице, говорили часами. Я, безусловно, давно уже не мальчик, но, знаете, общение с этим человеком на многое открыло мне глаза... При расставании он записал мой адрес и, знаете, были такие разговоры, что, мол, гора с горой не сходится, а человек с человеком... Он намекнул, что как-нибудь меня навестит. В крайнем случае, если не сам, то даст о себе весть. Но, кажется, я ждал все это время напрасно...

Статистики еще не сделали одного любопытного подсчета: сколько слов, произнесенных вслух, приходится в среднем в год на одного жителя каждой страны. Наверное, наибольшее количество пришлось бы на француза, а наименьшее — на жителя Тибета. Россиянин занял бы место где-то посередине, соответственно географическому своему положению. Но Евгений Петрович в тот день был гораздо многоречивее среднего российского уровня.

— А может, и не напрасно? Возможно, он еще появится? — сказал мистер Дей.— Как его имя?

— Оно, наверное, ничего вам не скажет. Джейкоб Фишер.

— Фишеров много. Только чемпион по шахматам один, а других много. Но могу ли теперь я задать вопрос? И могу ли тоже рассчитывать на полную откровенность?

— Безусловно.

— Скажите, Евгений Петрович, а не предлагал вам этот Джейкоб Фишер... ну, сотрудничества, что ли?

Евгений Петрович вздрогнул, хотя мистер Дей ничего и не заметил: ему явственно вспомнилась давняя-давняя беседа в приемной КГБ на Кузнецком мосту, вспомнилось, как такой же вопрос и почти в таких же выражениях задал ему товарищ, беседовавший с ним по поводу связей с Анисимом.

— Нет,— сказал он не очень уверенно,— ничего такого не было. Но общий тон... Понимаете, после этих встреч я понял, что его образ мыслей ближе мне, чем образ мыслей моих коллег по институту.

— Потому что шире?

— В одном определенном смысле.

— А именно?

— Он убежден, что всякий интеллигентный человек должен считать себя гражданином целого мира, а не одной какой-то страны.

— У вас это когда-то не одобрялось. Это же космополитизм.

— Я не согласен с таким подходом.

— Можно понять. Но какой же практический вывод вы для себя сделали?

Евгений Петрович несколько замялся. Может быть, он чувствовал, что в том, о чем собирался сообщить мистеру Дею, присутствует изрядная доля чего-то опереточного, маскарадного. Но он все же сообщил:

— Я создал группу.

После довольно долгого молчания мистер Дей спросил:

— Что это такое?

— Называется «Группа содействия».

— И много у вас членов? И как все это оформлено?

— Пока я один.

Мистер Дей непроизвольно хмыкнул. Если бы Евгений Петрович Храмов, считавший себя умным человеком, был бы все-таки хоть немного умнее и наблюдательнее, он обязательно заметил бы оскорбительную сострадательность во взгляде своего гостя.

— В чем же заключается деятельность группы? — спросил мистер Дей, умышленно или неумышленно переходя на русский язык.— Или, простите за вульгарность, все это только кукиш в кармане? Вы, если дозволено так выразиться, не любите Советскую власть лишь чисто платонически?

Как-то исподволь почувствовалось, что если несколько минут назад за столом беседовали два равноправных и равно свободных в выражении своих мнений человека, то теперь тон задавал мистер Дей. Он уже словно бы упрекал Евгения Петровича в непозволительных глупостях. А Евгений Петрович словно бы признавал свою вину и старался оправдаться. Мистер Дей спросил:

— В чем выражается ваша активная деятельность?

— Я пишу разоблачительные письма в редакции газет.

— О чем?

— Тут не столько важно содержание, сколько сам факт существования группы.

Мистер Дей не удержался и воскликнул с нескрываемым сарказмом:

— Но никакой группы нет!

— Это знаете вы, потому что я вам сказал, а там никто не знает.

— И в этом-то вся ваша тактика?

— Да. Разве этого мало?

— Боже, какая кустарщина! И это говорит образованный человек. И вообще тут попахивает мальчишеством. Вы одиночка, а что может сделать человек в одиночку? Нужно осторожно искать единомышленников, объединяться. Больше того, нужно выдвигать политические и экономические требования. И что это за «Группа содействия»? Непонятно. Расплывчато. Почему бы вам не попытаться организовать настоящий союз? Ну, скажем, «Союз борьбы за демократию»? Это уже солидно. Это веско и ко многому обязывает. Подумайте, и, если будете согласны, тогда поговорим на эту тему более основательно.— **Мистер Дей** посмотрел, приподняв крахмальную манжету, на часы.— Простите, по расписанию мне пора. Но вы разрешите заглянуть к вам сегодня еще раз, хотя бы на полчаса?

— Прошу вас.

— Я надеюсь, Евгений Петрович, нам с вами еще представится достаточно случаев поговорить по душам.— Было заметно, что мистер Дей хочет сгладить впечатление от слишком резких своих высказываний, но Евгений Петрович или не желал этого замечать, или действительно ничего не замечал.— Стало быть, я зайду к вам сегодня. Есть одна мысль.

Краснов много бы дал, чтобы установить, почему и зачем являлся мистер Дей к Евгению Петровичу вечером. Краснов знал, что чемоданчик, с которым приходил и уходил мистер Дей, был один и тот же, но он не мог знать, что мистер Дей вынул из чемоданчика и оставил Евгению Петровичу детскую игрушку. Эта игрушка представляла собой печатный станок для производства фальшивых игрушечных долларов. Но в дополнение в этой игрушке имелась маленькая касса с литерами, то есть с буквами. Вообще игрушка была более похожа на миниатюрную типографию. Там имелась даже верстатка, в которую укладываются литеры, и все эти литеры были русского алфавита.

Мистер Дей объяснил и продемонстрировал Евгению Петровичу, как работать с типографией. Он набрал несколько строк текста, продиктованного Евгением Петровичем и точно повторявшего содержание одной из открыток, заключил набор в рамку, укрепил рамку в гнезде на дне ящика, накатал на набор цилиндрическим каучуковым валиком синюю краску, затем вставил в пазы на боковых стенках ящика другой валик, побольше и пожестче, подсунул под него краешек чистого листка размером с листок отрывного настольного календаря, крутнул ручку валика и с противоположной стороны двумя пальцами извлек уже не просто листок, а листовку с четко отпечатанным текстом.

— Видите, как удобно,— сказал мистер Дей.

— Великолепно,— согласился Евгений Петрович.

— Правда, пачкает руки и краска плохо смывается, но это уж, так сказать, неизбежные издержки производства. Хотите потренироваться?

Евгений Петрович сначала разобрал типографию на составные части, рассыпал набор, а потом проделал все, что до этого делал мистер Дей. У него получилось не столь быстро и ловко, но в общем штука оказалась немудреная. Мистер Дей похвалил его, а Евгений Петрович был польщен похвалой. И если бы кто-нибудь наблюдал за ними в этот момент, он непременно решил бы, что эти два весьма пожилых человека впали или в детство, или в старческий маразм. Но капитан Игорь Краснов, присутствуй он незримо при свидании двух интересовавших его людей, так бы не подумал.

Отмыв руки одеколоном и мылом, мистер Дей посмотрел, как и в первое свое посещение, на часы и заторопился.

— Ну, мне пора. Я улетаю завтра ночным самолетом, а дел еще много.

— Что ж, счастливого пути,— печально сказал Евгений Петрович.

— Помните, вы отныне не один в целом мире, но будьте осторожны.

— Я давно осторожен.

Мистер Дей взял чемоданчик, на секунду задумался.

— И вот что... Как звали того господина на выставке? Забыл...

— Джейкоб Фишер.

— Может, я и не прав, но мне кажется, дорогой Евгений Петрович, вы думаете, что этот ваш Джейкоб Фишер не очень серьезный человек.

— Почему? Наоборот.

— Обещал встретиться с вами еще раз, но не встретился. Гора с горой и так далее...

— Значит, у него не было случая.

— Так вот, дорогой Евгений Петрович, я навестил вас по просьбе Джейкоба Фишера.

Эти слова обратили Евгения Петровича в статую. Он даже дышать перестал.

— Не ожидали? — спросил мистер Дей.— Простите, что не открылся сразу. В таких ситуациях надо принимать определенные меры предосторожности.

У Евгения Петровича дрожали руки. И голос дрожал, когда он наконец заговорил:

— Я рад... У меня было предчувствие...

— Теперь у нас с вами полная ясность,— бодро сказал мистер Дей.— Ну, прощайте. Вернее, до свидания. И желаю здравствовать «Союзу борьбы за демократию».

Они пожали друг другу руки.

— Может быть, проводить вас? — нерешительно спросил Евгений Петрович.

— Нет, этого делать не следует. Дорога мне знакома, тут совсем рядом...

Мистер Дей ушел, а Евгений Петрович, накладывая дверную цепочку, с благодарностью и некоторой гордостью подумал, что его нежданный знакомец сумел проявить достаточно такта, чтобы не поднимать вопроса о материальной базе их сотрудничества. Значит, понял, с кем имеет дело, понял, что он, Храмов, действует по убеждению, а не из шкурных интересов...

До сих пор для капитана Краснова, не знавшего о цели двух посещений мистером Деем квартиры Евгения Петровича, все развивалось так, что у него не было серьезных оснований сомневаться в правильности своей первоначальной версии, а именно: Храмов — обозленный одиночка, а «Группа содействия» — плод его больного воображения. Оставалось лишь легкое беспокойство. Однако уже менее чем через сутки наступил момент, заставивший Краснова сильно усомниться не только в своей правоте, но и в своей профессиональной пригодности.

...Мистер Дей вернулся в гостиницу без пятнадцати одиннадцать. Поднявшись к себе в номер, он позвонил в номер Галины. Она быстро взяла трубку.

— Вы еще не спите? — спросил мистер Дей.

— Собираюсь. Но я заказала Москву. Велели ждать.

— Можно, я загляну на минутку? Уточним завтрашнюю программу.

— Пожалуйста.

Галина сидела за журнальным столиком, перед нею стоял телефонный аппарат. Мистер Дей опустился в кресло напротив.

— Ужасный день сегодня.— Он вытер платком лоб.

Б. Неменский. Род. 1922. О ДАЛЕКИХ И БЛИЗКИХ. 1950.

А. Еремин. Род. 1919. ОТЦЫ И СЫНОВЬЯ. 1976.

— Да, я тоже устала.
— Что у нас завтра?
— Катакомбы и по городу.
— А нельзя ли без катакомб?
— На ваше усмотрение. Но там хотя бы не так жарко.
— Позавчера был дождь. Может, будет и завтра.
— В общем, катакомбы вычеркиваем,— полувопросительно сказала Галина, открывая свой блокнотик.

Мистер Дей при виде блокнотика снова приложил платок ко лбу.

— Боже, совсем забыл! А все ваша «интересная, насыщенная программа». Мне ведь надо позвонить родственнику моих друзей.
— Так позвоните,— сказала она, поворачивая аппарат диском к мистеру Дею.
— Удобно ли? Уже довольно позднее время... У нас в такой час звонят только коротким знакомым.
— Ну, люди поймут. Не каждый же день вы приезжаете в этот город.
— А ведь и верно.— Мистер Дей вынул из кармана записную книжку, полистал ее и снял трубку. Но все-таки он колебался, набрал номер не сразу.

Галина слышала только одну половину разговора, но весь он целиком, реконструированный впоследствии работниками областного управления КГБ на допросах, выглядел так.

— Алло, добрый вечер,— сказал мистер Дей, услышав в трубке молодой серьезный женский голос.— Извините за столь поздний звонок, но это квартира Юрия Георгиевича Фастова?
— Да.— Мистеру Дею показалось, что голос у женщины не столько серьезен, сколько печален.
— Можно к телефону Юрия Георгиевича?
— Вы знаете, его нет дома, он на даче. А кто его спрашивает?
— Я приехал из Москвы. Простите, я говорю с супругой Юрия Георгиевича? Вы Валентина Ивановна?
— Да.
— Понимаете, Валентина Ивановна, наши общие знакомые просили меня позвонить вашему мужу. А лучше даже повидаться. Тут у меня небольшая посылочка. А я завтра улетаю.

Женщина несколько мгновений молчала, а потом сказала более весело:

— Вообще-то он должен завтра заехать ненадолго домой. Вы когда улетаете?
— В ночь.
— Юра будет около четырех. Вы адрес знаете? Заходите в четыре.
— Адрес у меня тоже есть, но я лучше предварительно позвоню.
— Ну, хорошо.
— Еще раз извините. Спокойной ночи.
— Вам также.

Мистер Дей положил трубку на аппарат, захлопнул записную книжку, спрятал ее в карман и поднялся.

— Вот видите, какие уж тут катакомбы,— с усталой усмешкой сказал он.— Желаю вам тоже спокойной ночи, дорогая Галя. И побыстрее получить Москву.

Когда он шел в свой номер, Валентина Ивановна, которая положила трубку не на аппарат, а на стол, бегом спускалась с четвертого этажа на улицу.

Ближний телефон-автомат был в пятнадцати метрах, на углу. Опустив монету, Валентина Ивановна набрала номер телефонной станции, который давно запомнила наизусть.

— Девушка,— услышав ответ, сказала она, стараясь не выдать волнения,— мне надо быстро узнать, с какого номера мне только что звонили. Трубку я не опустила.
— Что значит быстро? Хулиганы звонили или кто?— довольно грубо спросила девушка.
— Я вас прошу, девушка. Мне велела вам звонить Никольская.— Это была фамилия начальника станции, и она подействовала магически.
— Какой у вас телефон?

Валентина Ивановна назвала.

— Минутку, не отходите.

Действительно, не более чем через минуту Валентина Ивановна услышала номер, который ей тоже пришлось запомнить, потому что в спешке забыла захватить карандаш и бумагу. Вернувшись к себе, она записала его, потом взяла часто и тонко гудевшую трубку, нажала пальцем на рычаг и набрала номер, но совсем другой, а не только что записанный.

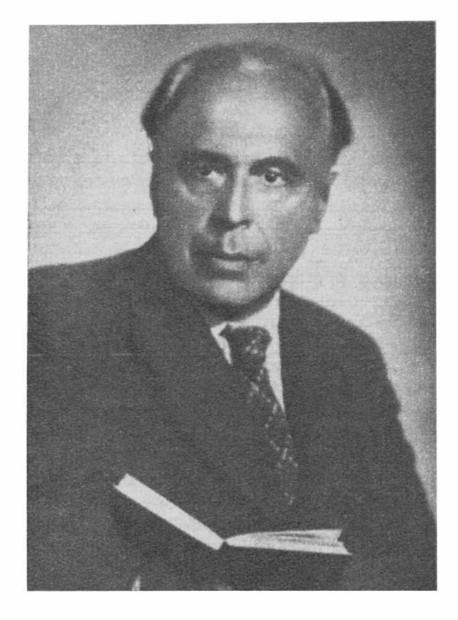
— Борис Николаевич, это Фастова,— быстро заговорила она.— Был звонок.
— Давно?
— Минут пять назад.
— Кто?
— Мужчина. Сказал, приехал из Москвы.
— Назвал себя?
— Нет. Сказал, от общих знакомых. Хочет передать посылку. Завтра улетает.
— Как вы ему ответили?
— В точности, как вы мне говорили. Что Юра на даче, но завтра будет к четырем.
— Молодец, Валентина Ивановна. Пригласили его в гости?
— Я предлагала, но он сказал, сначала позвонит.
— Хорошо. Спасибо.
— Да не за что, Борис Николаевич.
— Ну, это еще неизвестно. Ложитесь спать, вам завтра вставать раненько придется.

Борис Николаевич Сысоев, майор госбезопасности, вел следствие по делу моряка торгового флота, старшего помощника капитана сухогрузного судна «Альбатрос» Юрия Георгиевича Фастова. А Фастов в данный момент находился вовсе не на даче, а как подследственный — в тюремной камере. Почему он туда попал, будет рассказано несколько позже, ибо это длинная история, а сейчас надо проследить за стремительным рядом событий, которые были вызваны этими ночными телефонными разговорами.

Продолжение следует.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. М. МОРОЗОВА

СВЕТЛАЯ ЖИЗНЬ

Михаил Михайлович Морозов — выдающийся советский шекспировед, критик, общественный деятель, имя которого широко известно не только в нашей стране, но и за ее пределами. Знают его и по портрету «Мика Морозов» кисти великого русского художника В. А. Серова.

Но мало кому известен Михаил Михайлович как поэт. Еще в ранней юности он написал драму в стихах «О Тао» из японской жизни, которая была издана в Москве в 1921 году.

Тогда же Михаил Михайлович написал первую строфу своего любимого стихотворения:

Над озерами, над рыжими холмами,
Над широкой тенью мартовских полей,
Над сквозными, светлыми лесами
Пролетала стая лебедей.

Вторую строфу этого стихотворения он дописал в июле 1949 года.

Я за ними сердцем улетаю,
Потому и жизнь мне так легка,
Что не видел я, но помню эту стаю,
И простор, и свет, и облака.

«Хорошо это или плохо,— замечает он в одной из своих дневниковых записей,— не знаю, но лучших стихов я не написал и не напишу.

Синее небо, белые птицы... Для меня это самый яркий оттиск памяти, хотя я не помню, где и когда я видел это небо и этих птиц».

Литературоведческая работа, лекции, консультации театральных шекспировских постановок, ни одна из которых не проходила без его участия, ежегодные шекспировские конференции в национальных республиках, Москве, Ленинграде, переводы пьес «Виндзорские насмешницы», «Два веронца», «Конец — делу венец» В. Шекспира, «Заговор Фиеско в Генуе» Ф. Шиллера и других, казалось бы, должны были целиком поглощать ученого. Но и среди этой многоплановой, бурной деятельности Михаил Михайлович находил время, чтобы писать стихи.

Два стихотворения М. М. Морозова мы публикуем впервые.

*САНДВИЧ**

Латник под пестрыми латами,
Сквозь грохот и блеск бреду в полусне.
Я — «сандвич» с двумя плакатами:
Один — на груди, другой — на спине.
Мне на сердце легло слепое томленье.
Никому не счесть постылых дней!
Окружило меня и бушует смятенье.
Я один в коробке моей.
Пролетают рожи, колеса, спины.
Всем, я знаю, очень смешно...
Звонко хохочут мне в лицо магазины,
И каждое от смеха кривится окно.
Жду только вас, седые закаты!
Жду только вас, янтари фонарей!
В сумраке легче становятся латы,
И отрадней дышать, и душе веселей...
Подходи же ты, ночь, золотая кормилица!
Убаюкай тоску до грядущего дня...
Чуть стемнеет, и месяца светлое рыльце
Из-за сумрачных крыш глядит на меня.

* * *

Дни лучших встреч, как дни страданья,
Волнений тяжких и забот.
Но в сумерки пролет сиянье
Разлуки горестный приход.

Далекое душе дороже,
Исчезнувший светлее взор.
На камень прошлого положит
Мечта свой радостный узор.

Так и за той границей чудной,
Обречены могильной мгле,
Мы вспомним вдруг о жизни трудной,
О милой жизни на земле.

Публикация
Е. БУРОМСКОЙ-МОРОЗОВОЙ.

* Сандвич — человек, носящий на себе рекламные плакаты.

МОИ УЧИТЕЛЯ

Юрген ЕССЕЛЬ, публицист (ГДР)

Слова «Октябрьская революция» я впервые услышал, когда был уже взрослым человеком. Возвращаясь из английского плена, я еще не знал имени Ленина. Я не знал ни Горького, ни Маяковского, причем не только не читал ни единой строчки этих писателей, но простонапросто не подозревал о их существовании. Знанием того, что когда-то жил русский писатель Толстой, я обязан моему деду, в книжном шкафу которого, где-то во втором ряду, пряталось старое издание «Анны Карениной».

Пусть не сочтут нескромным, что я заговорил о себе, — ведь сотни тысяч молодых немцев моего поколения пережили то же самое. Не забуду ночи, когда до нас дошла спасительная весть о капитуляции. Я притулился на палубе старого, отслужившего свой срок углевоза. Нашу посудину болтало где-то между Ростоком и Копенгагеном, когда радист рывком открыл дверь рубки и крикнул: «Войне конец!» Мигом исчезло чувство голода, как рукой сняло свинцовую усталость, нипочем стали шторм, проливной дождь, и когда на следующий вечер по правому борту проплыл шведский город Хельсингборг и, казалось, рукой подать до его сияющих огней (мы ведь уже много лет видели только затемненные города), — тут-то я поверил, что действительно остался жив. Не знал я тогда еще, у какого густого мрака я в плену, и не ведал, что потребуется совсем иной свет, нежели огни Хельсингборга, чтобы вызволить меня из этой тьмы.

Новая жизнь начиналась в разрушенных городах, но, оглядываясь сегодня назад, невольно думаешь, что в наших умах царил еще большой хаос. Имя Тельмана мне было знакомо, об этом «позаботился» Геббельс. Карла Либкнехта я не знал. Одни лишь имена немецких писателей, о которых я прежде не слыхивал, заняли бы, пожалуй, целую газетную колонку. Словом, я был, выражаясь почти по Бисмарку, нормальным продуктом той школы, которая считалась нормальной в тогдашней Германии.

Много лет спустя после войны, уже будучи журналистом, я приехал в украинский колхоз недалеко от Одессы. Нас встретил товарищ, ответственный в хозяйстве за виноградарство. На улице царил палящий зной, и он пригласил нас в винный погреб. Тут состоялось интервью наоборот: хозяин спрашивал, гость отвечал.

Спрашивал он основательно, глядел на меня строго. Я отвечал совершенно искренне, и вскоре выяснилось: весной 1945 года в устье Одера мы стояли друг против друга. Когда я стал рассказывать, в какой трепет нас приводила советская артиллерия и особенно «катюши», винодел не смог скрыть довольной улыбки. «Да, дорогой,— перешел он вдруг на «ты»,— повезло же тебе... А теперь вот мы сидим в этом погребе как ни в чем не бывало...» Он с минуту задумчиво глядел на меня, потом встал из-за стола и положил руку мне на плечо: «Все-таки здорово, что мы сегодня сидим за одним столом... Ты непременно должен попробовать наше вино!» В тот день из моего интервью ничего не получилось.

Впоследствии мне не раз приходилось вести или слышать подобные разговоры. Вспоминаю бурильщика из Башкирии, полковника в отставке из штаба маршала Рокоссовского, помню бывших партизан с Тульщины, киоскершу из Смоленска — множество людей, переживших неисчислимые страдания от рук гитлеровцев. Но все советские собеседники четко различали: германский фашизм — это одно, немецкий народ — другое. Ни разу я не слышал хоть слова упрека. И я не могу воспринимать такое отношение как нечто само собой разумеющееся. Если бы мне задали вопрос, что поразило меня больше всего во время многочисленных поездок по Советскому Союзу, я бы ответил: больше, чем все сталелитейные гиганты, автозаводы и нефтепромыслы, меня потрясло рукопожатие бывшего партизана, случайно спасшегося из амбара, в котором эсэсовцы сожгли его отца.

После войны я первое время жил в Западном Берлине, сотрудничал в одной из местных газет. «Холодная война» была уже в полном разгаре, процветал антисоветизм. Но на моем письменном столе каждое утро среди других газет лежала и «Теглихе рундшау», издававшаяся советской военной администрацией в Германии. Чтение «Рундшау» все глубже ввергало меня в пучину сомнений. И вот я стал наведываться в восточную часть города, которая тогда еще не была столицей ГДР. В «Доме культуры Советского Союза» я слушал лекции советских офицеров, не только в совершенстве владевших моим родным языком, но и проявлявших поразительную осведомленность в немецкой истории и литературе. Они-то и стали моими учителями, озаряя первым лучом света тот мрак, в котором я прежде жил.

То же самое произошло с несчетным числом немцев. На каждом шагу в ГДР встречаешь людей, чья жизнь в корне преобразилась благодаря встрече с Советским Союзом, благодаря великому перевороту, начавшемуся в 1917 году.

Мне довелось беседовать со многими советскими гражданами, продолжительное время работающими в ГДР. Среди них — преподавательница из Москвы, которая готовит здесь будущих учителей русского языка; геофизик из Ленинграда, занятый изысканием полезных ископаемых; молодой уралец — студент-германист в Берлине; женщина — инженер-нефтяник из Азербайджана; бурильщик из Крыма, специалист по природному газу. В беседах участвовали и их немецкие товарищи по профессии. Говорили мы о совместной работе, о проблемах, которые предстоит решить, о наших общих планах на будущее. Слово «дружба» при этом не произносилось, кажется, ни разу. Думается, потому, что мы не нуждаемся в торжественных заверениях, ибо живая дружба наших народов стала неотъемлемой частью наших будней.

Берлин.

Ю. Ессель (справа) беседует с Чингизом Айтматовым. Фрунзе, декабрь 1975 года.

Н. АЛЕКСЕЕВА

Фото В. СВАРИЧЕВСКОГО

Их свела вместе, как принято говорить в таких случаях, любовь к искусству, а точнее, к музыке. И, конечно, желание сказать свое слово в современной эстраде. Вокально-инструментальный ансамбль «Ялла» — теперь подобные коллективы принято обозначать сокращенно ВИА — начал свое профессиональное существование в 1971 году, после популярной телепередачи «Алло, мы ищем таланты!», когда внимание миллионов телезрителей поразили несколько узбекских парней в стилизованных костюмах, с электрогитарами наперевес. Когда, будто по волшебству, звучание этого «научно-технического достижения» музыки вдруг напомнило нам нежные и печальные звуки танбура и рубаба, и повеяло сухим и жарким ветром азиатских степей, донесся душистый, терпкий аромат зеленых виноградников; ожили, как бы заговорили застывшие в вечном молчании расписные минареты; зазвучали печаль и радость древнего народа...

Что же нас поразило тогда? Разумеется, не только красота и сложность народной мелодии Востока, а прежде всего то, что, бережно окантованная современными «атрибутами» молодежной эстрады, пронизанная ее активным, нервным ритмом, эта мелодия стала ближе, доступнее и даже понятнее нам, сегодняшним слушателям.

Ансамбль «Ялла» (что означает «веселая, искрящаяся песня») возник как раз в то время, когда ВИА организовывались везде и всюду, с невероятной и настораживающей быстротой — в самодеятельности и на профессиональной сцене. Когда, с одной стороны, многие из них, не утруждая себя раздумьями о мастерстве и репертуаре, рассчитывали исключительно на моду и «кассовость», и лишь единицы, вроде белорусских «Песняров», лихорадочно искали и находили себя в этом бушующем громкоголосом потоке «битомании», заполонившей сцены театров, домов культуры, парков.

Я говорю «битомания» вовсе не с целью заявить — а в такие крайности поначалу многие впадали,— что электрогитары, электроорганы и прочие принадлежности «битгрупп», как их называет молодежь, да и сами группы — все это, мол, ужасно, ненужно, безнравственно и так далее. Нет, об этом говорить и спорить теперь не приходится. Уж коли появились эти инструменты — не от бога и не от черта, а в результате поисков новых выразительных средств в современном искусстве,— то, значит, так тому и быть. И как раз ВИА — небольшой ансамбль из нескольких певцов-музыкантов — самая интересная, удобная (особенно для слушателей) форма использования и демонстрации всех возможностей этой новой музыки. Вы же не можете представить себе оркестр, в состав которого вошли бы сорок электрогитар!.. Речь идет о том, что далеко не всем ВИА удавалось — да и до сих пор не удается — быть отличными от многих подобных, отличными друг от друга, а значит, чем-то своим запомниться слушателю. А ведь этого мы ждем, когда встречаемся — в последнее время все чаще и чаще, на эстраде, в кино, телевидении — с исполнителями этого жанра. Встречаемся с профессиональным искусством. С творчеством...

Перед концертом: Ф. Закиров и Ш. Низамутдинов.

Солистка ансамбля Наргис Байханова.

Репетиция.

Завтрашний день «Яллы»

Но вернемся к «Ялле». Ребята из Ташкента (некоторые закончили консерваторию, другие — театральные институты) пошли тогда по пути тех единичных ВИА, которые настойчиво искали свой стиль в музыке и вокале. «Ялла» запомнилась, полюбилась. Начались концерты в Узбекистане, гастроли по стране, за рубежом...

Тем временем возникали все новые вокально-инструментальные ансамбли, распадались и вновь собирались старые группы, менялись руководители ансамблей, певцы, музыканты. ВИА сами по себе стали большой проблемой для критиков, музыковедов и музыкантов, композиторов и поэтов, которые уже не могли созерцать со стороны повальное увлечение музыкой и песнями ВИА и в конце концов поняли, что ни снисходительное умолчание, ни отрицание этих ансамблей не приведут к исчезновению их с эстрады. Пришлось по-новому, серьезно и требовательно взглянуть на это массовое явление в искусстве, признав его, определив его недостатки и достоинства.

И вот сейчас критики ВИА стали впадать в другую крайность. Перелистывая страницы газет за последние годы, с сожалением отмечаешь недостаточность уровня самой критики, невзыскательность музыковедов и журналистов, поднимающих разговор о новом эстрадном жанре.

Вот появился, скажем, ВИА «Ребята с Арбата». Тут же — теперь уже слишком «доброжелательный» — критик пишет, недолго думая, что ансамбль отличает культура исполнения и хорошая сыгранность. Появилась «Молодость», и мы читаем: хороший вкус в подборе репертуара, музыкальность, естественность — в этом, мол, его отличие от других. И так далее и так далее... Тут и «Акварели», и «Коробейники», и «Поющие сердца», и «Магистраль», и прочие и прочие... Ну, почему же то, что должно быть обязательным для всех профессиональных коллективов, без чего и на эстраду-то выпускать их нельзя — культура исполнения, музыкальность, естественность,— возводится в ранг «стиля», «индивидуальности» ансамбля, его «отличия» от других? Не стоит, по-моему, таким весьма небрежным поощрением вводить в заблуждение новые и старые вокально-инструментальные ансамбли, тем более что они живут, им предстоит еще много работы. И с ними тоже предстоит много работать. А соответственно — и со зрителем, как с молодым, так и других возрастов. Потому что, например, на концерты «Песняров» или «Яллы», помню, в свое время ходили все — и стар и млад...

Но это, повторимся, возможно только в том случае, если ансамбль способен своим, одному ему ведомым способом найти и проложить дорожку к сердцу слушателя. Именно к сердцу, а не только к ушам и глазам... И способен идти дальше.

Конечно, об этом «дальше» думают многие: и композиторы, и исполнители, и художественные руководители ВИА. А возникли эти раздумья вполне обоснованно. Зрителя, и молодого тоже, уже не удовлетворяет само по себе звучание любимой электрогитары и ритм, мастерски отбиваемый ударником. Недаром, к примеру, многие спохватившиеся ВИА стали поспешно вводить в свой состав скрипки, аккордеоны, флейты... Стали строить новый «стиль» на исключительно «минорном», мягком лиризме...

Так или иначе, «рецепты» рождаются разные. Продуманные, выстраданные и скороспелые. Одни полагают, что слайды и светотехника на сцене помогут им удивить зрителя, другие считают, что нужна сценическая режиссура для каждой песни. Третьи полагают необходимым ввести в репертуар своего ВИА джазовые композиции или приглашают участвовать в своих концертах знаменитых эстрадных певцов. Есть и такие, которые, не мудрствуя лукаво, решают: если в программе отвести как можно больше места теме гражданственности, патриотизма, то концерт сам собою пойдет на «ура». Не задумываются над тем, что это одно не спасет, не «вывезет» при отсутствии мастерства, вкуса, не создаст направления.

Короче, существует бесконечное множество вариантов.

Спохватились? Задумались? Хорошо! Но все же что дальше? Как?.. Беспощадное время жадно требует новых форм, поиска. К сожалению, в искусстве нет точных и категоричных ответов, что надо делать и как делать.

Я была недавно в Ташкенте и пришла на концерт все той же «Яллы», с которой и начался разговор о ВИА. Не сомневалась: по прошествии нескольких лет с начала существования «Яллы» талантливых ребят наверняка волнуют эти проблемы. Подчеркиваю «талантливых», потому что без этого вообще нет смысла говорить ни о стиле, ни об искусстве тем более. И все вышеперечисленные «рецепты» будут только цветистой оболочкой, бутафорией, еще более подчеркивающей беспомощность лицедеев-ремесленников. Я не ошиблась: и Фарруха Закирова, и Шахбоза Низамутдинова, и Алиаскара Фатхуллина — старожилов ансамбля — уже давно тревожит дальнейшая судьба их коллектива. К тому же они считают, что эстрада — искусство молодых, и, уходя (а это не за горами), они должны что-то оставить смене, научить и воспитать ее.

То, что было с таким восторгом принято слушателями в начале пути «Яллы», осталось, что называется, в активе ВИА. В этом я убедилась, услышав на концерте, как горячо приветствовали ташкентцы любимые и возрожденные «Яллой» народные мелодии, ставшие популярными именно благодаря «Ялле». Но их не так уж много. Да и согласимся — вся программа не может состоять только из мелодий Востока: они стержень концерта, но не весь концерт. Тут и песни советских композиторов, и сочинения самих «яллинцев», и песни зарубежной эстрады. Есть и тяготение к большим вокально-инструментальным композициям, философским, лиричным, гражданственным. И — обращение именно к слову песни, к его выразительности. И, наоборот, только к инструментальному звучанию, когда вокальный зачин продолжается длинным и поэтическим разговором музыкантов — на языке инструментов — со слушателями...

Но нет пока еще той целостности, о которой мечтает и художественный руководитель «Яллы», выпускник Ленинградской консерватории Евгений Ширяев.

— Нас, как и многие ВИА, свела, конечно, не только любовь к музыке, но и мода. Это теперь мы группа музыкантов-единомышленников. Не боюсь признаться: мы переживаем сейчас момент становления — ищем дальнейший стиль, направление в эстраде...

Ширяев и его музыканты считают, что название «вокально-инструментальный ансамбль» неизбежно устаревает. Что это должен быть «театр песни» (кстати, так подумывают и некоторые другие ВИА), включающий в свой репертуар и классические произведения, и джаз, и стихотворные монологи, и, быть может, даже танец. Но все это пока фантазии и предположения «Яллы». Единственное, что они для себя усвоили совершенно твердо,— это то, что просто «развлекательность» не оправдывает себя. Каждый концертный выход к слушателям должен быть целенаправлен, объединен общей идеей, будь то идея протеста против пошлости и мещанства или идея доброты, бережного отношения людей друг к другу, любви к своему краю, радости труда и созидания.

Что ж, в добрый путь...

Сейчас более или менее решены первые, важнейшие, но **общие** для вокально-инструментальных ансамблей страны проблемы: повышение профессионального мастерства, требовательное отношение к репертуару, разговор со зрителем о насущной жизни народа.

И явно настала, назрела пора для всех ВИА решить наконец проблемы не менее важные, но уже носящие, так сказать, **индивидуальный** характер: стиль, поиск своей неповторимости, открытие себя в искусстве.

ваше мнение?

ТРУДНЫЕ ДЕТИ. А РОДИТЕЛИ...

И. КОНДРАТЕНКО

Трудные дети... Откуда они берутся? Часто мы, взрослые, задаем себе такой вопрос. Анализируя правонарушения, совершаемые подростками, приходишь к выводу, что во многом здесь повинны сами родители.

Всегда ли, например, мы бываем вежливы со своими детьми? Всегда ли служим для них примером? А ведь каждое неправильное действие родителей может пагубно сказаться на формировании характера подростка. К сожалению, взрослые не всегда помнят об этом.

Проблема не новая. Но и не стареющая. Она тревожит детей и родителей, школу, общественные организации. И поиск многообразных путей ее решения продолжается.

...Ученица восьмого класса возвращается из школы. У своего дома встретилась с одноклассницей, разговорились. И вдруг с балкона девятиэтажного дома на всю округу — голос матери: «Наташа, долго ли там будешь лясы точить? Немедленно домой!»

...У дома, содрогаясь от холода, «плачет» котенок. Девочка-дошкольница спешит к нему на помощь.

— Наташа, брось сейчас же! — требует мать.

Девочка смотрит умоляюще, но мать настойчиво продолжает твердить свое. И Наташа с навернувшимися на глаза слезами выпускает котенка...

...Первоклассник Сережа в комнате что-то мастерит.

— Сережа, перестань стучать!— прозвучал суровый голос.

Мальчик настолько увлекся делом, что не среагировал. Тогда мать вырывает из рук детский инструмент и бросает в мусорный ящик...

Дорого нам, нашим детям, всему обществу обходится такой брак в воспитании!

Недавно мне пришлось быть на семейном торжестве — отмечали день рождения. За праздничным столом собралась вся семья, друзья, товарищи. Рюмки наполняются водкой. Готовится тост. Вдруг бабушка подает главе семейства еще одну рюмку и говорит: «Налей граммульку Шурику. Пусть выпьет за отца!» Отец соглашается. И Шурик, которому еще нет и шести, под назойливые уговоры родителей с трудом глотает содержимое рюмки...

Брак, конечно, недопустим в любом деле. Но если в сфере материального производства какой-то ценой его можно устранить, то в воспитании последствия любой ошибки, как правило, носят необратимый характер.

Каждый отец, каждая мать мечтает о том, чтобы дети были лучше. Однако в школьные годы у иных родителей забота о нравственном воспитании иногда почему-то отходит на задний план, отступая перед своеобразной «отметочной» лихорадкой. Мол, нужны пятерки и четверки любой ценой. Да, о хороших отметках надо, конечно, заботиться. Но любой ли ценой?

...Дочь, ученица десятого класса, поздно вернулась домой.

— Где шлялась? Чтобы это было в последний раз. Пока учишься — никаких танцев! — гремит отец.

Почему мы так быстро забываем о собственном детстве? И правы ли те родители, которые ограничивают мир школьника только лишь учебой? На этот вопрос хочется ответить словами заслуженного педагога В. А. Сухомлинского: «Если мы будем стремиться к тому, чтобы все силы души ребенка были поглощены уроками, жизнь его станет невыносимой. Он должен быть не только школьником, но и прежде всего человеком с многогранными интересами, запросами, стремлениями...»

Слова эти не устарели. И у нас, чего греха таить, часто так получается: юношу или девушку мы научили ставить запятые в сложном предложении, решать задачи со многими неизвестными, а сделать их добрыми, трудолюбивыми людьми не сумели...

Слов нет, каждому родителю хочется, чтобы дети хорошо учились, были отличниками,— да это и правильно. Удивляет другое: почему ради успешной учебы некоторые родители потворствуют детям, не в меру балуют их?

— Вот тебе, сынок, подарок. Закончишь без троек учебный год — будет тебе и электрогитара...

Эти слова мне пришлось услышать в нашем Центральном универмаге. Они адресовались подростку лет шестнадцати, который принял из рук отца новенький магнитофон. Принял равнодушно, и мне казалось, отец был доволен покупкой больше, чем сын. Много ли пользы в таком «поощрении»?

Разумеется, примеры личного влияния родителей на детей отнюдь не противоречат тезису: воспитание детей — дело общественное. Здесь всем есть дело: и родителям, и педагогическим коллективам, и комсомолу, и всей нашей общественности. К сожалению, нами используются не все возможности. Дело, несомненно, выиграло бы, если бы родители активнее вовлекали детей в процесс трудового воспитания, если бы лучше пропагандировался положительный опыт тех семей, где строят правильные отношения, формируются коммунистические взгляды на жизнь. А ведь таких замечательных примеров у нас немало! Вот один из них.

В редакцию газеты пришло письмо: «В нашем цехе работает Евдокия Ивановна Кудрявцева. Всякий раз, встречая ее, мы восторгаемся ее неутомимой энергией. Каким запасом жизнелюбия и душевной стойкости обладает эта женщина! А какого замечательного сына она воспитала!»

Я встретился с Кудрявцевой, много с ней разговаривал, расспрашивал о сыне. Действительно, ее Сергей вырос настоящим человеком. Сейчас он в Ленинграде, в военном училище — занимается отлично, на хорошем счету у командования. Слушаешь Кудрявцеву и чувствуешь: вот оно, материнское счастье!

— Помню, бывало, придет Сережа из школы, быстро печку истопит, дома наведет порядок, в магазин сбегает, а потом за свои уроки сядет, — рассказывает Евдокия Ивановна. — Сейчас вырос, но все равно помогает. Летом он приезжал в отпуск, а мне как раз надо было ехать на субботник в подшефный колхоз. Сын и говорит: «Мама, ты отдыхай, а я за тебя съезжу, поработаю».

Никаких педагогических открытий в своей жизни Евдокия Ивановна не сделала. Она, как и все матери, очень любит своего сына, но никогда не заласкивала его, не выкладывала ему на ладони все свои чувства и не спешила выполнять любые сыновы желания. С ранних лет не отстраняла от забот, приучала думать и о себе и о других.

— Сережа учился в шестом классе,— вспоминает Евдокия Ивановна,— и как-то попросил купить ему велосипед. Сделать это не позволял наш семейный бюджет, о котором он, как и многие дети, не имел тогда представления. И мне пришлось рассказать ему о наших доходах и расходах. Он внимательно выслушал, потом говорит: «Мама, постараюсь помочь тебе». И начал вечерами собирать старые газеты, журналы, сдавать в утильсырье. Доход, конечно, копеечный, но я не останавливала сына, не мешала ему. Вскоре я все же купила велосипед. И вы не представляете, как гордо сияли его глаза, когда он своим одноклассникам говорил: мы вместе с мамой заработали на велосипед! А с какой любовью он ухаживал за ним! Как и у всех детей, были у Сережи прихоти, не обходилось и без шалостей. Но я вовремя старалась остановить их, вместе с сыном разобраться, что плохо, а что хорошо. Это не значит, что на все его желания мною был наложен запрет...

Анализируя рассказ Евдокии Ивановны, замечаешь: многое из того, что она внушала своему сыну, было подкреплено личным примером.

— Как-то вернулась я с работы усталая. Вижу, соседке, Захаровой, привезли уголь. Думаю, надо помочь. Я обращаюсь к Сереже: «Вот что, сынок, ты давай берись чистить картофель и готовь ужин, а я пойду, Надежде Трофимовне помогу перетащить уголь в подвал». В этот вечер мы с соседкой все сделать не успели. Пришла помогать на второй день, а она говорит: «Спасибо, миленькая, твой Сережа со своими одноклассниками уже все сделали».

Будучи нештатным инспектором детской комнаты милиции, Кудрявцева не раз приходила на помощь родителям, дети которых неправильно себя ведут. Помогла Кудрявцева, например, семье Працовых, в которой двое несовершеннолетних детей совсем было отбились от рук, забросили учебу. И кто знает, что бы с ними стало, если б не решительное вмешательство Евдокии Ивановны.

Калининград.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

«КЕПКА В ОПАЛЕ»

Так назывался репортаж, опубликованный в № 38 «Огонька» за 1976 год. Редакция получила официальный отклик на это выступление из Министерства легкой промышленности СССР.

«Министерство легкой промышленности СССР,— сообщает заместитель министра П. Максимов,— рассмотрело репортаж «Кепка в опале» и сообщает, что вопросы, поставленные в статье, актуальны». В ответе министерства говорится, что на предприятиях швейной промышленности проводится «систематическая работа по улучшению ассортимента и качества, увеличению выпуска изделий с государственным Знаком качества, внедрению комплексной системы управления качеством продукции и обеспечению заказов торгующих организаций на изделия, пользующиеся повышенным спросом». Заместитель министра сообщает также, что «в целях улучшения ассортимента и качества головных уборов периодически проводятся художественно-технические советы, которые предусматривают снятие с производства изделий, пользующихся ограниченным спросом населения, и увеличение выпуска изделий, пользующихся повышенным спросом». В частности, художественно-технический совет рекомендовал к внедрению в 1976 году 155 моделей мужских головных уборов, из них 114 кепи, «17 моделей мужских кепи были рекомендованы на государственный Знак качества».

Судя по письму, все обстоит вполне благополучно. Тем более, что товарищ П. Максимов перечисляет и уже освоенные, но все же новые виды головных уборов — кепи, картузы, жокейки, панамы из хлопчатобумажных и джинсовых тканей, из болоньи и из искусственного меха. Столь же прекрасная картина предстает из письма и в отношении московского производственного объединения головных уборов «Зарница»: оно «выпускает мужские кепи по 40 моделям, из них 15 новых; кепи из шерстяных тканей выпускаются по 6 моделям».

Итак, все в порядке? Что ж,

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

ЮМОРЕСКА

Трудное это дело — найти себе в жизни подходящего спутника. Некоторые всю жизнь этот вопрос решить не могут. И задумали мы в своем конструкторском бюро таким людям помочь. Создали в свободное время на общественных началах специальную машину и назвали ее «ЭС-1», что значит «электронная сваха». Закладываешь в эту машину все данные — каким бы тебе хотелось видеть этого самого спутника жизни,— и через пять минут ответ готов: твой спутник проживает там-то, оклад такой-то, и дальше фамилия и место работы.

Всем хороша машина: большая, красивая, блестит. Одно только плохо — в деле не опробована. А без этого рекомендовать к употреблению боимся. Все-таки дело ответственное, не калоши выбираешь. И вот вызывает меня начальник нашего отдела и говорит:

— Знаешь, Саня, решили мы на тебе попробовать. Ты молодой, неженатый и зарабатываешь мало. Если и пропадешь, никто плакать не станет. Рискни! А я тебя за это в отпуск летом отпущу...

В общем, уговорил он меня. Записал я на бумажку все данные, как я себе свою будущую жену в идеале представляю, и отдал начальнику просмотреть.

— Ну, что ж,— он говорит,— все прекрасно! Идеал у тебя действительно что надо! Поздравляю. Только, знаешь... если тебе не трудно... допиши тут еще, чтоб твоя избранница нормы ГТО сдала. В общем-то, это формальность, но мне эту бумажку надо директору представить на утверждение, а там могут сделать замечание. Подумают еще, что ты этого недооцениваешь, и я вместе с тобой...

— Пожалуйста,— с готовностью согласился я,— что мне, жалко?— Я взял у него свою бумажку и добавил про ГТО.

— Вот теперь все в порядке!— обрадовался он.— Пошли в местком, они просили показать, когда у тебя будет готово...

Председателю месткома мой идеал тоже понравился. Единственное, что он попросил дописать, это чтобы моя любимая обязательно занималась общественной работой. Этот штрих будет говорить в мою пользу, когда понесем эту бумажку заместителю директора.

Я пожал плечами и дописал еще одну строчку.

Заместитель директора одобрил мой выбор с одним условием: спутница моей жизни должна знать хотя бы один иностранный язык. Я хотел было возразить, но он дружески положил мне руку на плечо:

— Поймите, без этого сейчас никуда! Время такое. Сегодня каждый интеллигентный человек обязан владеть иностранным языком. Надеюсь, вы не хотите, чтобы ваша избранница была неинтеллигентной?

Этого я не хотел и потому, вздохнув, вставил пункт об иностранном языке.

Дальше пошло еще хуже. Кадровик потребовал, чтобы я внес пожелание о наличии у моей будущей любимой нескольких благодарностей по службе, желательно с занесением в личное дело. Директору почему-то непременно хотелось, чтобы она умела вязать...

Наконец, моя заявка была утверждена всеми инстанциями. Уточненные данные торжественно заложили в машину и стали с нетерпением ждать результатов. Не прошло и пяти минут, как машина сообщила: женщина моей мечты работает в нашем институте. Ею оказалась заведующая библиотекой Дина Григорьевна.

— М-да, не ожидал я от тебя, Саня,— озадаченно потер лоб мой начальник отдела.— А все тихоней прикидывался... Она же на пятнадцать лет старше тебя!

— Стыдно, молодой человек!— покачал головой заместитель директора.— Интеллигентные люди так не поступают! Дина Григорьевна двадцать лет замужем, у нее двое детей...

— Небось, на оклад польстился,— заметил кадровик.

— Да я... да она мне вовсе не нравится!— возмутился я.

— Нам-то ты можешь говорить все что угодно,— усмехнулся начальник отдела.— Да только машину не обманешь. Электроника, брат, наука точная. Одного я не пойму: что ты нашел в этой Дине Григорьевне?

— Может, у вас с ней уже что-нибудь было?!— испугался директор.— Учтите, мы не позволим разрушать семью...

— Не было у меня ничего!— закричал я.— Не было и не будет!!!

— Уволить его по собственному желанию, и все тут,— сказал кадровик.— Чтоб другим было неповадно!

И все его поддержали. Так и пришлось мне уйти по собственному. Разве с машиной поспоришь? Но только я в своем мнении еще больше укрепился: что ни говорите, а очень трудное это дело — найти себе в жизни подходящего спутника...

идем в магазины. На столичной улице Сретенке видим неизменную шевиотовую модель «21» и еще одну, тоже далеко не новую. Аналогичное положение в специализированных магазинах, в универмагах. В чем дело? Не попадают, что ли, новинки в магазины или выпускаются в таких количествах, что говорить о них всерьез не приходится? Ответ на этот вопрос дает только что вышедший номер «Коммерческого вестника». В нем говорится, что спрос на головные уборы не удовлетворяется на протяжении нескольких лет. «Объединение «Зарница» слабо обновляет ассортимент мужских и женских головных уборов... Выпуск новых моделей не превышает 15—20 процентов... В результате продажа головных уборов сократилась в 1976 году на 20 процентов». Кепки вроде бы есть, а на самом деле их нет. И не случайно заместитель министра обходит в письме вопрос о том, сколько же выпущено кепи новых моделей.

Не затронут в ответе и другой вопрос: о качестве кепок той же «Зарницы». В репортаже речь шла в основном именно о качестве, но в письме из министерства этому вопросу уделено лишь несколько слов: «Дано указание принять меры по увеличению выпуска, улучшению качества и расширению ассортимента головных уборов».

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Прибор для измерения энергии излучения. 8. Веслоногая птица. 9. Воздушный флот. 11. Советский композитор. 15. Словарный состав языка и диалекта. 17. Часть ложа огнестрельного оружия. 18. Драматическое произведение. 19. Сорт яблок. 20. Озеро в Альпах. 21. Хищное животное семейства собак. 23. Арифметическое действие. 24. Звукоряд в пределах одной октавы. 25. Государство в Европе. 26. Перерыв между отделениями концерта. 27. Персонаж романа И. С. Тургенева «Накануне». 29. Порт в Тунисе. 31. Горючая жидкость. 32. Русский писатель.

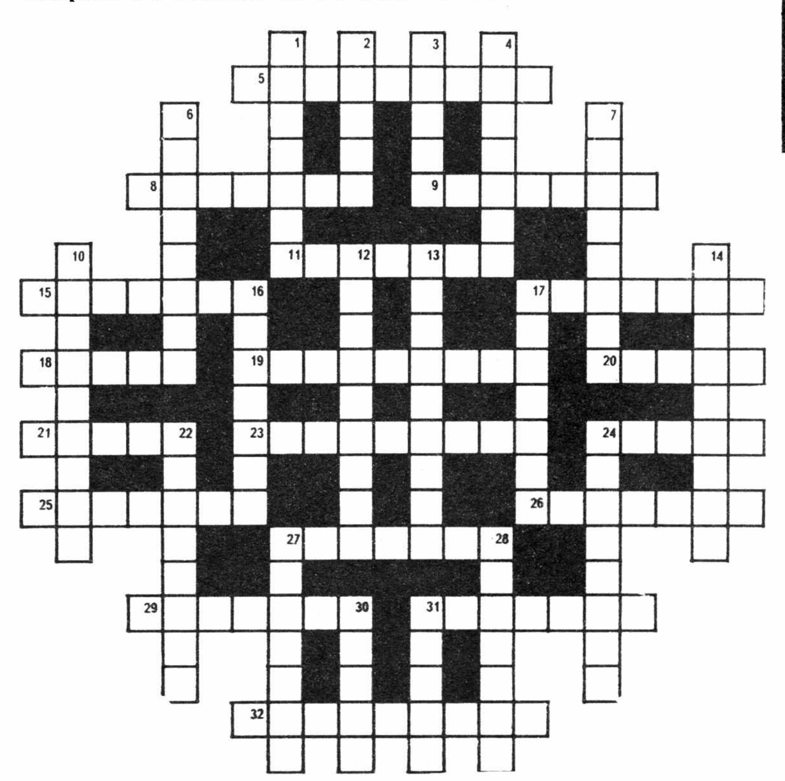
По вертикали:

1. Советский живописец-баталист. 2. Цитрусовое дерево. 3. Действующее лицо комедии А. Н. Островского «Без вины виноватые». 4. Спортивное сооружение. 6. Оперетта Ю. Милютина. 7. Рыболовная снасть. 10. Надстройка над зданием. 12. Краткое народное изречение. 13. Опера Дж. Верди. 14. Поэма Т. Г. Шевченко. 16. Река в Бразилии. 17. Небесное тело. 22. Изделия из глины. 24. Картина В. А. Тропинина. 27. Металл. 28. Специалист по сельскому хозяйству. 30. Залив Красного моря. 31. Старинный военный головной убор.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В №7

По горизонтали:
3. Менделеев. 8. Коломна. 9. Трибуна. 13. Терек. 14. Таволга. 15. Устав. 18. «Сильва». 19. Акоста. 20. «Нахлебник». 21. Регата. 23. Ампула. 25. Чирок. 26. Рагимов. 28. «Гаянэ». 29. Семестр. 31. Пломбир. 32. Финляндия.

По вертикали:
1. Бегемот. 2. Земфира. 4. Доха. 5. Лист. 6. Уровень. 7. Монисто. 10. Перигелий. 11. «Возмездие». 12. Кантилена. 16. Канал. 17: Какао. 22. Апофеоз. 24. Платина. 26. Росарио. 27. Вторник. 20. Риал. 31. План.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Слушатель курсов «Выстрел» капитан В. Е. Уткин.
(См. в номере материал «Выстрел».)
Фото И. Тункеля.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Владивосток. Военные корабли Краснознаменного Тихоокеанского флота на рейде в Амурском заливе.
Фото Ю. Муравина (ТАСС).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

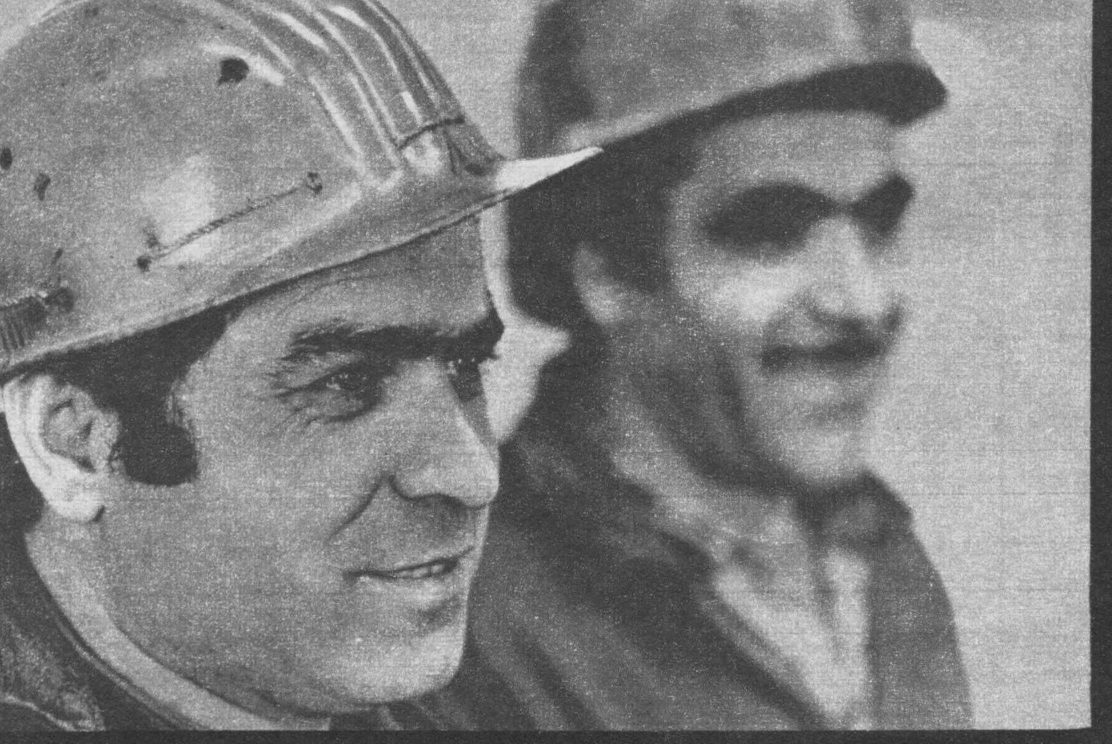
Оформление Е. М. КАЗАКОВА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 31/I 1977 г. А 00307. Подп. к печ. 15/II 1977 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 294. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 94.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ЦВЕТОК ИЗ КАМНЯ

Спартак Асатрян и Рафик Алекян работают литейщиками на Канакерском алюминиевом заводе.

Памятник Давиду Сасунскому.

Ереванский научно-исследовательский институт математических машин. Идет наладка ЭВМ «Наири».

Студентка Ереванского государственного университета Наталья Товмасян.

Геворг ЭМИН,
лауреат Государственной премии СССР

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

О Ереване писали много, и не только потому, что он ровесник Рима, но и по другой причине: только напишешь о нем, а он уже не похож на твое описание, уже стал другим — как, впрочем, и многое в нашей жизни.

Ереван — самый древний, но в то же время и самый новый, самый молодой из городов нашей страны.

Да, он ровесник Карфагена и Рима, и это не поэтическая гипербола: сохранилась и дошла до наших дней «метрика» — свидетельство о рождении Еревана, причем написана она не на бумаге, не на пергаменте, а на камне — это клинопись об основании нашего города в 782 году до нашей эры урартийским царем Аргишти I.

Еревану сейчас примерно 2760 лет, и, по-моему, правильно поступил фотокорреспондент «Огонька», смонтировав на одном из снимков вид нового Еревана и раскрытую древнюю армянскую рукопись. Не знаю, о чем повествует эта рукопись, может быть, это книга армянского историка пятого века, трактат древнего армянского философа, перевод «Категорий» Аристотеля или книга о зодчестве. Но что бы в ней ни содержалось, мы знаем, как наши далекие предки мечтали о своем светлом будущем, мечтали и о новой столице новой Армении — Ереване. Широкие современные проспекты, музеи, гостиницы, скверы, дома из розового туфа и кремового фельзита, архитектурные памятники, в которых овеществлены славные традиции наших древних памятников,— таков он, облик сегодняшнего Еревана.

А вот и молодая его жительница — юная студентка на главной площади столицы, площади Ленина. Ей еще совсем немного лет, и Ереван — не то что древний, но даже и новый, советский, приходится ей дедом. Дедом и одновременно, как это ни странно, младшим братишкой: ведь очень многое здесь — новые кварталы Норка, Араратского массива и Авана — моложе ее.

Этот красивый, оригинальный дом, который еще опоясан строительными лесами, сооружается и для нее, для студентки Натальи Товмасян. И этот Дворец молодежи с прекрасным залом бракосочетаний.

...Давид из Сасуна — главный герой армянского народного эпоса, созданного в десятом веке, когда наш народ боролся против иноземных захватчиков. По велению талантливого скульптора ереванца Кочара Давид на своем легендарном коне перескочил из десятого века, с вершин Сасунских гор, в новый Ереван и опустился на постамент на привокзальной площади.

Кто в нашем городе не знает знаменитого архитектора Александра Таманяна?! Он автор первого генерального плана Еревана. Ереван развивается так быстро, что самые смелые проекты и планы не поспевали за ним.

Много лет назад кое-кто считал Таманяна мечтателем и фантазером: ведь он, живя в городе с 40-тысячным населением, проектировал будущий город на 300 тысяч жителей. А сейчас население столицы Армении приближается к миллиону.

..Матенадаран — хранилище древних армянских рукописей. Их десятки тысяч. В них — ценнейшие сведения не только об Армении, но и о многих древних народах и странах мира, об их жизни, истории, культуре, науке. Изумительные миниатюры, украшающие эти рукописи,— предмет не только восхищения, но и кропотливого изучения во многих странах мира. Альбомы с армянскими миниатюрами издаются в Ереване, Москве, Париже, Лондоне...

Ереван — один из самых богатых музеями городов нашей страны. Среди них первая в Советском Союзе Детская картинная галерея: в ней часто организуются выставки рисунков юных художников не только Армении, но и Москвы, Ленинграда, братских республик, Англии, Ливана, Франции и других стран мира. Эти выставки пользуются огромным успехом и у взрослых и у детей, которые посещают их иногда целыми классами, а то и школой.

...Ереванский Дом шахматиста. Он совсем еще новый, но из стен его уже вышли многие талантливые шахматисты — продолжатели традиций автора «Чудесных этюдов» Генриха Гаскаряна, всемирно известного «железного Тиграна» и Рафаэла Ваганяна. Всего шесть десятков лет назад лежавшая в руинах Армения, страна сирот и изгнанников, ныне стала одним из самых развитых центров науки, техники, промышленности. Сегодня наша республика — это республика развитого приборостроения и станкостроения, электронно-вычислительных машин и электронного ускорителя, полупроводников и атомной электростанции; в обсерватории изучаются галактики и космические лучи. Созданные в Армении сверхточные приборы, обсерватории «Орион-1» и «Орион-2», побывали в космосе. Сконструированные в Ереванском научно-исследовательском институте математических машин ЭВМ «Раздан» и «Наири» известны во многих странах мира. Недавно в этом институте появилось четвертое поколение вычислительных машин «Наири».

Синхронные генераторы и многие другие машины и приборы электромашиностроительного завода имени Ленина экспортируются в 80 стран мира, а продукция ереванского электролампового, алюминиевого и других заводов пользуется большой популярностью у специалистов разных частей света.

Внимательно вглядитесь в лица рабочих-литейщиков Канакерского алюминиевого завода Спартака Асатряна и Рафика Алекяна, и вы поймете, что в Армении выплавляют не только медь, алюминий, молибден, но и новые традиции рабочего класса. Эти молодые люди уже не забитые и неграмотные чернорабочие дореволюционного времени, а вышедшие из школ, техникумов и училищ специалисты — читатели, зрители, слушатели и герои наших книг, пьес, кинофильмов, симфоний.

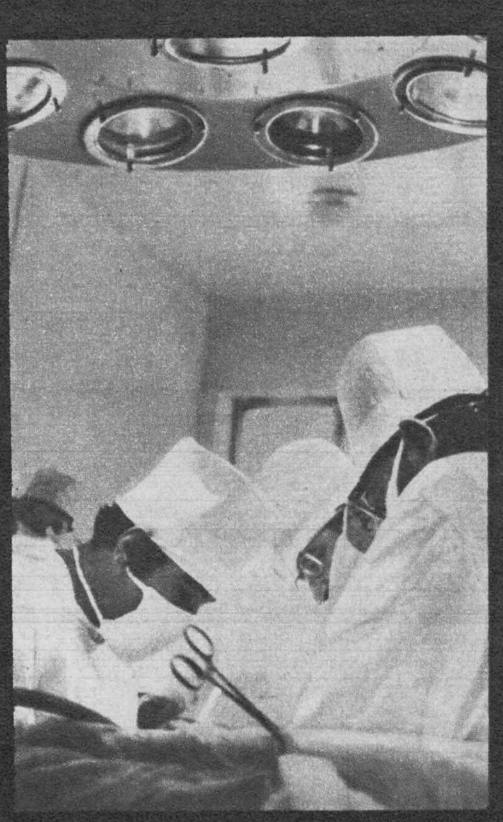
Хотя среди публикуемых фотографий нет ни одной, непосредственно отображающей науку, литературу и искусство современной Армении, но благородный отблеск нашей духовной культуры виден в республике на каждом шагу — в облике памятников, городов, на лицах их жителей. Наша древняя культура, уходящая своими корнями в глубь веков, не только возродилась вновь, не только воплотила в слове, образе, камне, звуках то новое, что принесла нам Октябрьская революция, но и рассказывает обо всем этом другим странам и народам мира.

Пусть звучат эти новые песни Армении во всем мире, и пусть звучат на армянской земле песни других народов и стран, ибо нет на свете ничего возвышеннее и прекраснее братания народа с народом и песни с песней...

Монумент в честь установления Советской власти в Армении.

В детской картинной галерее.

Народный художник Армении Р. Л. Симонян.

Институт кардиологии имени Л. А. Оганесяна. Идет операция на сердце.

Строится Дворец молодежи

Древний молодой Ереван.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663